

Anna Mein

УКРОТИТЕЛЬ

для ботинцы

Когда-то моей главной проблемой было найти хорошего парня, но теперь я вынуждена бороться за жизнь в жестоком мире обратной. Зато с мужчинами тут дефицита нет: выбирай хоть молодого и амбициозного альфу, хоть жесткого и властного укротителя волков. Только вот один хочет сделать из меня супер-оружие в войне, а второй обращается как с редким зверьком у себя на привязи...

Что ж... Я так просто не сдаюсь, и мы еще посмотрим, кто кого укротит!

Она бежала без оглядки. Ветки хрустели под ногами, ветер хлестал по лицу.

Сзади доносились крики, вой, рычание. Топот, звуки выстрелов, звуки битвы... Нет, бойни.

Дыхание стало прерывистым, ей не хватало воздуха, ноги ослабли, и она рисковала рухнуть на землю, обессилев.

Нет! Нельзя давать волю страху, нельзя сдаваться, нельзя останавливаться. Нужно бежать. Нужно спрятаться. Надежно спрятаться. Потом найти других волков, другую стаю. Предупредить их и...

Она вылетела на пустырь. Свежий воздух ударил по лицу, обескураживая. Он прохладой разлился по груди, охмелил так, что на мгновение она забыла о погоне.

Лес за ее спиной резко оборвался. А впереди... Впереди виднелся обрыв. Над темной, казалось бы, бесконечной бездной возвышалась черная глыба.

Ноги сами привели волчицу в священное место.

Крики за спиной стали громче.

Она судорожно завертела головой, выискивая укрытие. Хотя знала, что даже самая глубокая пещера не спрячет ее от охотников. Они слишком умны, слишком хорошо знают ее повадки... И на их стороне те, кто предал собственный народ. Другие волки.

Отчаяние защипало в груди. Она вдруг поняла, что не спасется.

Но сдаваться без боя... Нет, сдаваться без боя она не собирается!

Волчица уж развернулась в сторону леса, оскалилась, припала к земле, готовая вонзить острые клыки в плоть одного из преследователей, как яркий желтый свет ослепил ее.

Смоляные тучи расплылись, открывая огромную золотую луну.

Волчица никогда не видела ее такой большой, такой яркой. Она так сияла, так переливалась, так легко озаряла землю, что ей позавидовало бы даже солнце.

Свет, похожий на языки пламени, окаймил ночное светило, а потом извилистыми щупальцами подался к земле, к священной скале на краю утеса.

Искрящиеся лунные нити начали переплетаться, образуя неясный силуэт.

Но вскоре фигура стала отчетливее, вскоре уточнились черты лица, вскоре волчица увидела его... Прекрасного, грозного, совершенного.

Его кожа сияла лунным светом, большие золотые глаза глядели храбро и решительно, длинные светлые волосы напоминали роскошную львиную гриву.

Волчица взвизгнула от страха и восторга. Тут же ее мощные лапы утончились и вытянулись, шерсть спряталась под нежной кожей, волчья морда сменилась точеным женским лицом, а поджарое волчье тело — стройной девичьей фигурой.

Она упала на колени перед ним, как жрица перед своим богом и, опустив обычно упрямый, но сейчас до боли испуганный взгляд, пролепетала:

— Мой господин, Великий волк... Они предали нас! Они на нас напали!

— Я знаю, — раздалось совсем близко.

Волчица вздрогнула — не слышала, как он подошел. Великий волк был высок, крепок телом, но двигался невероятно тихо.

Горячая, словно он происходил от солнца, а не от луны, рука осторожно и нежно ухватила ее за подбородок и заставила волчицу поднять лицо.

Он склонялся над ней. Никогда... Никогда она не видела его так близко. Захватило дух от его сияния, от его взгляда, от тепла его рук и звука его дыхания. Волчица тут же забыла обо всем. О предательстве, о нападении на ее стаю, о погоне...

Но охотники уже настигли ее.

На пустырь перед обрывом выбежала группа людей в длинных серых камзолах, вооруженные винтовками, от которых исходило чуть заметное магическое сияние. Волчица знала, что это неспроста — никакое другое оружие не выпускало столь едкие, столь смертоносные пули.

За ними последовало несколько волков — грязные предатели. Тошнило от одного их вида!

Волчица вскочила, закрывая хрупким телом своего повелителя... Повелителя ее народа.

Другие волки оторопели, прижали уши и неуверенно отшатнулись, увидев его перед собой.

Охотники тоже замерли, но не от страха. На Великого волка они глядели с жестоким интересом, как на редкого и диковинного зверя, убить которого — большая честь.

Однако стрелять они не спешили, вместо того — оглянулись на своего предводителя, черноволосого, с белоснежным оскалом. Видимо, именно ему принадлежало право расправиться с повелителем волков.

И главный не спешил. Поднял винтовку, прицеливаясь. Его изумрудные глаза искрились азартом.

Играл! Он играл с ними!

Волчица оцетинилась от злости и уж готова была снова обратиться в зверя, ранить охотника, пускай ценой своей жизни... Но вдруг почувствовала, как горячие руки обхватили ее за плечи, как что-то обожгло кожу, мышцы, а потом, хмелящим, наполняющим энергией веществом распространилось по телу.

— Ты должна сделать кое-что для меня, — шепнул повелитель ей на ухо.

Она задрожала от волнения.

— Ты должна прыгнуть в пропасть.

— Что?! — волчица недоуменно на него уставилась.

— Прыгни в пропасть, я оставил там проход в другой мир. Для тебя. Спасись. Живи.

— Но повелитель...

— Я отдал тебе часть своей силы, волчица, — рыкнул он, намекая, что не собирается спорить, — сохрани ее и передай своему ребенку. Предназначение призовет его, когда волк окрепнет, и это станет нашим шансом на победу.

Не дождавшись ее ответа, он оттолкнул девушку в сторону утеса, а сам, вмиг обернувшись прекрасным и могучим волком, ринулся на охотников.

Выстрел.

Зверь зарычал, ощутив, как пуля впиалась в плоть, но и не подумал отступить.

Еще один выстрел. Волчица очнулась от ступора и бросилась в сторону пропасти. Тучи, как по приказу, заслонили золотую луну и скрыли убегающую в темноте.

Крик, на этот раз человеческий.

Волчица остановилась на самом краю пропасти и оглянулась. Великий волк добрался до охотника и разодрал ему плечо. Тот отступил, оскалился от боли. Другие начали стрелять...

Она увидела, как повелитель, обессиленный, падает наземь. И как главный охотник, лишь раззадоренный свежей раной, вновь поднимает винтовку.

Ноги подкосились.

Повелитель... Великий волк. Нет! Он не может погибнуть!

Главный охотник выстрелил. В последний раз. Его противник вздрогнул и безвольно рухнул наземь.

Волчица, тяжело дыша, уставилась на неподвижное могучее тело. Нет, нет, нет. Не может быть, не может!

— Эй! — закричал предводитель охотников, — теперь ищите девчонку!

Сердце сжалось в испуге.

«Ты должна прыгнуть в пропасть», — в голове прозвучал приказ ее повелителя.

Мышцы окаменели, мысли спутались...

Но она не могла не подчиниться ему.

Шаг назад, в пустоту. И теплая вязкая тьма утянула ее вниз.

Глава 1. Черный волк, прекрасный незнакомец и я

Никогда не замечали, как много должны миру женщины? Замечали, конечно, замечали, если вы одна из них.

Женщина должна быть красивой, она должна готовить, как шеф-повар экстра класса, должна убираться с той же скоростью и эффективностью, как целый штат слуг, она должна быть прекрасной матерью, интересным собеседником, а еще, раз уж у нас сейчас равноправие — отличным специалистом в своей профессии. А то что это все работают, а она домохозяйка? Но, разумеется, она должна совершенно спокойно относиться к тому, что будет получать в разы меньше коллег другого пола, потому что... Ну, им же семью кормить!

А еще, при всем при этом, у женщины остается важный долг — любить мужчину за то, какой он есть.

И неважно, что она в хорошей форме благодаря многочисленным и упорным тренировкам, что она порезалась или обожглась не один раз, прежде чем научилась так отлично готовить, что она мастер своего дела, воспитывает детей и содержит дом в полной чистоте — это не дает женщине права мечтать о таком же красивом, успешном и умном мужчине. Ведь если мужчина красив и ухожен, то он будет выглядеть «как гей». А искать себе богатого мужчину и вовсе меркантильно, так делают только шлюхи.

Настоящая женщина должна броситься в ноги к первому мужичку, толстенькому и лысенькому, что все еще сидит на шее у мамки, который посчитает ее более-менее годной для Его Величества.

Что? Назовите меня стервой?

Нет, не поймите неправильно, я не ненавижу мужчин и не считаю их всех сволочами. Вполне возможно, где-то среди них есть хорошие, честные, порядочные парни. Они просто очень, о-о-очень хорошо от меня прячутся.

Я просто знаю себя, свои достоинства и свои недостатки. И если я слежу за собой, работаю, если я готова строить крепкую семью и поднимать своих будущих детей, почему не имею права искать себе такого же мужчину?

«Ищи на здоровье, кто тебе мешает?!» — спросите вы. Действительно, никто. Просто после очередного свидания с представителем «доминантного вида», то бишь с мужчиной (обладателем внушительного пузика, проплешины и привычки говорить: «Все бабы дуры, кроме моей мамы»... И это в двадцать восемь лет!), у меня всегда опускаются руки.

Помните ту песню, мол на «десять девчонок по статистике лишь девять ребят»? Эта песня испортила жизнь уже не одному поколению женщин, ведь многие мужчины искренне в нее поверили. А главное, сначала-то они все такие зайчики! Конечно, век социальных сетей упростил процесс ухаживания. Сбросил избраннице музочку в контакте, прислал пару картиночек с котятами и все, можно расслабиться, конфетно-букетный период окончен, теперь она должна, как порядочная девушка, прыгать вокруг него, словно цирковой пуделек перед дрессировщиком!

А потом встречаешься с ухажером в реальной жизни, с трудом сдерживаешься, чтобы не скривить нос, пытаешься с ним говорить, искренне оправдываешься за пару лишних кило, которые он, конечно же, заметил, и на которые немедленно решил обратить внимание вслух, и не можешь отделаться от мысли: «Зачем? Зачем мне все это нужно?». Может, зря я слушала

маму? Может, не надо было все время отдавать учебе? Пока я сдавала сессию, всех нормальных парней разобрали более ушлые девчонки.

И ты сидишь с этим человеком в какой-нибудь забегаловке, с нетерпением ожидая, когда позвонит подруга, и ты сможешь сделать вид, будто что-то случилось и нужно срочно идти.

И не дай бог, он просечет фишку и устроит истерику по поводу «падших меркантильных баб».

Грустно это все. Ужасно грустно. А грустнее всего то, что мы, женщины, все равно продолжаем искать того самого мужчину, прекрасного и искреннего, который если не вернет веру в сильный пол, то хотя бы поможет сменить курс мыслей с «я должна» на «я достойна».

Эх, где ж только носит их, этих наших принцев. Неужели они не понимают, что чем дольше ждет их принцесса — тем сложнее ей бороться с желанием самой надеть латы и таки прикончить того проклятого дракона, который не выпускает ее из башни?

Иногда мне кажется, что я в шаге от превращения в "сильную и независимую". Может, хватит сидеть на сайтах знакомств и сконцентрироваться на поиске кота?

Задумавшись обо всем разнообразии пород братьев наших меньших, я и не заметила, как завибрировал в кармане куртки телефон.

Но неприятное жужжание все же пробилось сквозь стену не менее неприятных мыслей. Пришлось притормозить, чтобы высвободить мобильник из узкого кармашка. Наверное, Лидка, подруга, звонит. Именно она всегда выручала меня во время свиданий, а потом делала контрольный звонок, в том случае, если я с него сбегала. Это, быть может, и некрасиво, но на некоторых кадров просто больно тратить свое время.

Однако на экране высветился другой контакт: "Мама". Я вздрогнула и недоуменно уставилась в телефон.

Мы с мамой не разговаривали уже полгода. После папиной смерти она начала отдаляться... Как бы я ни пыталась наладить связь, мама находила все больше причин не общаться. А вскоре и вовсе стала избегать меня — не отвечала на звонки, не бывала дома, когда я к ней приходила (хотя соседи уверяли, что постоянно ее видели).

Почему она так себя вела — тайна, покрытая мраком. И почему сейчас она вдруг решила объявиться — тоже.

Напрягшись, вздохнув, чтобы удержать нарастающую злость и обиду, ответила на звонок.

— Дарина, — прохрипел знакомый голос. Связь была ужасной, я едва различила, как мама крикнула, — беги!

— Что?! — вырвалось у меня. Беги?! Куда беги? Зачем? Что за бред?

Вдруг помехи прекратились, я услышала теперь уже четко, громко:

— Дарина! Беги!

Прежде чем удалось сообразить, что происходит, за спиной раздался устрашающий рокот. Сердце замерло. По спине пробежали мурашки.

Порой человек нутром ощущает приближающуюся опасность. В тот момент я ее ощутила.

Обернувшись, вздрогнула испуганно. Посреди пустой вечерней улицы на проезжей части стояла собака. Огромная собака. Черная, как смола, с глазами ярко-желтого цвета. Эти глаза словно бы светились.

Собака напоминала лайку. Только ноги у нее были длиннее, грудь — шире и крепче, а живот, наоборот, более втянутый.

Не-ет. Таких собак не бывает.

Я знала, что это за животное. Интуитивно знала, просто не могла поверить. Ведь разве можно встретить в большом городе... Волка?

Он держал в пасти какой-то плоский предмет. Станный такой, поблескивающий. Впрочем, это не помешало зверю оскалиться, оголяя белые острые клыки.

Страх парализовал, руки ослабли, и я невзначай выронила мобильник. Он с треском ударился об асфальт. Этот звук пробудил от ступора.

Резко развернувшись, так что распущенные волосы хлестнули по лицу, я побежала. Боже! Зачем я надела каблуки?!

Волк, взвизгнув, бросился следом. Сквозь гул сердца доносилось его тяжелое дыхание, лязг длинных когтей о тротуар и прерывистый рокот.

Нога вылетела из туфли. Удержавшись на ходу, я, не задумываясь, сбросила и другую. Мелкие камешки больно впились в нагие ступни, но это ничто по сравнению с клыками дикого зверя.

В груди так сильно колотило, что, казалось, сердце разобьется о ребра... Я никогда не бежала так быстро. Так, что в ушах засвистел ветер. Тело двигалось само, а разум словно бы потерял над ним контроль, и я наблюдала за происходящим со стороны.

Закричать. Нужно кричать, позвать на помощь! Почему же... Почему же нет сил произнести хоть слово?

Вдруг — удар в спину, как если бы кто-то со всей дури меня толкнул. Не удержавшись на ногах, я повалилась наземь, больно треснулась подбородком, но не растерялась, тут же перевернувшись, чтобы дать отпор.

Горячее дыхание ошпарило лицо. Внутри все стянуло ужасом.

Волк склонялся надо мной. Смотрел прямо в глаза.

Его взгляд казался таким глубоким, таким осознанным... Я слышала, что эти звери очень умны, но это... Это был взгляд человека.

Грудь заболела от тяжелого дыхания. Судорога проняла руки и ноги. Я уставилась на волка ошарашенно, интуитивно закрыв горло руками.

Однако он не нападал. Лишь продолжал глядеть.

Я невольно дернулась. Решив, видимо, что жертва пытается сбежать, зверь уперся в меня лапами, прижимая к земле и обездвиживая.

Какого... Какого черта?!

Предмет, который он держал в зубах вдруг быстро замигал. Точнее, замигала одна из кнопочек на приборной панели — сейчас я поняла, что это какое-то техническое устройство.

Мерцанию затворил неприятный писк. Он быстро нарастал и вскоре стал таким невыносимо высоким и громким, что я стиснула от боли зубы и зажмурилась.

Внезапно раздалась вспышка, такая яркая, что ослепила даже сквозь плотно сомкнутые веки. Писк отвратительным эхом повторился в голове. Меня оглушило. Уж было замершее от страха сердцебиение участилось, а дыхание, наоборот, перехватило.

На мгновение почудилось, что подо мной больше нет земли, что тело парит в невесомости, но это ощущение быстро исчезло. Нечто ударило по спине, как если бы я упала с небольшой высоты. Мягкая и влажная субстанция обволокла голову.

Кровь?..

Вздрыгнув, я очнулась, и трясущимися пальцами провела по волосам. На ладонях оказалось что-то темное, плотное. Не кровь, точно.

Но что?

Земля. Только сейчас поняла, что асфальт мегаполиса исчез. Замес него была влажная и вязкая почва.

И было тихо. Безумно тихо. Темно. Над головой смыкались в купол кроны старых деревьев. Между листьями проглядывались звезды. Яркие созвездия, крупные скопления — словно искрящиеся бриллианты, рассыпанные по бархату.

Как... Как я здесь очутилась?

Рычание, уже знакомое, оторвало от рассеянных мыслей. Вздрыгнув, тут же села, готовая вскочить и... Убежать или защититься. В зависимости от расклада. Но сдаваться я точно не собиралась.

Черный волк стоял на отдалении. Глядел светящимися золотыми глазами и почему-то уже не приближался. Устройство в его пасти мерцало более тускло. Как если бы у него садилась батарейка.

Вопрос: «Что происходит?!», — почти сорвался с уст, но я остановила себя. Разве может волк ответить?

Издали раздался громкий звук, похожий на грохот от салюта. Он прогремел, а потом вновь сменился тишиной. Напряженной тишиной.

Сердце сжалось в предчувствии чего-то очень, очень нехорошего.

Я заметила, что черный волк прижал уши к голове, оцетинился, пригнулся, готовясь к резкому рывку.

Он как-то странно вздрогнул, изогнулся во внезапной судороге, словно его тело вдруг решило поменять форму, но сразу заставил спину и лапы принять правильное положение. Взглянул на меня решительно и вместе с тем — с каким-то сожалением... И, прежде чем я успела хоть что-то понять, сиганул в сторону ближайшего кустарника и скрылся за его шипастыми ветвями.

Сразу, как по команде, грохот повторился. Уже намного ближе.

Мышцы напряглись, я застыла недоуменно. Это был не фейерверк... Это... Выстрелы!

Я вскочила, но тут же замерла напряженно и вслушалась.

Раздался топот, какие-то крики. Грозные и веселые одновременно. Так орут выпившие мужчины, когда начинают балагозить всей оравой.

Вдруг различился треск веток, густые ветви рябины передо мной угрожающе зашуршали и, прежде чем удалось опомниться, навстречу вылетел кто-то... Кто-то высокий и крепкий. Не заметив преграду в виде озадаченной и растерянной девушки на своем пути, незнакомец со всей дури влетел в меня.

Я вскрикнула, больше от удивления, чем от страха, и неуклюже повалилась обратно на землю. Бежавший, хоть и упал вслед за мной, оказался более ловким — выставил перед собой сильные руки, приземлился на них так, что я избежала участи оказаться раздавленной им.

Все произошло так быстро. Не успела и моргнуть, как обнаружила его склонившимся над собой.

Я застыла от недоумения и... Смущения. Незнакомец оказался редким красавцем. Такие смотрели на меня лишь с обложек модных журналов. Высокие выпирающие скулы,

заостренный, но при этом мощный подбородок, прямой нос. Ноздри широко раздувались. Он тяжело дышал после бега. Не удержалась и быстро посмотрела на его торс. Из-под распахнутой белой куртки выглядывали красивые рельефные мышцы... Боже! Как же он хорош!

Он смотрел на меня прямо, не отводя взора и как будто бы оценивая. Я отчего-то боялась его решительного взгляда, хотя никогда не принадлежала к робкому десятку.

Вдруг незнакомец приблизил лицо к моему лицу и глубоко вдохнул запах моих черных волос. Я затрепетала и тут же ужасно разозлилась. Что он себе позволяет?! И почему я не отталкиваю его, не ставлю на место?

Он резко отдернулся и осведомился:

— Я не знаю этот запах. Из какой ты стаи? — его голос немного напоминал рокот зверя, был таким же низким и бархатистым.

— Стаи? О чем ты? — удивилась я искренне.

— Ты... — вдруг он преобразился, в выражении лица появилась пугающая жесткость, — ты одна из псин?

— Чего-чего? — ладно, он красавчик, но это не дает ему права называть меня так! Что дальше? Обзовет шкурой? Я думала, это тема лишь неуверенных в себе пацанчиков, — сам ты псина, урод! — сдерживать себя не стала. Хотя могла бы сказать и резче! Но что поделывать, у красивых мужчин особые привилегии.

Крики неизвестных усилились. Гроыхнуло, и что-то со свистом пронеслось рядом с нами. Оно ударилось о ствол тоненькой рябинки и расщепило его. Пуля.

— Вставай, быстрее! — выкрикнул красавчик, резко поднимаясь.

Он подал руку и, когда я послушно уложила в нее свою ладонь, ловко и уверенно притянул к себе, помогая подняться.

Потом, не выпуская моих пальцев из крепкой хватки, парень дернул в лесную чащу. Я с трудом попевала за ним, ветви больно хлестали по лицу, опавшие иглы еловых деревьев, камни, твердые растения, похожие на лишайник, впивались в голые ступни. Тяжелым ночным воздухом было сложно дышать, тревожное биение сердца отзывалось гулом в голове и болезненной пульсацией в висках.

Я ни черта не понимала. Почему я бегу за ним? Куда мы бежим? От кого?

Мысли роем вились в голове, ухватиться за хотя бы одну из них не удавалось. Ненавижу плыть по течению, но... Все слишком быстро, все слишком сложно и непонятно. Я доверилась инстинкту, интуиции.

Не было сомнений: те, кто бежит следом, не желают нам ничего хорошего. Какой нормальный человек будет стрелять по другим?! В ночном лесу?

И снова грохот, свист. Очередная пуля пролетела так близко, что рассеченный ею воздух больно ударил по плечу. Я взвизгнула, чуть не запнулась, но чудом удержалась на ногах.

Розовый клатч, мой неизменный спутник на свиданиях, зацепился за крупную ветку дерева, я снова чуть не упала... Ремешок слетел с плеча, и сумка так и осталась болтаться на старой березе. Времени остановиться и вернуться не было.

Черт. Там кошелек и ключи! Но жизнь важнее.

Ступни заскользили по влажной почве, начали попадаться гладкие мокрые камни. Местность менялась.

Послышались шипение и гул. Мой провожатый юркнул в черный кустарник с крупными круглыми листьями, и утянул меня за собой. А за зарослями...

За зарослями оказался небольшой, но невероятно красивый водопад. Белая вспенившаяся вода каскадом обрушивалась с серой скалы. Листва небольших деревьев и кустарников, окруживших потаенный уголок, отражала сиреневый ночной свет. Мох, покрывший каменный утес, переливался малахитом. Здесь было тепло и душно, как в бане. Брызги освежили лицо, взбодрили.

На мгновение я даже забыла о преследователях, о прекрасном незнакомце, что все еще держал меня за руку, о том странном волке и необъяснимом перемещении из мегаполиса в этот богом забытый лес. Но лишь на мгновение. Из-за спины донеслись крики, громкие переговоры... Различилось и прерывистое рычание. Кажется, у них были собаки.

Господи, что за маньяки? Это... Это что охота на людей? Меня похитили, а теперь выслеживают?

Предположение безумное, но отчаяние и страх, забурлившие в груди, даже его превратили в реалистичное.

Провожатый вздрогнул, напрягаясь, развернулся лицом, схватил меня за плечи и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Ты мне доверяешь?

— Чего?

— Надо прыгать, — заявил красавчик.

— Что?! Ты в своем уме?!

— Доверься мне! Здесь безопасно прыгать, — он отшагнул к самому краю утеса, протянул руку, приглашая приблизиться, и прибавил, — ты можешь остаться здесь, если хочешь быть растерзанной их псынами и застреленной из их ружей. А можешь прыгнуть со мной с обрыва и сохранить себе жизнь.

Я уж было задумалась. Попыталась сообразить, что же на самом деле происходит, стоит ли доверять этому парню... Но судьба лишила возможности взвесить все «за» и «против». Крики преследователей раздались совсем близко, возобновились выстрелы. Пуля свистнула сбоку и ошпарила руку над локтем.

Я стиснула зубы, сдерживая крик. Они не шутили! Они действительно собирались нас убить!

Сердце замерло, разум отключился.

Все перед глазами затуманилось, когда я решительно ступила к союзнику, когда он крепко сжал мою руку, когда шагнул с утеса в бездну и когда я последовала за ним...

Страх пронесся от пят до головы и с криком вырвался из тела.

Удар о водную гладь, потом — непродолжительное погружение. Холод пруда остудил и объял приятной пеленой. В голове прояснилось. Я открыла глаза, увидела, как лунный свет пронзает подводный мир серебряными лучами, увидела, как вокруг вьются пузырьки воздуха, а провожатый все еще держит меня за руку и тянет к поверхности.

Жива... Жива!

Эта мысль отрезвила, придала сил. Резко ударив ногами, я поплыла вверх, вырвалась из кромки воды и с упоением вдохнула воздух.

— Сюда, быстро! — послышался голос союзника. Он с трудом различался сквозь гул воды, обрушившейся с утеса, но слух отчего-то стал в два раза острее. Видимо, все дело в адреналине.

Красавчик потянул меня к водопаду. Мы прошли сквозь него и очутились на пороге глубокой потайной пещеры. Тут оказалось на удивление тихо. Даже шум воды ощущался как-то приглушенно.

Мокрые валуны поблескивали, холодный каменный пол закусал нагие ступни. Я поежилась и обхватила саму себя руками.

Однако этого было слишком мало, чтобы согреться.

«Господи, — пронеслось в голове, — да что же происходит?!». Это все какой-то бред. Лютый бред. Почти наркоманский. Может, я сплю? Да нет, чувствую и холод воды и боль от ссадины на руке.

Омерзительное ощущение беспомощности накатило волной. Я невольно вжалась в стену пещеры, скукожилась... Еще бы отрастить иголки и вот вам ежик!

Так. Надо собраться, нужно расставить все по местам. Как... Как я очутилась в лесу? Выясню — тогда станет ясно, что делать и как выйти из этой ужасной ситуации победительницей.

— Ты как? В порядке? — послышался голос провожатого.

Я вздрогнула — на мгновение даже забыла о его присутствии! Оглянулась. Парень стоял на отдалении, он снял свою белую куртку и старательно выжимал из нее воду. Тусклый свет обволок его сильное мускулистое тело... На руках стали видны длинные шрамы, словно бы от когтей дикого зверя.

Невольно вспомнился тот черный волк...

— Я... — не знала даже, что ответить. Все слишком сложно и непонятно, — нормально, — с трудом выдавила из себя, — я ни черта не понимаю, но я в порядке, — прибавила уже более уверенно.

Он почему-то усмехнулся.

— Как тебя зовут? — дознался парень, закончив выжимать куртку. Впрочем, он не надел ее, только перекинул через плечо.

— Дарина, — ответила чуть растерянно, — а ты?..

— Рэйн, — представился он.

Я нахмурилась. Что за имя такое странное?

— Не знаю, решатся ли они обыскать утес и пруд, — проговорил Рэйн, не замечая моего

недоумения, — могут плюнуть — охотники давно уже изнежились... — однако он тут же прибавил, — но могут и заморочиться — больно хотят меня изловить.

— Зачем им ты? — удивилась я.

Парень самодовольно улыбнулся и с гордостью произнес:

— Я — альфа. Лакомый кусочек для гребанных укротителей.

— Альфа? — господи, да что он несет?!

— Да, — у Рэйна, видно, были какие-то проблемы с распознаением эмоций. По крайней мере, мое недоумение и подозрительность он так и не заметил. А я уже и не пыталась их скрыть! — но не волнуйся, я не бросаюсь на чужаков, не разобравшись, кто они и куда идут, — парень приблизился, оперся рукой о каменную стену пещеры и глянул на меня с противоречивой нежностью. Потом прошептал, — так кто ты такая, Дарина? Из какой ты стаи?

— Стаи? Какой стаи?! — непонимание вмиг переродилось в злость. Я широко развела руками и отстранилась. Тут же в ступнях отдалось резкой болью. Я скривилась и согнулась. И только сейчас поняла, что изранила ноги, пока бежала за Рэйном по лесу.

Это он, к счастью, сумел заметить.

— Эй, ты в порядке? — парень подался ко мне и заботливо обхватил руками. Глянул на ноги и напряжено стиснул губы, — как ты босая ходила по лесу?

— Я не знаю! — от всех этих вопросов я уже готова была расплакаться! — я ни черта не понимаю, как ты не видишь? Я без понятия, как оказалась в лесу! Без понятия, кто те психи, которые по нам стреляли! Без понятия, кто ты такой!

— Ладно-ладно, успокойся! — кажется, как и у большинства мужчин, у Рэйна была аллергия на женскую истерику, — сейчас... Сейчас мы с тобой что-нибудь сообразим.

Его руки потянулись к моим коленкам. Я ударила его по ладоням, прежде чем парень успел меня схватить и выкрикнула с протестом:

— Что ты творишь?!

— Нам нужно идти по пещере, — буркнул он, не распрямляясь, — ты идти не можешь, так что я тебя понесу.

— Понесешь? И куда, скажи на милость, ты собрался меня нести?

— А, ну я подумал, что раз ты прыгнула за мной с утеса, то все, мы вместе навсегда, — протянул он саркастично, — но если хочешь остаться и подождать охотников... — он качнул плечами и сделал выражение лица «мне все равно».

Я задумалась на секунду... Но решение, логичное решение, было только одно — довериться Рэйну. Он, по крайней мере, в меня не стрелял.

Позволить незнакомцу унести себя в пещеру, конечно, та еще идея, однако... Делать нечего, придется плыть по течению и разбираться по ходу действия.

— Ладно, — проворчала я, — можешь меня нести.

— О, спасибо, за такую великую честь! — усмехнулся он, снова наклоняясь и поддевая меня под коленками.

— Ой, да заткнись! — огрызнулась в ответ, однако Рэйн в тот же миг резко поднял меня в воздух, отчего я вскрикнула и обхватила его за шею. Боже... У него была такая горячая кожа! Смущение не пошло на пользу напускной грозности, и на мое ворчание Рэйн лишь закатил глаза.

Он торопливо двинулся по темной пещере. Парень шел быстро, легко, тихо, как лесной зверь. И словно бы вовсе забыл о ноше в виде меня. Невольно почувствовала себя пушинкой.

Хотя еще утром весы сообщили о паре лишних килограмм, возникших неизвестно откуда.

Мысль о доме отдалась в груди болью и страхом. Смогу ли я вернуться? Вот надо было попасть в такую историю! Да не попасть — вляпаться. Окунуться по самые уши!

Туннель вилял, не видно было ни зги. Вселенская загадка, как ориентировался здесь Рэйн... Но даже ему приходилось временами останавливаться и... Не знаю, что он делал. Вглядывался? Прислушивался? Принюхивался?..

Он просто замирал на пару секунд, потом вздрагивал и резко продолжал идти.

И чем дальше уносил он меня от входа, чем тише становился гул водопада, тем сильнее сжималось сердце. Только сейчас я поняла, что действительно, в самом деле, позволила этому парню со странным именем утащить себя в темный лабиринт, из которого не выберешься без посторонней помощи.

Когда отчаяние захлестнуло уже почти полностью, а в голове начали образовываться планы побега, впереди показался свет.

Да, свет в конце туннеля! Господи, а что если я умерла?!

Мотнула головой, отгоняя нелепую мысль. Нет, таких грехов я в жизни не совершила, чтобы попасть сюда!

Глава 2. Его зовут Рэйн — 2

Лабиринт не окончился, как мне сначала показалось, он протягивался дальше, одному богу известно, сколько было здесь поворотов, пересечений и тупиков... Однако Рэйн принес меня к месту, где в потолке виднелась широкая расщелина. Сквозь нее внутрь просачивался голубоватый лунный свет, распугивавший тьму подземного мира.

Когда мы приблизились, повеяло свежим воздухом. От холодного запаха ели закружилась голова.

Рэйн опустил меня, оглянул расщелину, размышляя.

— Прыгнуть ты не сможешь, — прошептал он, — с твоими-то ногами. Так что залезай на спину — а оттуда наружу.

— Через эту щель? — я оглянула отверстие с недоверием. Застрясть там будет очень весело! — а что если я не пролезу?

— Пролезешь, — усмехнулся Рэйн, — через нее две таких как ты пролезет!

Что ж, это было мило. Но неубедительно. Я все равно переживала за свои ляжки.

Однако провожатый не дал сомнениям ни шанса окрепнуть: опять подхватил меня, но на этот раз усадил на плечо так, что я чуть не ударилась головой о каменный свод пещеры.

— Ай! Осторожнее! — воскликнула нервно.

Аккуратно протянула руки через отверстие, нащупала край расщелины и изо всех сил подтянулась. Рэйн приподнял меня, помогая выбраться. Через мгновение я оказалась посреди обширного каменистого пустыря. Лес виднелся вдали, за спиной.

Такое странное место... Не припомню усыпанных валунами и скалами степей в нашей области.

Не могли же меня увезти так далеко от дома!

Рэйну не понадобилась чужая помощь, чтобы выбраться. Еще бы! С такими-то мускулами!

Он распрямился, деловито отряхнулся. Наконец, надел обратно белую куртку, решив, видимо, что она достаточно высохла. Потом внимательно оглянулся.

— Думаю, мы оторвались, — заключил он с видом знатока.

— Думаешь или все же оторвались? — уточнила я чуток раздраженно. Вот уж с кем, а с теми стрелками встречаться не хотелось.

— Оторвались. Точно. Укротителям ни в жизнь не пройти по туннелям. Да даже если бы и прошли — в Каменную Степь они не сунутся. Тут слишком много наших.

Я кивнула, хотя не была уверена, что обилию "их" стоит радоваться. Знать бы еще, кто они!

— Здесь рядом есть скала, — Рэйн же продолжал, — под ней можно укрыться на ночь. Подлатаем твои ноги. Утром я приведу тебя в стаю и покажу Главной Матери. Она поможет разобраться.

Стая? Главная мать? Казалось, этот день не может стать еще страннее.

Ступни уже не кровоточили, но затягивающиеся порезы начали неприятно пульсировать. Впрочем, я не позволила Рэйну снова взять меня на руки — не хочется казаться последней слабачкой.

Не перед ним — перед собой.

Так что пришлось ковылять за парнем. Спутник то и дело оглядывался недовольно и

всем своим видом демонстрировал, как ему не нравится медлить. Но раз за разом Рэйну хватало пересечься с моим злым взором, чтобы промолчать и отвернуться.

Скала, его хваленое укрытие, не представляла собой ничего особенного. Но в сложившейся ситуации даже при виде нее сердце радостно забилось быстрее.

Вытянутая и изогнутая, она напоминала клык, вдруг выросший из земли. Под скалой образовалась небольшая углубление, слишком открытое, чтобы назвать его пещерой. Там были набросаны какие-то сухие ветки, листья, мох... Видимо, укрытием пользовался кто-то до нас, и этот мусор — импровизированная лежанка.

Только сейчас Рэйн позволил себе продемонстрировать усталость и тяжело плюхнулся на листовенную подстилку. Он потянулся, зевнул, потом, заметив, что я все еще стою, похлопал по месту рядом с собой и пригласил:

— Устраивайся, чего мнешься?

— Я не мнусь, — отозвалась хмуро, но все же села.

— А что? Стесняешься меня? — он ухмыльнулся.

Есть такой тип парней: хочется то кинуться к ним в объятия, то со всей силы врезать по морде. Вот Рэйн был из таких.

— Скажи, — после долгого молчания снова заговорил он, — что ты имела в виду, когда говорила, что не понимаешь, где находишься?

— Именно это и имела в виду, — отозвалась я, прижимая ноги к груди. Резко похолодало, а одежда так до конца и не высохла. Еще чуть-чуть и совсем околею!

— Ты отбилась от стаи? Вроде не маленькая девочка, чтобы теряться...

Эти слова меня взбесили. Да что он знает?!

— Не отбилась я ни от какой стаи! Я вообще не понимаю, о чем ты! Я возвращалась домой, когда встретила того долбанного волка... Все... Все из-за этого волка! Черного волка!

Глаза Рэйна удивленно округлились, и я тут же замолкла. Чем... Чем он так напуган?

— Черный волк? Ты видела Черного волка?

— Да... Что это значит?

— Во имя Луны, с какой ты планеты?! — выкрикнул он саркастично.

На это я вполне серьезно ответила:

— С Земли, твою мать! А вот что это за планета — для меня большой вопрос!

— Так, — он вскинул руки, призывая меня успокоиться. Я замолкла и отвернулась. Рэйн же проговорил тихо, — ладно. Сейчас я сам запутаюсь. А два запутанных волка — легкая цель для охотника, — он вздохнул, потер лоб, помолчал секунду, затем повторил наш план действия, — переночуем здесь, а о своих удивительных приключениях расскажешь Главной Матери. Она расставит все по местам... А до этого договоримся: никаких вопросов.

— Никаких вопросов? — переспросила я неприятно поникшим голосом. Как без вопросов? Они вихряются в голове, не дают спокойно думать, не позволяют здраво рассуждать!

— Никаких вопросов, — подытожил Рэйн, укладываясь на подстилку.

Пришлось согласиться. С большой, просто огромной неохотой.

Я тоже легла. На отдалении. Сухие листья и ветки совершенно не спасали от холода камня. Наверное, уже посинели губы... Зубы так давно стучат.

Не засну. Тут я ни за что не засну.

— Жаль луна сегодня не полная, — до слуха донесся шепот Рэйна, — можно было б

обратиться. Мех сейчас пришелся б кстати.

Я решила пропускать его слова мимо ушей. Иначе все выглядит слишком странно, слишком безумно. Нужно просто дождаться встречи с той матерью... Она объяснит. Да. Обязательно.

Я сама в это не верила...

Вдруг сильная рука Рэйна легла мне на локоть, я почувствовала, как он придвигается... И тут же вскочила, недоуменно и гневно на него уставившись.

— Ты что творишь?! — рыкнула на него.

— Холодно же! — воскликнул он так, будто не сделал ничего особенного, — или в вашей стае волки не греют друг друга ночью?

Почему-то это послышалось как упрек. Плевать. На сегодня мне хватит его прикосновений!

— Никто никого не греет, — буркнула я, — так что не трогай меня, пожалуйста.

— Пожалуйста? Ты знаешь это слово?

Пропустить ехидство мимо ушей было сложнее. Что поделать — с детства привыкла всегда давать сдачу.

Сжав пальцы в кулак, брезгливо отвернулась, легла к парню спиной и свернулась калачиком в надежде, что это поможет согреться.

Нефига.

На мгновение стало тихо. Так непривычно... Ни шума машин, ни криков подвыпивших людей, доносящихся из бара на первом этаже моего дома. Только сиплое дыхание Рэйна.

Вдруг слышала, как он ворочается, как шелестит под ним подстилка. Потом нечто теплое и плоское упало на меня. Вздвогнув, поняла: это его белая куртка. Она казалась легкой, летней, но в действительности была сделана из какого-то очень плотного материала.

Изрядно замерзшая, я жадно ее схватила и плотно укуталась.

— Вредина. — Буркнул Рэйн, переворачиваясь на бок.

В груди все стянуло чувством вины. Да он же, кажется, спас меня! Почему я веду себя как последняя стерва?

С трудом заставила себя пролепетать:

— Спасибо, Рэйн.

В ответ он лишь хмыкнул.

Мы снова замолчали. В груди все как будто стянуло. Перед глазами мелькали воспоминания этого безумного дня. Пещера, водопад, прыжок. Лес, свист пуль, крики преследователей. Черный волк. Черный волк с невероятно умными глазами, которые выражали почти человеческое сожаление.

— Рэйн... Эй, Рэйн, — я не могла унять.

— Ну чего? — проворчал он сонным и уставшим голосом.

Я хотела спросить у него про Черного волка, но... Но вдруг вспомнила об обещании обойтись без вопросов, о том, что Рэйн пережил сегодня все то же, что пережила я, а возможно и больше — кто знает, сколько преследовали его те стрелки? И стало совестно беспокоить его.

Но ответить что-то надо было, потому я спросила:

— Тебе не холодно?

— Нет.

— Рэйн...

— Да спи ты уже!..

Стиснув зубы, поборов горделивость, я прижалась к нему осторожно и накрыла частью куртки.

Он промолчал, не подал виду. Но глаза уже привыкли к темноте, и я без труда различила, как Рэйн мягко улыбнулся.

Мы выдвинулись до рассвета. Рэйн сказал, что так лучше: пока солнце не встало, нас скроют сумерки. Хотя совсем недавно он утверждал, будто здесь безопасно... Но видимо, поделился не всей правдой.

То и дело он напряженно оглядывался по сторонам, выискивая кого-то на горизонте. Его волнение передалось и мне: мышцы словно бы окаменели, спина выпрямилась струной, ноги с трудом сгибались. Вкупе с большими ступнями это сделало продвижение медленным и тяжелым.

Скорее бы найти людей, добраться до телефона, вернуться домой! О, я бы все отдала ради горячей ванны!

Вдруг послышались голоса, точнее — беспокойный ропот. Где-то поблизости была группа людей, которая тихо, но бурно что-то обсуждала.

Я уж замерла встревоженно и уставилась на Рэйна, чтобы увидеть, в какую сторону он побежит. И даже заставила себя забыть о разбитых ногах — бежать так бежать, уже не впервой.

Однако провожатый, ликующе улыбнувшись, уверенно двинулся к разговаривавшим. Он ловко обогнул несколько крупных валунов, преграждавших обзор, и скрылся за одним из них.

Я едва за ним поспела. На мгновение сердце екнуло: вдруг отстану? Но парень не ушел далеко, уже за последним из камней оказался небольшой спуск. За ним, на пустыре, расположилось стойбище.

Оно чем-то напоминало поселение индейцев: по периметру расставили сооружения, напоминавшие вигвамы, только довольно маленькие и собранные наспех, а в центре — большой костер, вокруг которого сидело человек двадцать, может быть, тридцать. В основном — старики и дети, несколько молодых женщин и лишь парочка мужчин. Почти все из индейцев носили одежду из кожи и шкур, украшенную разноцветными лентами, но у некоторых, как у Рэйна, были современные белые куртки.

Когда мой провожатый вышел на пустырь, люди замолкли и уставились на него. Вдруг вскочила одна из девушек и, выкрикнув пронзительно: "Рэйн!", — кинулась ему на шею.

Ага, вот и подружка его нарисовалась. А я уж было раскатала губу. Хотя сейчас голову больше кружила мысль о возвращении домой. Только... Странно это все. Странные люди, странное место. Господи, да куда же меня занесло?! Сейчас я готова была поверить в любую, даже самую безумную теорию.

Вслед за девушкой повставали и остальные. Они окружили Рэйна, загоготали, зашумели радостно. Дети принялись скакать вокруг него, женщины — обнимать, мужчины — одобрительно хлопать по плечу. Рэйн в ответ лучезарно, но чуток самодовольно улыбался.

К нему ринулись все, кроме одной старухи. Сгорбленная, сморщившаяся, она выглядела так, словно ей сотня лет. Опершись о свой посох, увешанный какими-то странными мешочками, она с трудом приподнялась. Глаза старухи, желтые, как у хищной птицы, уставились прямо на меня. Внутри все похолодело. Старуха как будто насквозь пронзала взглядом. Чудилось, что она заглянула мне в душу и вывернула ее наизнанку.

— Рэйн, — ее голос оказался на удивление громким и сильным. Стоило ему прозвучать

— люди замолкли и застыли, устремив на старуху все свое внимание. Она же продолжила, — кого ты с собой привел?

Кажется, только сейчас меня заметили остальные.

От их сверлящих взоров стало еще больше не по себе. Замутило. Я сжалась невольно, тут же попыталась распрямиться, чтобы не показаться слабой, но ничего не вышло.

К счастью, Рэйн подоспел на помощь. Он высвободился, не без радости, из объятий той девушки, подскочил ко мне и, взяв за руку, притянул поближе к костру.

— Это Дарина, — представил он меня, — мы столкнулись в лесу и вместе сбежали от охотников.

Я кивнула и одновременно с этим качнула плечами, будто подтверждая его слова. Выглядело это неуклюже. Господи, почему все они так пялятся?

— Дарина, — теперь Рэйн обратился ко мне. Он указал на старуху, — это Грагша, Главная Мать нашей стаи. Она поможет тебе во всем разобраться.

Старуха глядела на меня все тем же тяжелым пронзающим взглядом. Поможет? Ой, не знаю...

— В чем ты хочешь разобраться, чужая? — проскрежетала Грагша, усаживаясь обратно на свой плетеный табурет.

Я уж было раскрыла рот, как Рэйн снова заговорил за меня:

— Она встретила Черного волка.

Черного волка?! Да плевать на него, я хочу домой! Однако эта новость захватила остальных. Они зашептались взволнованно. Кто-то крикнул, что я должна проваливать, но Рэйн крепче сжал мою ладонь.

Стало страшно.

Эти люди — ненормальные. Как пить дать!

Главная Мать вскинула руку, призывая соплеменников к спокойствию. Потом кивнула мне прерывисто и указала морщинистым пальцем на сиденье рядом с собой. Я затушеввалась, однако Рэйн легко подтолкнул в сторону к Грагше, и это придало немного сил.

Осторожно приблизившись, села подле нее, обхватила саму себя руками, чтобы успокоиться. Помогло не особо.

— Рассказывай свою историю, чужая, — прокряхтела старуха, не отводя взора от костра.

— Я... — мысли все еще вихрились в голове, потребовалось немного времени и львиная доза усилий, чтобы более-менее расставить их по местам, — я шла домой. Возвращалась со свидания, — события вдруг выстроились в правильную цепочку, я вспомнила то, что сперва вылетело у меня из головы, — и мне вдруг позвонила мама. Это было очень странно, ведь она очень давно со мной не разговаривала...

— Позвонила? — спросила старуха как-то напряженно.

— Да... — я нахмурилась.

Грагша окинула тяжелым взглядом странно притихшего Рэйна, потом, наконец, посмотрела на меня. Лучше бы она этого не делала. От ее золотых глаз снова побежали мурашки по спине.

— Ты возвращалась домой... Где ты живешь? — спросила Главная Мать.

— В городе! — ответила сразу, но тут же уточнила, вспомнив, что могу находиться и не в своей области, — в Питере.

Люди снова зашептались. Это не предвещало ничего хорошего.

— В городе?! — выкрикнула девушка, что первой кинулась к Рэйну, — да она одна из псин!

Остальные подхватили ее недовольство. Грагша снова вскинула руку, чтобы всех унять, но на этот раз жеста оказалось недостаточно.

И Рэйн решил вмешаться. Он развернулся к соплеменникам, набрал полную грудь воздуха и вдруг громко, пронзительно рыкнул, как дикий зверь.

Сердце вздрогнуло, внутри похолодело... Я и не знала, что человек способен издавать такие пугающие, дикие звуки.

На мгновение показалось, будто руки Рэйна покрыла жесткая шерсть, а ногти превратились в острые когти... Но стоило моргнуть, и все пришло в норму.

— Тихо! — однако в его голосе все еще слышалась звериная вибрация, — дайте Главной Матери разобраться!

Остальные не посмели спорить. Видимо, Рэйн здесь пользовался уважением.

— Я не слышала о таком городе, чужая, — когда все замолкли, Грагша снова заговорила, — но лучше скажи сразу: связана ли ты с Укротителями?

— Укротителями? — наверное, по моему лицу было видно, что говорю я совершенно искренне, — я понятия не имею, кто такие Укротители! Говорю же... Я возвращалась домой, вдруг позвонила мама, сказала бежать. И в этот момент на меня напал волк. Черный волк.

— С этим волком... Были ли кто-то с ним? — дозналась старуха.

— Нет! Никого! Только...

— Только что, чужая?

— У него в пасти был какой-то прибор. Очень странный. Он мигал и издавал ужасный писк. Я помню только... Как волк повалил меня, от писка этого прибора я зажмурилась, а когда снова открыла глаза... Была уже в лесу. И потом встретила Рэйна, — невольно оглянулась на парня. Не знаю, чего я ждала. Поддержки? Защиты?

Тот наградил меня тяжелым взглядом и легко, в надежде, что другие не заметят, кивнул.

Что ж. Не могу винить его за осторожность. Эти люди явно следят за каждым его действием.

Грагша замерла, задумчиво взглядевшись в костер. Потом проговорила, но словно бы не мне, а своим соплеменникам:

— Ты не связана с укротителями, от тебя не несет их псиной. Ты волчица, я чувствую твою ауру, она сильна. Но твоя духовная волчица спит.

— Я ничего не понимаю, — от смятения закружилась голова, ладони вспотели, — я просто хочу вернуться домой. Можно... Можно мне позвонить? Или помогите дойти до ближайшей деревни... Я обязательно заплачу вам за помощь!

— Ты не понимаешь, Дарина, ты уже дома, — она впервые назвала меня по имени. Это как-то странно повлияло на остальных. Они вернулись к костру и расселись вокруг него. И хотя продолжали бросать в мою сторону недоверчивые взгляды, уже не выражали свое беспокойство вслух.

Рэйн устроился рядом со мной и ободряюще обнял за плечо. Его девушка (хотя парень, видно было, не особо радовался ее вниманию) тут же подскочила, схватила его за руку и прижалась к нему всем телом, напоминая о своем существовании.

Грагша заявила задумчиво:

— Я знаю, кто ты, Дарина. Ты первая такая на моем веку. А я многое успела повидать.

— Кто я?.. — почему-то сердце замерло. Разум говорил, нет, вопил, что происходящее — лютей бред, но душа затрепетала в предвкушении чего-то невероятно важного. Будто всю мою жизнь она ждала этого момента.

— Ты утаенная. Волчица из другого мира, призванная домой.

Люди удивленно переглянулись. Я не сдержалась и скептически развела руками. Нет, это не откровение, разум был прав!

— Когда они пришли, — я не знала, кто "они", но от одного их упоминания индейцы помрачнели, а старуха, впрочем, продолжила, — они просили о приюте. И мы щедро им его предоставили. Но вскоре этого им стало мало. Они захотели захватить все земли волков, а нас сделать своими слугами. Так появились Укротители. Они отлавливали волков, пытали их, ломали их, заставляли подчиниться... Делали их своими псынами. Тогда мы начали молиться своему повелителю, Великому Волку. Он пришел на помощь и перенес нескольких из нас, самых сильных, самых одаренных Луной, в другие миры, чтобы спасти от Укротителей. Чтобы потом они смогли вернуться и прогнать захватчиков, — Грагша кивнула, словно бы подтверждая свои слова, — я слышала, что несколько утаенных вернулись, но до конца не верила этим слухам, — Главная Мать смерила меня взглядом, — видимо, теперь придется изменить свое мнение.

Я не могла произнести ни слова. Мысль, будто все эти люди сумасшедшие, начала сменяться предположением, что, вероятно, с ума сошла я сама.

— Ты нужна нам, Дарина, — заключила старуха, — я понимаю, что тебе сложно во все поверить... Вероятно, ты была слишком мала, когда оказалась в другом мире, и успела забыть родину и дух волка, живущий в твоём теле. Но Дом призвал тебя. И нам нужна твоя помощь.

Больше не было мочи терпеть. Я вскочила резко, невольно оскалилась. От гнева в глазах побелело, и язык мне уже не подчинялся.

— Моя помощь?! Вам нужна моя помощь?! — сердце забилося в ритме военных

барабанов, — вы издеваетесь надо мной? Что это за цирк?! Это розыгрыш? — я оглянулась по сторонам в надежде различить скрытую камеру или прячущегося за скалой шутника. Да! Розыгрыш! Это было бы самым лучшим, самым безобидным объяснением.

Я лишканула, решив, будто готова поверить в любую теорию. Попадание в другой мир — это уже за гранью!

Рэйн тоже вскочил, схватил меня за руки, словно останавливая от драки. Ох, будь Грагша лет на тридцать моложе, возможно, я бы ей и влепила!

Все! Нет мочи терпеть! Это бред! Лютый бред!

— Тебе придется поверить, — Главная Мать встала и оглянула меня исподлобья.

— Черта с два! Вы психи! Ненормальные!

Прежде чем я успела выкрикнуть что-либо еще, старуха схватилась за один из мешочков, висящих на ее посохе. Раскрыла его быстро и ловко (особенно для ее-то дряхлых рук!) и плеснула содержимое, какой-то мелкий порошок, мне в лицо.

Вещество попало точно в цель. В глазах защипало, чих застрял между ртом и носом. Сладковатый, с дымным отзвуком запах закружил голову. Во рту же крупички отдали неприятной горечью.

Внезапная слабость охватила тело. Я вдруг поняла, что больше не чувствую ни ног, ни рук. И словно запертая в собственной черепной коробке смогла лишь наблюдать, как падаю, как Рэйн хватает меня, кричит что-то Грагше — из-за гула в ушах я не смогла различить, что именно — а старуха вскидывает руки, как бы говоря: "Все идет по плану".

Не осталось сил даже испугаться. В глазах почернело, и вязкая тьма заключила меня в крепкие тиски.

Волчий вой. Пронзительный. Жар, словно в парилке. Ужасный запах с железным отзвуком... Запах крови.

Я вздрогнула, пробуждаясь. И тут же пожалела, что открыла глаза. Мир превратился в странное, ирреальное пространство. Всюду был свет, желтый, красный, фиолетовый. Такой яркий, что пришлось зажмуриться. Искрящиеся пылинки витали в воздухе и кучковались в бесформенные, похожие на облака, массы.

Они парили над головой и под ногами.

Исчезла земля. Я словно бы зависла в невесомости...

Дыхание перехватило.

Вдруг по пространству прошла мощная вибрация. Вмиг рассыпались искрящиеся тучи, все вокруг, словно оно было сделано из стекла, пронзили глубокие трещины. Задрожала, казалось, каждая клеточка моего организма. Ужасно замутило и омерзительный ком подступил к горлу.

Из светящейся дымки вышло чудовище...

Огромное, черное, с мощными передними лапами, резко контрастирующими с небольшими задними. Телом существо напоминало гориллу, однако морда... Морда у него была собачьей, как у добермана: вытянутый нос, четко очерченные скулы, уши торчком. Глаза чудовища горели красным огнем. По оголенным в оскале клыкам стекала вязкая кровь.

Я обомлела. Страх связал колючей проволокой, чудилось, что малейшее движение приведет к невыносимой боли.

Монстр увидел меня и угрожающе рыкнул. Внутри похолодело. Все! Конец!

Но не успела жизнь пронестись перед глазами, как словно бы из неоткуда выскочил волк. Большой, статный... Абсолютно черный.

Он обернулся на меня, оглядывая знакомыми золотыми глазами. Это он! Тот самый волк!

Чудовище взъерошилось и, кажется, стало в два раза больше. Оно хотело напасть, но... Что-то его останавливало. Нечто в Черном волке, звере значительно меньше него, пугало этого монстра до дрожи.

Мой защитник оцетинился, припал к земле, будто готовясь к прыжку. Но вдруг снова посмотрел на меня и прокричал человеческим, мужским, голосом:

— Проснись!

— Что? — я растерялась.

— Проснись, пока он тебя не коснулся!

Монстр взвыл негодуя. Позабыл о страхе и уж кинулся на меня... Как кто-то резко дернул за руку, я вздрогнула, вскрикнула и... Обнаружила себя лежащей внутри небольшого теплого вигвама.

Сердце трепетало, холодный пот небольшими капельками стекал от висков к шее. Я дышала так быстро, что едва хватало воздуха, кажется, легкие не успевали его обрабатывать.

Надо взять себя в руки! Спокойно!

Удивительно, но воля в этот раз смогла обуздать эмоции. Я чуть уняла их и оглянулась.

Под спиной оказался мягкий спальный мешок, не кровать, но лучше сухих листьев и

веток. В глазах почему-то щипало. Наверное, из-за той пыли, которую в лицо мне бросила Грагша... До сих пор чувствовала сладкий запах, видимо, и в нос попала.

Передо мной кто-то сидел. Лицо было не разобрать — слезящиеся глаза видели его как размытое смуглое пятно. Но это точно не Рэйн — слишком щуплая фигура.

— Эй, ты как? — раздался молодой женский голос.

Я невольно напряглась. Кажется, это та девушка, жавшаяся весь вечер к Рэйну. Зачем она пришла? Решила устроить разборку за парня? Мне совсем не до этого!

Хотя я была благодарна, что она меня разбудила — такой ужасный сон и врагу не пожелаешь. Наверняка все дело в порошке Грагши.

— Я в порядке, — ответила хрипло. В горле ужасно запершило, словно кто-то исцарапал его изнутри. Откашлявшись, дозналась, — что тебе нужно?

— Хочу помочь, — заявила девушка, отстраняясь.

— Помочь?!

От удивления с силой зажмурилась, тут же протерла глаза. Зрение более-менее нормализовалось, хотя по краям все равно виделась странная дымка, прямо как в том кошмаре. Ну ничего, пройдет.

Девушка глядела на меня с какой-то жесткостью. Благодетели так не смотрят.

— Ты хочешь уйти отсюда? Я помогу, — заявила она, предусмотрительно озираясь по сторонам, — но сделать все нужно тихо. Мне жутко влетит, если кто-то узнает.

Я тяжело вздохнула. Уйти отсюда? Идея хорошая: эти индейцы доверия не внушают. Что-то совсем странное творится в их головах. Но куда отправиться? Босиком по лесу, где еще ночью стреляли по людям?!

Различив сомнение на лице собеседницы, "помощница" уверила:

— Я отведу тебя к городу. Вот! — она достала что-то из-за спины... Два жутких сапога, больше напоминавшие тряпки на шнуровке. И никакой подошвы. Просто "привет" из каменного века. Но выбирать не приходилось.

Я, все еще сомневаясь, взяла сапоги и покрутила в руках. Девушка с ехидством заметила:

— Ноги у тебя мелкие, так что пришлось взять детские.

Мелкие ноги? Серьезно?!

Раздражение защекотало грудь, я с силой сжала челюсть, сдерживая грубые слова.

— С чего это ты вдруг решила мне помочь?

— Из искренних побуждений, — буркнула девушка, но хмурого взгляда хватило, чтобы чуть больше развязать ей язык, — к тому же... Мне спокойнее, когда рядом с Рэйном никто не вертится.

Что и следовало доказать.

Не знаю, стоит ли ей верить... То, что своего Рэйна она бережет, я не сомневаюсь. Сама бы за таким парнем следила двадцать пять часов в сутки. Но действительно ли она готова отвести меня в город или ограничится прогулкой в глубокую чашу, из которой я не выберусь самостоятельно?

— И в какой город ты меня отведешь?

— В ближайший.

— А можно поконкретнее?

Девушка снова посмотрела по сторонам и раздраженно буркнула:

— Два раза предлагать не буду. Ты идешь или нет?

Смерила ее взглядом. Худая, подтянутая. Глаза стервозные. Но на маньячку, впрочем, она не походила.

Да и если я буду осторожной, не упущу ее из виду — она ничего мне сделать не сможет. Мы примерно в одной физической форме.

— Иду, — все же решилась. Индейцы явно не собираются возвращать меня домой, а все эти разговоры про другие миры не предвещали ничего хорошего. Может, следующий пункт Грагши — принести меня в жертву какому-нибудь языческому богу?

Нет уж, спасибо...

Глава 4. Никому не верь, Дарина! — 2

Напялила сапоги и где-то минутой возилась со шнуровкой, уж больно мудреной она оказалась. Подружка Рэйна то окидывала меня ехидным взглядом, то оглядывалась на улицу, видневшуюся через щель в прикрытом проходе вигвама.

Когда обувь сдалась и покорно укрыла мои ноги, девушка буркнула противное «наконец-то» и махнула рукой, приказывая следовать за ней.

У выхода она замедлилась, предусмотрительно осмотрелась, убеждаясь, что никого нет поблизости. Потом тихо, как кошка, вылезла наружу.

Я последовала за ней, но тут же вздрогнула: у разожженного костра сидело двое мужчин — дозорные.

Хотя было все еще темно, им хватило бы повернуть голову, чтоб меня увидеть.

Кто-то резко потянул за руку. Подруга Рэйна. Она приложила палец к губам, призывая соблюдать тишину, и, не отпуская мою ладонь, повела к тыльной стороне вигвама.

Чуть заметной тенью мы виляли по стойбищу, избегая открытых мест, где дозорные смогли бы нас засечь.

Вскоре слева показались те изогнутые скалы, со стороны которых пришли мы с Рэйном. Его девушка, не мешкая, дернула к ближайшей и потянула меня за собой.

Мы спрятались за серым валуном и притихли.

Сначала в ушах гудело — сердце билось слишком быстро. Когда волнение исчезло, слышалась тихая и размеренная речь дозорных. Как ни в чем не бывало они обсуждали что-то явно маловажное и изредка прерывались на смех.

Пронесло.

Стоило отдать подружке Рэйна должное — она ловко вывела меня из лагеря. Сама бы я тут не справилась.

Может, она действительно поможет? Ей явно не хочется попадаться на глаза дозорным. Она волнуется, сильно рискует. Пожалуй... Девушке выгоднее отвести меня в город, чем в лес. Оттуда я могу вернуться и всем рассказать о ее выходке. Шанс на это очень маленький. Но на ее месте, я бы учитывала даже такую крохотную вероятность.

Каменистую степь затянуло легким туманом. Воздух потяжелел, стал влажным. Ноги с трудом двигались, все мышцы ужасно болели, как от интенсивной тренировки.

Боже, неужели это все скоро закончится?..

Нет. Не стоит расслабляться. Даже когда доберусь до города — нужно как-то раздобыть телефон, позвонить кому-нибудь. Лидке. Вспомнить бы ее номер! А потом с ее помощью придумать, как вернуться домой.

Но, по крайней мере, это будет цивилизация! И нормальные люди, а не психи.

Кстати, о них точно нужно будет рассказать полиции. И о тех маньяках, которые стреляли ночью в лесу. Может, в участке заодно помогут вернуться к себе в уютную квартирку.

Впереди показался стройный ряд леса. Длинный, протяженный. Сразу видно — мы е глуши. Как?! Боже, как меня сюда занесло?!

Сердце забило слишком быстро, отчего заболело в груди. Голова пошла кругом.

Так. Надо сохранять рассудок. Идти вперед. Не думать о всякой ерунде. И главное, ни при каких условиях, не позволить психам запудрить мне мозги! Пускай они хоть гарем

Рейнов мне устроят — никаких идей про попадание в другой мир!

Провожатая уверенно двигалась в сторону леса. Это... Странно. И тревожно. Воспоминание о стрельбе и погоне было еще слишком ярким. Вероятно, оно вообще никогда не потускнеет и, тем более, не забудется.

Эти ненормальные были где-то там еще ночью! И наткаться на них ох как не хотелось...

— Ты уверена, что нужно идти в лес? — спросила у подруги Рейна как можно более строго.

Она быстро на меня оглянулась, сделала удивленное лицо, будто я говорила величайшие глупости в мире, и заявила:

— Конечно! В город можно добраться только так.

И что это за город такой, в который отводят не дороги, а леса? Хотя дорог я здесь вообще не видела...

Нервно прикусила нижнюю губу и убрала мешающиеся перед глазами черные пряди за уши. Так. Ладно.

Все это мне уже не нравится. Но не стоит делать резких движений. Продолжу играть по ее правилам, но теперь активирую все органы чувств на полную мощность и ожидаю подвох.

Мы добрались до леса. Ноги ужасно разболелись — ссадины от вчерашнего марафона с босыми ногами снова дали о себе знать. Наверное, снова закровоточили. Черт возьми!

Потому я ужасно обрадовалась, когда провожатая, доведя меня до старого поваленного дерева на опушке, сказала:

— Садись. Сделаем привал.

Слава тебе господи, привал!

Не скрыла своего довольства и облегчения, широко улыбнулась и уселась на дереве.

Провожатая не последовала моему примеру. Вместо того она зашла мне за спину и устремилась куда-то дальше в чащу.

— Эй! — окликнула я ее недоуменно, — куда это ты?

— Я здесь, не истери, — отмахнулась та, скрываясь за широкой могучей сосной и подходя к покрытому изумрудным мхом валуну.

Она села на корточки, внимательно осматривая камень.

Что еще за ерунда? Хотя кто знает этих сумасшедших? Они называют друг друга волками! Может, она решила пометить территорию? Нет, этого я видеть не хочу!

С другой стороны... Все, что со мной сейчас происходило, было слишком странным и непонятным. Сама же минуту назад пообещала себе держать ухо востро! А тут вдруг решила расслабиться.

«Нет, Дарина, никому не доверяй, — заявила сама себе, подождав пару минут, — особенно незнакомым девам, которые только и мечтают о тебе избавиться!».

Осторожно поднялась и попыталась подкрасться к провожатой. Когда я подошла достаточно близко, под ногой хрустнула ветка. Чтоб тебя.

Зажмурилась и напряглась, стиснула зубы с такой силой, что заболела челюсть.

Подруга Рэйна не шелохнулась.

Не услышала? Нет, она не могла не услышать!

Сейчас удалось заметить, что в руках она держит какой-то светящийся продолговатый предмет. Что это?.. Откуда?..

Хотя внутренний голос вопил со всей силы, что дело неладно, что надо бежать, я

решила рискнуть и подобраться ближе.

Но стоило поднять ногу для шага, как сзади раздался громкий щелчок. Прежде чем удалось понять, откуда взялся этот звук, в спину, прямо между лопаток, уперлось нечто твердое, холодное, как металл.

— Не делай лишних движений, животное, — послышался грубый мужской голос.

Внутри все похолодело, сердце упало в пятки. Боже... Боже!

Провожатая медленно поднялась и обернулась на меня. На ее лице виднелась ехидная ухмылка.

Ах ты ж стерва проклятая! О чем я только думала, когда доверялась ей?!

— Повернись. И без фокусов, — приказал незнакомец.

Не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

Реальность оказалась еще хуже, чем можно было себе представить... Передо мной стояло трое мужчин в длинных кожаных плащах, черных с серебристыми строчками, в темных штанах и армейских ботинках на высокой шнуровке. В руках каждый из них держал винтовку со странным светящимся дулом. Тот, что стоял ближе всех, упер оружие мне прямо в грудь.

Своими холодными серыми глазами он осмотрел меня исподлобья, и мурашки побежали по всему телу. Вдруг он наморщился недовольно, и заглянул мне за спину.

— Что это такое, Лана? Нам нужны сильные волки, а тут какая-то... Доходяга!

Спасибо большое! Мало того, что наставили на меня оружие, так теперь еще и оскорбляют! Но, может, отпустят?..

Наивно верить в это. Но очень хочется.

Невольно я выставила перед собой руки, показывая, что не собираюсь давать отпор. Нужно было что-то сказать... Боже! Тело не слушается, сердце колотится так быстро, что вот-вот пробьет грудную клетку насквозь! В горле пересохло, не могу сказать ни слова!

— Главная мать назвала ее утаенной. У нее большая сила. Поверьте, разве я когда-нибудь вас подводила? — ответила провожатая совершенно спокойно.

Супер! У нее тут все давно отработано! Интересно, Рэйн об этом догадывается? Может, они вообще сообщники? А я, дура, повелась на красивую мордашку и мускулистое тело!

Незнакомец задумался. Его лицо застыло в напряжении. Широкие брови сдвинулись, образуя над переносицей глубокую складку.

Но вдруг он качнул плечами, плюнул под ноги и отрезал:

— А, ладно. Чтоб тебя. Если обманешь — все равно не уйдешь, а самки нам так и так всегда пригодятся, — он кивнул, — давай. Действуй.

Самки? Боже, что это за люди? Что происходит?

В голове пронеслась ужасная мысль, будто лучше сейчас быть застреленной, чем позволить им увести себя...

— Пойдите! Что все это значит?! — наконец, голос прорезался. Но оказался предательски тихим и дрожащим. Как у настоящей жертвы.

Нельзя выглядеть жертвой...

Не заметила как подруга Рэйна подошла ко мне сзади и прислонила к шее тот продолговатый предмет, что она держала в руках. Щелчок. Она надела на меня что-то.

Ошейник?!

Я не успела ни удивиться, ни испугаться.

Что-то вспыхнуло, резко ударило, ошпарило и колючими нитями обвило все мое тело.

Мышцы свело судорогами, ноги подкосились я упала, затряслась.

Боже... Боже! Черт!

В глазах все размылось, а потом резко потемнело.

— Покажем ее Верону, — голос незнакомца раздался отдаленным эхом, — верховный любит реликтов.

И эти слова стали последним, что я услышала.

Голова стала ужасно тяжелой. Такое чувство, что я не смогу ее поднять, имей даже силу Геракла. Да еще и в ушах звенит. Боже.

Вокруг темно. Пришлось потратить пару секунд, чтобы осознать: глаза не открываются.

Подо мной чувствовалось нечто мягкое. Постель? Нет, не настолько мягкое, чтобы оказаться матрацем.

Еще раз попыталась открыть глаза, и на мое удивление веки хоть и с трудом, но все же разомкнулись.

Все охватило странной дымкой, а очертания объектов стали смазанными, будто я смотрела через толстое мутное стекло, какое иногда ставят в душевых кабинах.

Вдруг сквозь шум в ушах пробило эхо чьего-то голоса. Кто-то разговаривал. Слышалось это словно бы издалека, но я поняла: незнакомец совсем рядом.

Будто бы почувствовав, что я очнулась, сбоку приблизился человек в черной одежде с серебряными строчками и темными коротко стриженными волосами. Его лицо пока еще не удавалось разобрать, хотя он сел на корточки прямо напротив и оказался так близко, что кожей лица чувствовалось его горячее дыхание.

Только сейчас поняла, что сижу. Попыталась пошевелить руками... Никак. Они накрепко связаны за спиной. Все тело ломит, ужасно зудит в районе шеи. На ней было что-то... Ошейник! Так. Теперь я все вспомнила. Проклятая девица! Подставила меня! Ох-хо-хо, как только я выберусь из этой передраги... Она знатно огребет!

Незнакомец грубо сжал мое лицо одной рукой, так что заболели челюсть и щеки, и повернул мою голову сначала влево, потом вправо, внимательно при этом меня рассматривая.

Уж хотела брыкнуться, взбунтоваться, как зрение внезапно нормализовалось, и я увидела его пронзающий насквозь грозный взгляд. Никогда не встречала таких глаз. Ярко-голубые, из тех оттенков, которые называют «ядовитыми», а по кайме очерченные темно-серым. Было в этих глазах нечто сверхъестественное, таинственное и пугающее...

Следом я рассмотрела все его лицо: мужественная квадратная челюсть и высокие скулы, но острый подбородок и прямой, чуть вздернутый нос. У него были широкие плечи и длинная шея. Явно сильный и мускулистый, но стройный и поджарый. Он весь был таким... Двойственным. Как будто наполовину терминатор, наполовину аристократ!

Он напряженно меня осматривал, стиснув зубы и чуть заметно приоткрыв рот. Верхние клыки немного выпирали. Эта особенность прикуса придавала ему нечто хищное и дикое.

Боже... От этого человека просто мороз по коже! Сразу видно: он шутки не шутит. Значит, я вляпалась в еще более странную и сложную историю, чем предполагала.

Черт.

Так. Надо собраться. Сердце заколотилось. Боже! Воздуха не хватает. Сейчас задохнусь!

— Даже не знаю, — протянул незнакомец сучающим голосом, — какая-то она хилая. Не похожа на реликта. Неуверен, что с ней стоит хотя бы возиться.

Возиться?... Что это значит?

— Пристрелить? — донеслось со стороны.

Боже. Боже-боже-боже. Как ужасно дрожат руки. Боже! Пристрелить? Меня? Нет! Нет!

нет-нет! Но как же... Так же нельзя!

«Успокойся, Дарина!», — мысленно рыкнула на саму себя, и тело чудесным образом послушалось. Страх не исчез, дыхание не пришло в норму, а сердцебиение едва ли замедлилось... Но я вернула себе самообладание, я контролировала себя, я могла дать отпор. Я готова была дать отпор.

Если расклад таков. Если это жизнь или смерть... Я не могу не бороться.

Ведь должен быть выход... Должен!

Судорожно замотала головой. Я была в каком-то шатре. У выхода стояло двое мужчин с винтовками. Пойду на них — тут же пристрелят.

— Эй-эй, смотрите, как мы заволновались, — протянул сидящий напротив незнакомец с издевкой. Он мерзко ухмыльнулся и провел горячими пальцами по моей щеке, — не волнуйся, детка, может, я еще решу оставить такую милую мордашку себе... — он с интересом опустил взгляд к моей груди. Та никогда не отличалась внушительными размерами, впрочем, брови незнакомца на мгновение вздернулись, а сам он одобрительно кивнул.

В глазах вспыхнуло, сердце словно бы взорвалось, и ужасный жар ошпарил изнутри. Я снова потеряла над собой контроль, но теперь власть над телом взял не страх, а ослепляющий гнев.

Проведя по щеке вниз, незнакомец прикоснулся к моим губам, сжимая их пальцами и будто бы удостовериваясь в их мягкости... В этот момент я резко дернулась и со всей силы укусила его за руку.

Никогда бы не подумала, что зубы могут оказаться таким действенным оружием. Мужчина вскрикнул удивленно и сердито, а я почувствовала железный привкус во рту. Ранила его до крови.

Он выдернул руку и спешно тряхнул ею, словно надеясь таким движением избавиться от боли.

— Ах ты ж тварь! — взревел один из мужиков, что стояли у выхода из шатра. Узнала его голос. Он же предлагал меня застрелить.

Боец двинулся ко мне так быстро, что я и моргнуть не успела, как почувствовала дуло винтовки, упершееся в голову.

Мышцы стянуло ужасом. Боже, и зачем я рыпалась?! Почему я не могу быть податливой? Неужели так мне придется расплачиваться за своенравность?!

— Эй, — укушенный резко поднялся и оглянул бойца строго, — ты что это делаешь?

— Но она... Она набросилась на вас, господин Верон!

— Она связана и находится в первом облинии. И это, — он продемонстрировал поврежденную руку. На следах укуса выступали ярко-красные капельки крови, — царапина. Или ты думаешь, что я не справлюсь? Ты думаешь, я слаб?

— Нет... Я... Нет, господин, — боец затушевался, заволновался, — простите...

Мгновение Верон осматривал его исподлобья, но вдруг улыбнулся, кивнул, будто бы все это ерунда, и он нисколько не задет. Он ступил к бойцу ближе, похлопал его по плечу одобрительно и, когда тот успокоился и расслабился, резко нагнул и быстро ударил его коленом в живот.

Боец завыл от боли, скорчился, схватился за поврежденное место... Верон ловко отступил и врезал ему в челюсть.

Боец отлетел назад, к выходу, и упал прямо в руки своего товарища.

Боже, какой же он стремительный и сильный. Если решит взяться за свою пленницу... У меня нет ни малейшего шанса!

— Я здесь главный! — прорычал Верон, — вы не смеееете сделать ни шагу без моего приказа. Понятно?

Второй боец судорожно закивал, а его неудачливый товарищ, кажется, отключился.

Меня же разрывало на части между злорадством и предчувствием, что суровость Верона — вовсе не та вещь, которой стоит радоваться.

Ведь если он позволяет себе избивать собственных бойцов... Что же он делает с пленниками? То, с каким интересом он изучал мое тело... Не предвещало ничего хорошего.

Верон словно бы ощутил, что я думаю о нем, обернулся ко мне и осмотрел... Как-то странно. В его глазах теперь читалось уважение и... Интерес? Нет, это слишком.

— Милая мордашка, оказывается, может показать клыки, — проговорил он самому себе, но при этом неотрывно глядя на меня, — возможно, ты намного интереснее, чем я думал, — он оглянулся на бойцов и приказал снова строгим и резким голосом, — приготовьте ее к клетке. Посмотрим, на что способна эта детка.

— Да... Да, господин Верон. Все будет сделано! — затараторил боец, бросая взгляд то на меня, то на Верона, то на отключившегося товарища. Видимо, он пытался сообразить, что же делать в первую очередь: выполнять приказ или тащить бедолагу к врачу.

Врач ему точно не помешал бы... Но это не моя проблема.

Верон еще раз осмотрел укус на своей руке, ухмыльнулся и проговорил напоследок:

— Не волнуйся, детка. Я буду болеть за тебя.

Ой, да иди ты... Мне хватило разумности, чтобы не сказать ему это в лицо и не плюнуть в морду. Хотя очень хотелось.

Но слово «клетка», несмотря на то что звучало не слишком привлекательно, вызывало все же больше надежд, чем слово «расстрелять».

Верон подмигнул мне и вышел из шатра.

Подмигнул! Что это значит? Все происходящее для него — лишь игра?! Я тут связанная, под угрозой расстрела, а он играет!

Оставшийся боец решил, что не собирается повторять судьбу товарища и, посадив того на старое задрипанное кресло и пообещав "скоро за ним вернуться", взялся выполнять приказ.

Он достал со стола длинный шприц с какой-то мутно-белой жидкостью и двинулся с ним на меня.

Черт возьми, то винтовки, то иголки. Что это? Снотворное? Сильное успокоительное? Наркота?

Я забрыкалась, заерзала ногами по голой земле, подняв в воздух песок и пыль.

Перед Вероном я обомлела. Его строгий странный взгляд, его резкость, порывистость, непредсказуемость, заставляли сжиматься от страха. Но перед этим неказистым парнем я тушеваться не собиралась. Пускай у него и винтовка.

Верон сказал, что делать со мной. И показал, что случается, когда его выводят из себя, а его приказы не выполняются. Этот боец не посмеет меня тронуть!

Когда он приблизился, я плюнула ему в морду и замахнулась ногой, целясь в причинное место. Боец оказался ловчее, чем выглядел, увернулся и выругался, вытирая лицо:

— Ах, ты ж тварь!

Он замахнулся и, прежде чем я успела отреагировать, ударил меня по лицу.

Боли не было. Вместо этого — отвратительный пищащий звук и пульсация в голове.

Потом последовал укол в руку, и жгучая жидкость впрыснулась в вену.

Стало тошно, в глазах замерцало, все начало казаться... Таким другим. Мир обрел иные, но, впрочем, не новые черты, которые словно бы были скрыты от меня все это время и лишь сейчас стали заметными.

Не знаю, что за вещество мне вкололи. Наркотик, стимулятор, психотропный

препарат... Одно точно: я стала другой.

Я начала больше видеть, больше чувствовать. Я стала быстрее и резче. Я стала непредсказуемой и словно оказалась заперта в черепной коробке незнакомого дикого существа...

Существа, которое жаждало крови. Зверя, которого ждала клетка.

Гул и гогот толпы с трудом прорывался сквозь ужасный, похожий на белый шум, звон в ушах. Все плыло перед глазами, ноги с трудом двигались, и бойцу пришлось чуть ли не на руках вытаскивать меня из шатра, а затем — нести в направлении некоего сооружения.

Так странно... Задыхаюсь от вдруг нахлынувших со всех сторон резких и сильных запахов, захлебываюсь переполнившей меня яростью, жажду двигаться, драться, кусаться... И при это с трудом противостою ужасной слабости.

Когда мы приблизились к источнику шума, вещество, впрыснутое мне в кровь, то ли ослабло, то ли изменило свое действие. Зрение нормализовалось, и я смогла отчетливо увидеть четыре древних обелиска, оканчивающиеся вырезанными из камня волчьими головами. Меж ними расположилась пугающая металлическая конструкция — огромная клетка с толстыми ржавыми прутьями и подвешенными под потолком цепями, напоминающими стальные лианы.

Послышался тревожащий запах свежей крови... Затем в шуме я различила слова: «Еще! Еще! Еще!».

Сердце сжалось, по всему телу распространился отвратительный зуд. Ноги подкосились. Нет! Не хочу! Не хочу в то место, не хочу к тем людям!

— А ну пошла! — рыкнул на меня провожатый и со всей силы дернул за собой.

Тянущая боль раздалась в руке. Боец чудом не вывихнул мне плечо!

Он провел меня мимо бесновавшейся толпы — таких же, как он, мужланов в черной форме, в сторону небольшой, чуть выше человеческого роста, дополнительной клетки, примыкавшей к основной.

В таких обычно запирают тигров и львов прямо перед выступлением в цирке, чтобы через них звери прошли на арену.

У входа стояло двое. Когда мы с провожатым зашагали в их сторону, они ехидно заулыбались, а я, осознав, что клетка ждет именно меня, уперлась ногами в землю и в очередной раз попыталась сопротивляться.

Были бы силы... Дала бы деру! Из-за проклятого вещества, которое мне впрыснули, колени дрожат, ноги подгибаются.

— Ты сделал ей укол? Почему она еще в первой форме? — окликнул моего провожатого один из стражей клетки, постарше, с седоватыми волосами, только мы подошли.

— Сделал-сделал, — отозвался боец, толкая меня внутрь маленькой клетки.

Я невольно вскрикнула и врезалась в ржавые прутья. Скрежет и грохот. Обернувшись, увидела, что меня заперли.

Выхода нет.

Боже.

Волна отчаяния накатила с ужасной силой, однако... Вдруг передернуло от мысли: если я сижу здесь, в маленькой клетке, то кто... Кто ждет меня в большой?

«Еще! Еще! Еще!», — скандировала толпа.

Обхватила прутья обеими руками, высунула лицо насколько это было возможно, и попыталась осмотреть главную клетку.

Пусто. Только черные пятна на земле... Кровь?

Ладони вспотели.

Вдруг впереди различилось движение. Присмотрелась... С противоположной стороны конструкции стояла еще одна маленькая клетка и там виднелось нечто... Нечто огромное, черное, волосатое. Какое-то животное.

Господи! Они что хотят посмотреть, как меня растерзает медведь?

— Прошу, — пролепетала с большим трудом, — у меня есть родственники... Они заплатят вам выкуп!

«Еще! Еще! Еще!», — толпа неистовствовала.

— Сделать ей еще один укол? — протянул молодой страж, с волнением оглядывая зрителей.

Из толпы вырвалось несколько человек. Они навалились на клетку и забарабанили по прутьям длинными палками, выкрикивая:

— Давай! Мы уже сделали ставки!

— Е-мое, сделай второй укол! — рыкнул старший страж на моего провожатого.

— Нельзя! Одно животное — один укол. Верон мне руки оторвет!

— Тогда выпускай ее! — страж переключился на своего молодого коллегу.

— Но она... Не обратилась. Волчара ее разорвет.

— Прошу, не выпускайте меня! — пискнула из последних сил.

— А ну заткнись! — страж ударил по клетке ногой, отчего прутья угрожающе задрожали.

— Но я ничего... — вздрогнула, не узнав свой голос. Он вдруг стал намного ниже, бархатистее.

Слотнула нервно, попыталась продолжить... Получилось странное несвязное рокотание.

Что за? Что происходит?

Руки, ноги, а затем все тело ужасно зачесалось. Потом зуд сменился покалыванием — неприятным, даже болезненным. Впрочем, оно было несравнимо с тем, как мне резко свело спину, будто невидимая сила ломала позвоночник. Затрещали кости, заныли мышцы, словно нечто раздирало их изнутри.

Одежда стала невероятно тесной, послышался звук рвущейся ткани.

Я закричала от ужаса и боли. Сквозь собственный стон, сквозь гул в ушах и звук бешено колотящегося сердца, удалось услышать приказ стража:

— Она почти готова, выпускай! Пока нас тут не линчевали!

Щелчок, звук работы старого мотора, затем скрежет поднимающейся дверцы клетки.

Яркий свет ударил по глазам. Внутри главной конструкции зажгли ослепительные прожекторы.

Со зрением снова началось неладное. Все вдруг стало непривычно фиолетовым. Будто бы я разучилась видеть все желтое и остались лишь красный, синий и их смешение.

Жадно заглотала воздух, насыщенный миллионом запахов. Боль отпустила. Попыталась встать. Ничего не получилось.

Ноги... Что с моими ногами?

— Давай, пошла! — раздалось сзади и длинная палка ударила меня по... Боже что это вообще за часть тела?!

Я ошарашенно замотала головой, пытаюсь рассмотреть саму себя. Что-то не так. Что-то? Все! Все не так! Все стало другим!

— Пошла, я сказал! — рыкнул страж, и палка ударила еще раз, но теперь уже намного сильнее — ее конец выпустил электрический разряд.

Взвизгнула как-то... По-щенячьи. И вылетела в главную клетку.

Почему я хожу на четвереньках? И почему это так удобно?

Гоготающая, шумевшая, бесновавшаяся толпа вдруг стихла. Так резко, так внезапно, что холодок пробежал по спине.

Я огляделась, пытаюсь понять, отчего эти безумные злые люди замолкли... Боже... Они все смотрели на меня. Удивленно, даже ошеломленно.

Какого...

Не успела хотя бы предположить, хотя бы начать об этом думать, как со стороны второй клетки, напротив моей, раздалось угрожающее рычание, а затем свист. Свист ветра.

Я ощутила движение воздуха так легко и явственно, будто всю жизнь обучалась этому у тибетских монахов, и ловко увернулась. Над головой пронеслась огромная когтистая лапа.

Передо мной стоял на двух ногах мощный ужасный зверь. С широкой грудью, отдаленно напоминающей человеческую, длинными и сильными, как у гориллы, руками, вооруженными острыми когтями, и вытянутой собачьей головой.

Зверь оскалился, демонстрируя желтые клыки, которые, казалось, смогут прокусить меня насквозь.

Он замахнулся еще раз, и я, ошарашенная его внешним видом, не успела отреагировать.

Когти, как пять идеально заточенных ножей, с легкостью вонзились в тело. Сердце замерло, голова пошла кругом. Я не ощутила боли, не поняла, как оказалась в воздухе, и как меня отбросило в противоположную сторону клетки.

В ушах загудело. Встать. Надо встать. Зашевелила руками... Что с ними не так?! Глянула на них и испуганно застыла. Перед лицом оказалась не пара ладоней, а мощные белые лапы. Как у собаки... Или... Волка?!

Застывшая от удивления толпа снова взбесилась. «Да! Так ее! Так», — кричали мужланы.

Собратся. Нужно собратся!

Зверь стоял в стороне, тяжело дышал и грозно глядел на меня.

Нужно встать... Нужно... Боже, я не могла пошевелиться! Сохранявший от боли шок исчез, и теперь я сполна ощутила, как ужасно ноют свежие раны, и как по животу со спины

стекает кипятком кровь.

«Добей ее!», — крикнул кто-то, и сквозь решетки просунулась длинная палка. Она легонько коснулась зверя, и тот тут же изогнулся от резкой боли, а по его мощному телу пробежали ярко-синие полосы — электричество.

Чудовище оскалилось свирепо, развело руками, еще раз демонстрируя острейшие когти, и ринулось ко мне.

Боже... Неужели? Неужели это конец? Такой? Почему именно такой?

Вдруг... Раздался выстрел. Пуля попала прямо под ноги монстра, отчего в воздух поднялась пыль и крупницы земли.

Зверь вздрогнул, остановился, раздраженно мотнул головой и уж попытался снова кинуться на меня, как опять кто-то выстрелил.

Зрители недовольно зароптали. Но когда на арену вышел человек в длинном плаще и с прямой, как струна, осанкой, все замолкли.

— Назад! — рыкнул незнакомец, с силой взмахивая рукой.

Я поняла, что он вооружен плетью. Хлыст со свистом ударил по воздуху. Зверь пригнулся встревоженно, прижал уши к голове, оскалился...

— Я сказал: «Назад»! — повторил мужчина командным голосом, которому невозможно было не подчиниться.

Сердце вздрогнуло от осознания: я знакома с ним. Я помню этот голос.

Верон?

Удар хлыстом, сбоку. Зверь припал к земле, встал на четвереньки и сделал два неуверенных шага в сторону. Еще один удар, прямо по крупу, и монстр, взвизгнув, бросился внутрь своей маленькой клетки, из которой вышел на арену.

Дверь за ним захлопнулась.

Неужели... Все закончилось?

— Господин Верон, но ведь прерывать бой... — на арену выскочил один из стражей, тот что помоложе.

Верон замер и оглянул его исподлобья.

Страж дернулся, а его старший коллега оттолкнул его обратно к выходу, молча намекая, что с Вероном спорить не стоит.

Я вдруг почувствовала, как исчезает напряжение в мышцах, как тело принимает привычную, знакомую форму. Ноги... Да, я определенно почувствовала свои ноги! Пошевелила руками. Пальцы на месте. Все вроде бы нормально. Только холодно. И земля подо мной ощущается как-то... Слишком отчетливо. Боже. Где моя одежда?!

Попыталась сесть... И ужасная боль заставила зажмуриться, стиснуть зубы и застыть. Раны никуда не делись. Они разместились на боку, ближе к спине и пояснице. Я положила на них ладонь. Кровь тут же замарала руку.

Верон зашагал ко мне торопливо. Он раздраженно и немного нервно оглядывался на озадаченных зрителей, будто даже у его суровости и авторитета был предел.

На ходу он стянул свой форменный плащ и с неожиданной заботой накрыл им меня. Потом прошептал:

— Ты умеешь удивлять, деточка. Перемахнула из первой формы сразу в третью! А то что проиграла — не волнуйся. Мы тебя подлатаем, и выясним, на что ты способна. Я выясню.

Все закончилось? Неужели... Все закончилось?

Нет, чувство такое, что дальше будет только хуже.

Все поплыло. Ноги отнялись, словно бы их опустили в тазик со льдом.

Верон взял меня на руки и поднял.

— Живо! Приготовьте машину! — выкрикнул он очередной приказ.

Кажется, все засуетились. Стало... Тяжело думать.

Как хочется спать...

— Держись, детка, — шепнул Верон, вынося меня из клетки, — я не хочу лишиться такой находки...

— Я объясню тебе правила, детка. Ради тебя я нарушил наши устои. И это мне аукнется. Будет много головной боли и разговоров с начальством. Придется заполнять бумаги. Боже, нет ничего ужаснее, чем заполнять бумаги. Ненавижу это дело.

Я лежала тихо, неподвижно. Чувство холода и онемения сбоку пропадало. Действие местного наркоза сходило на нет.

Верон продолжил быстро, уверенно, как бизнесмен на важных переговорах:

— Так что я ожидаю от тебя благодарность, детка. А теперь о том, что я подразумеваю под «благодарностью»: ты, — он растопырил ладонь и начал сгибать пальцы, по мере выдвижения условий, — будешь послушной, будешь делать все то, что я приказываю и молчать, пока тебя не спрашивают. Мои решения и мое мнение должны быть неизменным авторитетом для тебя. Что бы тебе ни говорили другие волки или даже другие укротители, помни: ты моя. Я забрал тебя из клетки. И я же могу тебя туда вернуть.

Пыталась сохранить самообладание, но от мыслей о клетке сердце заколотилось, губы задрожали. Тот монстр... Тот монстр не был зверем. Но не был и человеком. Господи... Неужели Рэйн, та старуха... Неужели все они говорили правду? Это другой мир? А эти волки...

Боже...

Я и сама волк?

Но кто тогда Верон?

Он пугал меня. Ужасно пугал. Пришлось отвернуться, чтобы скрыть дрожащие губы и покрасневшие глаза.

Над головой высилась плоская овальная люстра с круглыми лампочками в ней. Такие обычно стоят в хирургической палате.

Ее свет был первым, что я увидела после долгого и тяжелого сна. Когда Верон донес меня до машины — большого, как у военных, джипа, я еще удерживалась в сознании.

Но потом нас затрясло на кочках, голова пошла кругом... То и дело меня утягивало в душную плотную тьму, из которой я усердно вырывалась. Однако сил становилось все меньше. Я закрыла глаза, казалось, на минуточку... И вдруг обнаружила себя на холодном столе хирурга, в окружении врачей в черной одежде, как и у всех в этой странной... Организации?

Они не отвечали на мои вопросы и смотрели как-то... Сквозь меня. Будто я была ничтожеством или каким-то отродьем.

— Эй, детка, — голос Верона, точнее, его шепот, раздался совсем близко. Вздогнула, оглянулась, и увидела его возле стола. Он уперся об него руками и склонился надо мной, — мне придется отправить тебя на мед. обследование, чтобы выяснить, кто ты такая, и откуда у тебя такие способности. Но нам обоим будет намного легче, если ты сама скажешь.

— Скажу? Что? — как же я ненавидела свой дрожащий голос, свое безумно быстро колотящееся сердце! Не время раскисать, не время опускать руки! Но за день мне пришлось столько пережить... Кажется, я на грани огромного нервного срыва.

— Как тебя зовут? — это прозвучало резко. От такой быстрой перемены интонации передернуло.

— Д... Дарина, — вытянула из себя.

— Из какой ты стаи, Дарина?

Опять про стаю! Господи! Что же это такое?!

Невольно замотала головой и зажмурилась, удерживая веками слезы. Все это правда. Правда! Какой кошмар, какой ужас... В груди жжет от отчаяния. Не сдержусь — разрыдаюсь прямо перед Вероном. И он будет знать, что я слабая, будет знать, что мной можно вертеть, как заблагорассудится!

— Дарина, — его голос стал напоминать рычание, — из какой ты стаи?!

— Не знаю! Да не знаю я! — провизжала в ответ, — я ничего не знаю! Я не отсюда! Я не должна здесь быть! — жар охватил все тело, отчаяние и ужас сменились искренним гневом. Я вдруг поднялась, намериваясь то ли побежать, то ли ударить его... Без понятия, что взбрело мне в голову. Но вместо этого прошипела с таким раздражением, будто это Верон был во всем виноват, и ему предстояло все исправлять, — я из другого мира, понятно?!

Он оторопел, насупился и оглянул меня сверху вниз. Потом резко нахмурился, оскалился и прошептал угрожающе:

— Не надо играть со мной, Дарина.

Голубой взгляд пронзил насквозь. Холод пробежал по затылку к позвоночнику. Руки задрожали.

Но каким-то чудом на этот раз мне удалось сохранить самообладание. В ответ я посмотрела ему прямо в глаза и даже не вздрогнула. Зато вздрогнул Верон. Чуть заметно.

Выражение его лица немного изменилось. Кажется, он с особым трудом пытался сохранить грозный, устрашающий вид, но в его взоре различались искорки интереса, а губы так и норовили изогнуться в азартной ухмылке.

Это не совсем та реакция, которой я добивалась... Но вряд ли от этого человека вообще можно было бы получить понимание и сочувствие.

А так... Есть шанс, что его интерес поможет мне продержаться, пока я не пойму, как выпутаться из этой истории и вернуться домой.

Однако интерес стоило подогреть... Поэтому я рассказала чуть больше:

— На меня напал волк. У него было... Какое-то странное устройство в пасти. Оно мигало, а потом вспыхнуло, и... Я оказалась здесь. Мне попались люди... Стая. Их верховная мать назвала меня «утаенной».

— Утаенной? Что это значит? — спросил он заинтриговано.

В ответ качнула плечами.

— Хм, — Верон задумался, сжал пальцами брови, массируя лоб, будто бы это ускоряло умственные процессы. Вдруг дернулся, закусил нижнюю губу, словно бы от предвкушения чего-то невероятно хорошего, хлопнул в ладоши, развернулся и отошел на пару шагов прочь от меня, — утаенная, — заговорил он с самим собой, двигаясь из угла в угол, — утаенная. Утаенная. Какое занятное слово, — он напоминал акулу, которой нельзя останавливаться — иначе утонет, — от кого тебя утаили, Дарина? — он внезапно обернулся ко мне и снова хлопнул в ладони.

Оторопев на мгновение, я проронила:

— Не знаю, говорю же...

Верон вскинул руку, приказывая замолкнуть.

— Нет-нет-нет. Конечно, не знаешь. Если бы ты знала — все оказалось бы слишком

легко. И не так интересно.

Если бы я разделяла его восторг! От кого меня утаили и зачем вообще привели в этот мир — совсем неважно. Я просто хочу вернуться на Землю и забыть обо всем!

— Ладно, тут есть над чем поработать, — он сложил руки в замок, но выставил указательные пальцы, будто изображал пистолет. Импровизированным «дулом» он сначала прикоснулся к подбородку задумчиво, потом указал на меня, — говоришь, у волка было устройство?

— Да.

— И оно перенесло тебя сюда?

— Я... Я предполагаю, что да.

— Хм. Интересно. Крайне, — Верон дернулся обратно к стулу, на котором сидел, когда выдвигал мне свои условия, — вот что мы с тобой сделаем, Дарина, — он снова сел, — о том, что ты мне сейчас рассказала — никому ни слова. Если будут спрашивать, откуда ты — отвечай, что ты волк-одиночка. Случайно наткнулась на стаю, решила переждать с ними, пока патруль охотников не ушел из твоей зоны обитания. Но наш агент тебя перехитрил и сдал.

Агент? Я нахмурилась и уж раскрыла рот, чтобы спросить, но тут меня осенило: подружка Рэйна! А те люди, которые стреляли ночью в лесу? Когда я познакомилась с Рэйном? Видимо, это и был «патруль».

Глава 7. Инструктаж — 2

— Имей в виду. Твоя история куда интереснее, чем я думал сперва. Помнишь, я сказал, что отправлю тебя обратно в клетку за непослушание?

Я немного напряглась и осторожно кивнула.

Верон ухмыльнулся хищно, встал и в два шага оказался передо мной. Он вдруг схватил меня за волосы, так, чтобы я не могла двигать головой, и, прислонившись почти вплотную, прошептал прямо на ухо:

— Теперь все изменилось, — его горячее дыхание обжигало нежную кожу, а его слова леденили душу, — если ты ослушаешься и скажешь кому-нибудь — тебя препарировать. Возможно... Прямо на этом столе, — он показательно постучал по нему, и раздался гулкой неприятный звук. Верон отпрянул от моего уха, но остался стоять неприлично близко. Уложил ладонь мне на щеку. Я злобно сощурилась, однако... Не решилась дать отпор. Он ухмыльнулся довольно, но вместе с тем — заинтриговано, — поверь, детка, никто, кроме меня здесь даже не станет с тобой возиться. Волк из другого мира? Укротители не будут спрашивать, не будут выяснять. Куда легче разобрать тебя на кусочки, и досконально изучить каждый из них, — он выпустил мои волосы из крепкой хватки и погладил меня по голове так, будто я была его собачонкой, — в этом месте... Я твой единственный союзник. Ты поняла меня, детка?

Единственный союзник? Это психопат, который то улыбается, то хватает тебя за волосы? Который нежным голосом рассказывает, как тебя будут препарировать?

Повезло, конечно...

— Говоришь всем, — он внезапно похолодел, стал серьезнее и отошел на шаг назад, — как я тебе приказал. Вставай.

Я никогда не привыкну к такой изменчивости. Кажется, он вполне способен прерваться в середине анекдота, чтобы вонзить собеседнику нож в грудь... А потом с хищной ухмылкой закончить шутку.

Надеюсь, что ошибаюсь... Хотя не стоит поддерживать в себе оптимизм. В такой ситуации, невероятной и совершенно экстремальной, следует оставаться реалистом. Нет сомнений: есть причина, по которой Верон хочет хранить мое происхождение, мою историю втайне от своих же людей. Почему?

Возможно, удастся что-то узнать. Но сперва придется следовать его правилам.

Я осторожно сползла со стола на пол. Ноги занули, стоило встать на них.

Никогда в своей жизни столько не двигалась, как за последние два дня!

Верон схватил меня за локоть, неожиданно осторожно и даже заботливо, и повел в сторону небольшой квадратной арки.

Когда мы вышли из хирургической палаты, я с удивлением обнаружила, что коридор где мы оказались, очень узкий и короткий. Здесь было всего четыре двери по бокам, и одна, массивная, на нескольких замках, напротив арки.

К ней-то и повел меня Верон. У двери оказалась небольшая сенсорная панель. Приложив к ней руку, провожатый заставил замки открыться, и мы смогли попасть в новое помещение — коридор куда более длинный и широкий.

Здесь всюду бродили люди в форме, с винтовками в руках, как те зрители на арене. Завидев Верона, каждый останавливался и делал странный жест рукой: складывал пальцы в

кулак и прижимал его ко лбу. Видимо, так здесь отдавали честь.

И, видимо, Верона уважали. Наверняка и боялись.

Остановившись в центре коридора, провожатый подозвал одного из бойцов. Тот приблизился осторожно и немного неуверенно.

— Видишь эту волчицу? — Верон кивком указал на меня.

Боец робко затряс головой.

— Отведи ее в учебный центр. Я определил ее в стаю номер три.

— Да... Да, господин Верон. Будет сделано.

— И чтобы было сделано в лучшем виде. У меня есть планы на этот экземпляр.

Боец, видно, ужасно пожалел, что оказался ближе всех остальных к Верону. Не могла его судить — этому человеку явно может взбрести в голову, что угодно.

— Не волнуйся, детка, — шепнул Верон на прощание, — мы очень скоро увидимся.

Сказав это, он развернулся резко и уверенным быстрым шагом двинулся вперед по коридору.

Невольно поймала себя на мысли, что издалека он выглядит очень привлекательным мужчиной. А стоит ему заговорить — как все дерьмо сразу лезет наружу.

Боец схватил меня за локоть и не позволил проводить Верона взглядом — грубо повел в противоположную сторону.

Мы миновали широкий коридор, вышли на улицу в крытую аркаду, больше походившую на туннель, сделанный из решетки и колючей проволоки. По похожим проводят людей в тюрьму... По крайней мере, в голливудских фильмах.

За аркадой виднелся длинный зеленый газон, клумбы, аккуратно постриженные невысокие деревья. Все чинно, благородно.

Только вот чутье подсказывало, что эта красота не для таких, как я, сделана.

И интуиция не подвела. Вскоре мы добрались по туннелю до большого, похожего на старый форт, комплекса. Окна — маленькие и вытянутые, как бойницы, двери — широкие, металлические, с несколькими замками. Внутри оказалось не лучше — куча вооруженных охранников, всюду решетки, запертые двери и камеры наблюдения в каждом углу.

Тюрьма. Точно. Первая ассоциация самая верная.

Нас встретила какая-то женщина со светлыми, собранными в пучок волосами, и строгими холодными глазами, спрятанными за линзами толстых очков.

Вглядываясь в небольшой тонкий планшет в руках, она сказала, как и Верон, что я буду отправлена в стаю номер три.

Потом осмотрела меня сверху вниз и дозналась:

— Твое имя?

— Дарина...

Женщина записала его стилусом в планшете и прибавила:

— Твой номер: «0345». Запомни. Так к тебе будут обращаться укротители.

Еще и номера. Отлично...

— Сейчас отправишься на дезинфекцию. Потом тебе выдадут форму, — она махнула рукой, приказывая сопровождающему увести новую заключенную. Но стоило нам сделать лишь пару шагов, остановила, резко выкрикнув, — ах да. Забыла. Из какой ты стаи?

Невольно замерла, задумавшись.

Волки и укротители. Стаи и эта... Тюрьма. Только сейчас начала понимать: мне жутко повезло встретить Рэйна, встретить главную мать его стаи, которая, кажется, знала, кто я, и

что вообще происходит.

А потом фортуна резко отвернулась, столкнув меня с той проклятой предательницей. Если бы был способ сбежать отсюда... Хотя... Может, он и есть?

Тогда... Чем меньше знают обо мне тюремщики — тем лучше. И иметь в покровителях, если так, конечно, можно его назвать, Верона — хороший козырь.

Что ж. Пускай считает себя главным, и отгоняет от меня своих коллег. Я буду молчать и улыбаться ему... И придумывать собственный план.

Да... Да! Я не из робкого десятка. Пора уже об этом вспомнить.

— У меня нет стаи, — ответила, тяжело оглядывая собеседницу. Пускай Верон считает меня послушной девочкой, а все остальные — его «деткой». А когда я раскрою свои карты — им будет уже поздно что-либо делать, — я волк-одиночка, — заявила так, как приказал мне Верон.

Женщина сухо кивнула и чирикнула стилусом по планшету.

С учетом всего увиденного, я ожидала, что распорядок в этом месте также будет тюремным. Вставать по звонку. Ходить строем. Спать за решеткой.

Ожидания усилились, после того, как меня запустили в ужасно холодный душ, обмыли и опрыскали какой-то дурно пахнущей жидкостью, которая под водой пенилась, как мыло, и немного щипала кожу, вытерли, высушили и выдали форму — белые бриджи, такого же цвета майка и куртка. Последняя, правда, была с красными полосами по швам, и по фасону подозрительно напоминала куртку Рэйна...

Выходя из «санитарной зоны», как называли ее мои провожатые, я обхватила саму себя руками, надеясь чуточку согреться, и нервно оглянулась по сторонам. Куда теперь? Сразу посадят в клетку или еще будут неприятные процедуры?

Ни то, ни другое.

Меня повели по вычищенному до блеска пустому коридору в сторону широких дверей с окошками. Сквозь них внутрь пробивался свет. Неужели за ними улица?

Я угадала.

Двери выводили в обширный внутренний двор, обнесенный со всех сторон высокой, как у старого форта, стеной. Вдали виднелись вытянутые одноэтажные здания с узкими горизонтальными окнами почти под потолком и плоскими крышами. Перед ними же, ближе ко мне, расположилось несколько огражденных металлической сеткой секторов. Разглядеть, что в них находилось, не удалось.

Провожатый, один из вооруженных охранников, буркнул что-то вроде: «Не тормози», — и подтолкнул меня в сторону барачков.

Здесь не было ни дорог, ни газонов, о растительности вообще молчу. Только засыпанная красно-оранжевым песком огромная территория.

Подойдя к барачкам, различила на них большие цифры. Когда мы подступили к зданию, обозначенному, как «три», охранник приказал остановиться.

Он приблизился к приборной панели возле двери. На ней, над кнопками, размещался плоский динамик. Подняв небольшой рычажок сбоку от панели, провожатый рыкнул в динамик:

— Всем разойтись по местам. Я захожу.

После он опустил рычажок, отсчитал несколько секунд — я заметила, как беззвучно шевелятся его губы. Затем охранник набрал на панели какой-то код, и крепкая стальная дверь, как в медицинском отсеке, где со мной разговаривал Верон, отворилась.

За ней было... Как-то темно. Оттого стало не по себе, мурашки заскакали по коже.

— Заходи, я не собираюсь стоять здесь целый день! — рыкнул охранник, и я, скорее интуитивно, чем испуганно, перескочила за порог, — это ваша новая подружка, — бросил он мне в спину, — осторожней с ней, не загрызите. Она любимица господина Верона.

Раздался скрежет, потом грохот. Дверь позади захлопнулась, и квадратное пятно света на полу, которое освещало меня и напоминало, что там, за спиной, есть солнце, земля и свежий воздух, исчезло.

Вместо него ко мне со всех сторон потянулась тьма. Вязкая, душная, пахнущая дешевой едой, грязным бельем и плохо работающей канализацией.

Биение сердца ускорилось. Нервы начали шалить. Я знала, что не одна в бараке — охранник разговаривал с его обитателями, к тому же нутром чувствовала, как несколько пар глаз пилят меня взглядом. Но почему никто не включал свет?

— У вас тут неполадки со светом или вы из принципа сидите в темноте? — проговорила громко и настолько уверенно, насколько хватило сил.

Удивительно, но вышло сносно.

Щелчок и яркая вспышка. От внезапного вторжения света в мир тьмы я болезненно зажмурилась.

Когда зрение через пару секунд нормализовалось, удалось разглядеть новое жилище.

Оно оставляло желать лучшего...

Узкие окна, которые я заметила еще с улицы, едва ли пропускали в барак солнечные лучи, да и ко всему прочему были почему-то занавешены. Планировка оказалась ужасно простой: одна большая комната, та, в которую я попала, а в конце расположились еще две. Одна, за квадратной аркой, оборудована столом и стульями. Кухня? Вторая была закрыта дверью. Возможно, там располагался туалет. Даже не знаю, стоит ли надеяться на душ...

Главное же помещение представляло собой спальню. Здесь в два ряда стояли одноместные кровати, оборудованные простеньким, напоминающим скорее занавеску в ванной комнате, балдахинном. Видимо, для того чтобы было хоть какое-то личное пространство.

Из шести коек занятыми оказались только четыре. Три с одной стороны — одна с другой. Кто-то здесь явно был аутсайдером...

Ну вот. Встречайте второго!

Новые соседи приветствовали меня подозревающими хмурыми взглядами. Все, кроме невысокой и какой-то... дерганой девушки с короткими черными волосами.

— Наконец-то у нас появился волк, который понимает важность сотрудничества с хозяевами! — выкрикнула она воодушевленно.

Пока остальные: худой парнишка лет четырнадцати с веснушчатым лицом, рыжая девица с язвительным прищуром, удивительно похожая на него, и женщина среднего возраста из породы «баб, которые коня на скаку остановит», — стояли в стороне и продолжили недружелюбно на меня пялиться, дерганая подскочила ко мне, схватила за руку и протараторила:

— Добро пожаловать в стаю номер три! Мы рады... По крайней мере, я рада, — она раздраженно стрельнула в товарищей взглядом, — с тобой познакомиться. Я Лайла. Это, — она указала на парнишку, — Рукс, — затем на рыжую, — его сестра Рикс, — и, наконец, очередь дошла до старшей, — и Бринела.

— Дарина, — представилась в ответ, осторожно высвобождая руку. В Лайле что-то ужасно раздражало. Я никак не могла понять что.

— Отлично. Можешь занять постель рядом со мной, — она указала на почти незанятый ряд кроватей, — ты можешь отдохнуть или... Я покажу тебе наше скромное жилище? Это недолго, оно же совсем маленькое! Хотя это никуда не убежит. Да-да, тебе, пожалуй, лучше отдохнуть. У нас уже завтра тренировка! Мы и так отстаем по баллам, нужно поднапрячься! — боже, она говорила невероятно быстро. Автоматная очередь по сравнению с ее речью кажется долгой и затянутой! — но, возможно, укротители дадут нам поблажку, за то что ты новенькая? А господин Верон... Это правда, что сказал охранник? Ты его любимица? — я оторопела, не зная, что лучше ответить. Заметив это, Лайла решила тут же перескочить на другую тему, — если что, ты можешь ко мне обращаться по всем вопросам. Я староста этой стаи. Да-да, за все здесь отвечаю!..

Вдруг ее прервала рыжая, Рикс:

— В этой стае главная — Бринела. Она наша главная мать. По закону старшинства и опыта. А тебя поставили укротители, потому что ты послушная подстилка!

— За такие слова... Лишу тебя ужина! — взвизгнула Лайла оскорблено.

— Попробуй! — Рикс соскочила с края кровати, где сидела, и угрожающе развела руками.

Бринела осекла ее, встав на пути, а Лайла фыркнула и пропищала:

— Вот и попробую. Прямо сейчас отправлю просьбу хозяевам лишить тебя порции! — она окинула меня высокомерным взглядом, словно пытаясь доказать, что именно она здесь главная, после чего развернулась и широким шагом двинулась на кухню.

— Тварь, — рыкнула Рикс. Вдруг ее грозный горящий взгляд переметнулся на меня, и рыжая бросила презрительно, — мало нам было этой предательницы, теперь еще питомицу Верона подсунули!

Отлично. У меня тут истеричка с синдромом отличницы Лайла и истеричка с синдромом бешеной стервы Рикс.

Жизнь, чем я все это заслужила?!

— Тихо тебе, — шикнула на нее Бринела и... Чудесным образом это помогло.

Рикс поморщилась недовольно, но не возразила и плюхнулась обратно на постель. Главная мать стаи номер три медленно обернулась и оглянула меня сверху вниз. У нее был очень тяжелый взгляд. Взгляд человека, который многое пережил и многое потерял. И лицо прямое, угловатое. От нее исходила такая холодность, что я поежилась и невольно плотнее закуталась в куртку.

— Из какой ты стаи, Дарина? — спросила она строго.

— Я... Я одиночка, — раз уж решила идти по плану Верона, то уже не было смысла что-то менять.

— Одиночку сложно выследить и сложно поймать. Как ты попала к укротителям?

— Я прибилась к стае, когда рядом был патруль, — боже как на допросе! Даже хорошо, что Верон придумал эту историю, сама бы я не сообразила, ни про одиночку, ни про патруль. А соседи при этом большой симпатии пока что не вызывали. Как и доверия, — меня обманула одна из них... Отвела к укротителям.

И почему их так называют? Только сейчас об это задумалась.

— То же было и со мной... — младший брат Рикс, Рукс, понимающе качнул головой. Но сестра толкнула его локтем в бок, призывая не поддерживать меня, и парнишка зажался и отвернулся.

— Чем ты заслужила внимание Верона? — Бринела продолжала допрос.

Черт. Не помню, чтобы он об этом говорил.

— Я... Я удивила его на арене, — полуправда это ведь не ложь? Почему тогда мне было так сложно ее произносить?

— Удивила? Как? — Бринела с подозрением нахмурилась.

— Так, Рикс, сегодня ты не ужинаешь, — обратно в комнату ворвалась Лайла. Никогда бы не подумала, что буду рада ее возвращению, но в этот раз она выручила.

Рикс оскалилась и обиженно сложила руки.

Лайла тем временем обхватила меня за локоть и проговорила:

— Они тебя донимают, Дарина?

Я не ответила, впрочем, старосте это было и не нужно.

— Отвяжитесь все от нее! Девочке удалось заслужить расположение Верона! Это многого стоит, — мгновение она глядела на меня даже с восхищением, — никогда не слышала, чтобы Верон выбирал себе подопечных. У него слишком высокое положение... Но, видимо, ты действительно особенная.

Особенная, как же. Единственная моя особенность — это рождение в другом мире. Но в этом, скорее, минус, чем плюс, я же ни черта не понимаю происходящего!

Лайла решила опекать меня. Показала барак, кратко описала порядки: когда подъем, когда приемы пищи, когда тренировки, а когда отбой. В подробности она не вдавалась, к сожалению. Значит, опять придется разбираться на месте.

Остальные, вероятно, решили сделать вид, что меня не существует. Получалось у них это паршиво: то и дело кто-то из стаи бросал в мою сторону злобный взгляд, то и дело их разговоры резко переходили на шепот, и можно было без труда догадаться, о ком они говорят.

Что ж. Лайла много болтает, задирает нос и явно боготворит наших тюремщиков. Но, по всей видимости, придется дружить с ней.

Пока что.

Надеюсь, удастся придумать дельный план, чтобы спастись. Или, в крайнем случае,

действовать по указке Верона. Он вроде как обещал вернуть меня домой?

В груди заворчалось тошнотное чувство. Обещал, точно. Стоит ли верить его обещаниям?

Вряд ли.

Как не стоит верить Лайле, Бринеле и кому-либо еще.

Значит... Остается верить только самой себе.

Никогда не привыкну к этому дурацкому ошейнику! Из-за него не могла уснуть — застежка мешалась. А плотный материал, из которого он был сделан, натирал кожу.

Все утро я теребила его, пытаюсь найти способ снять. Но потом это заметила Лайла и поспешно осекла, заявив: «Не трогай. Иначе повредишь контакты и получишь удар током».

Шоковые ошейники? Мило, ничего не скажешь. Еще более мило, что все остальные: Рукс, Рикс и Бринела, — все это время молча наблюдали за моими попытками и слова не сказали про электрические удары.

Спасибо, ребята. Вы лучшая команда!

Но теперь хотя бы стало понятно, что меня вырубило, когда подруга Рэйна нацепила на меня этот ошейник.

Боже. Все волки, которых я успела встретить, либо предатели, либо озлобленные сволочи.

Только Рэйн казался нормальным. Хотя не факт, что они с подружкой не действуют заодно.

С местными порядками удалось немного познакомиться еще вчера. Кормили здесь три раза в день, прямо по-человечески. Однако столовой не было. Вместо этого все уносили выданную нам пищу обратно к себе в барак. Пообщаться с другими узниками оказалось сложно, да и никто особо не шел на контакт.

Видимо, стаи на то и стаи, что держатся обособленно друг от друга.

Лайла говорила, что еще есть тренировки и свободное время, когда можно выходить из барака и спокойно перемещаться по внутреннему двору. Но этого почти никто не делал.

На мой вопрос: «почему?», — вразумительного ответа получить не удалось.

Волнение вызывали и тренировки. Что они из себя представляли? Вспоминая клетку и тот бой с монстром, я не ожидала легкого фитнеса.

Хотя в глубине души, наверное, мечтала, чтобы все оказалось именно так: просто и безобидно.

Утром ждал неприятный сюрприз: первая часть тренировки проходила до завтрака. На пустой желудок.

С детства плохо переносила голод. Вовремя не поем, особенно в начале дня, и сразу кружится голова и темнеет перед глазами.

Пришлось заранее настроиться на неудачу.

На ночь нас запирали, поэтому сперва стая дождалась охранника, который открыл дверь, а потом уж все вместе мы отправились на тренировку.

Проходила она в одном из тех огражденных секторов, которые располагались перед бараками, и которые я увидела еще вчера, когда вышла из главного здания.

Ничего особенного этот сектор не представлял. С одной стороны, у входа, ряд скамеек в три яруса, с противоположной — табло, как те, что отчитывают очки команд во время игры. Впрочем, оно было не таким большим, как на стадионе.

Сейчас на табло высвечивалось два нуля.

Волки собрались здесь быстро, без задержек и опозданий. Подозреваю, что неспроста. Наверняка тут бывают наказания за несоблюдение по-армейски строго расписания.

Стаи держались друг друга, чужаков либо игнорировали, либо бросали в их стороны нервные, раздраженные взгляды.

Всего групп было шесть. В каждой по четыре человека, точнее, волка. Наверное, надо привыкать называть их именно так.

Немного. Впрочем, чем меньше народу — тем легче их контролировать.

Держались все стаи по-разному. Были ужасно надменные ребята, вычищенные, лощенные с высокомерными лицами, были какие-то шумные забияки, которые то и дело толкали друг друга, были хмурые, как один, огромные и широкоплечие амбалы... Чем отличалась наша стая? Презрительным отношением друг к другу, которое никто даже не пытался скрывать.

Когда в сектор вошла высокая женщина с каштановыми волосами, убранными в тугую кичку, и ехидным зеленым взглядом, все разом замолчали. Я интуитивно распрямилась и застыла. Подмышкой она держала электронный планшет.

— Вот и новое утро, — проговорила женщина вместо приветствия, — начнем, как всегда, со списка.

Она достала планшет и принялась зачитывать с него номера стай и количество заработанных ими баллов.

— Это Шелла, — шепнула мне Лайла, — она тренер по боевым методикам. Одна из главных укротителей здесь.

В ответ я благодарно кивнула за разъяснения.

Когда количество баллов было озвучено, я с сожалением поняла: у нашей стаи меньше всех. Хотя с таким командным духом... Не следовало ожидать ничего другого.

— Мне доложили, — проговорила Шелла, почему-то уставившись на меня, — что у нас новый волк.

Невольно вздрогнула, а когда все остальные принялись на меня пялиться, захотелось сжаться и спрятаться.

Но вместо этого я еще шире распрямилась плечи.

Мое первое появление перед всеми. Пускай у них даже мысли не промелькнет, что я слабая.

— Должна сказать, это такая большая честь для меня, — вдруг проговорила Шелла как-то... Притворно, — я впервые встречаю такого выдающегося волка, — оттенок сарказма с каждым новым ее словом чувствовался все явственнее. Остальные заинтриговано нахмурились и начали переглядываться. Внутри же у меня заворочалось неприятное предчувствие, — сам Верон привез ее сюда. Представляете? Нашего уважаемого верховного укротителя так впечатлили навыки новенькой, что он наплевал на все проверки и процедуры и сразу определил ее в тренировочный центр! — Шелла хлопнула в ладоши и мерзко ухмыльнулась, — не терпится увидеть, на что ты способна. Итак. Первый бой! Новенькая и... — сердце замерло, руки похолодели. Я? Бой? Что? Шелла же продолжала, — и Грарр.

По рядам прошли шепотки. Невольно оглянулась на Лайлу. Она побелела. Даже рыжая Рикс, которая громче всех высказывала свое недовольство моим появлением, застыла и напряглась.

Когда с соседней скамейки поднялся двухметровый бородатый мужлан, в два, а то и в три, раза шире и выше меня, я поняла, отчего все так взволновались.

И невольно вспомнила «Отче наш»...

Боже. Драться с ним? Серьезно?!

Глава 9. Пора стать чемпионом? — 2

«Это шутка. Это должна быть глупая шутка. Я ведь новенькая. Меня просто разыгрывают», — с этой мыслью поднялась со скамейки.

Коленки дрожали.

Да что там коленки! Все тело, каждая мышца, каждая клеточка моего организма дрожала!

Когда напротив встал Грарр, когда он спешно размял шею и оскалился, я поняла: это вовсе не розыгрыш.

Не успела сказать ни слова, не успела возразить, как Шелла скомандовала: «Бой!», — и противник, недолго думая, схватил меня, поднял над головой, отчего екнуло сердце и свело мышцы, и отбросил в сторону.

Мелкие камни вонзились в тело, песок попал в глаза и зацепил в носу. Ноющая боль раздалась в руке.

Чтоб меня...

Грарр зарычал, как зверь, и ринулся на меня. Замахнулся рукой, которая в ту же секунду вдруг покрылась жесткой черной шерстью, и уж ударил меня по голове со всей дури, как я каким-то чудом умудрилась отскочить в сторону.

Его кулак столкнулся с землей. Видимо, это было больно.

Грарр снова зарычал, его лицо исказилось, вытянулось, начиная походить на звериную морду.

Он словно бы... Превращался в того монстра, которого я видела на арене. Но при этом трансформация держалась лишь несколько секунд, пока его тело не возвращалось к привычным человеческим формам.

Сердце бешено колотилось. Мне чудился вкус железа на языке. Может, закровоточила десна?

Впрочем, страх успела сменить ярость.

Страх не поможет в бою, страх не наполнит мышцы силой. И никто здесь не собирается меня жалеть, не собирается со мной возиться.

Этот амбал... Боже, мне его не победить.

Но ведь это не причина прижать лапки к груди и лечь перед ним верх брюхом!

Противник снова бросился в мою сторону. Он был тяжелым и медлительным. Если снова отскочить... И сделать так несколько раз... Может, он устанет, и появится шанс.

Однако розовым мечтам не суждено было сбыться.

Грарр замахнулся, я метнулась вправо, и на этот раз он предугадал маневр.

Не сразу поняла, что произошло. Хруст. Шлепок. Странная стянутость в груди. На мгновение в глазах померкло, но через секунду я поняла: меня снова отбросило в сторону.

Нужно подняться.

Черт!

Я так просто не сдамся!

Стоило так подумать — из гортани вырвался злобный, звериный рык. Защищало кожу, появился зуд. Я почувствовала, как меняются мои руки и ноги, как изгибается позвоночник, как ломает кости. Как трансформируется тело.

Это снова происходит. Как на арене.

Но теперь я знаю, что делать...

Рев совсем рядом. Темная и мощная фигура Грарра возникла надо мной. Нет. Еще рано. Я не обратилась! И... Я лежу. Лежачих не бьют!

Противник был другого мнения.

Самодовольная улыбка растянулась по его лицу. Он замахнулся своей ручищей. Кулак устремился на меня.

Удар. Звон. Темнота.

Я очнулась через секунду. Очнулась и сразу вскочила, готовая продолжить бой, однако... Грарр куда-то исчез. И сектор исчез. И все остальные...

Пахло спиртом и лекарствами.

Я обнаружила себя лежащей на холодном хирургическом столе в уже знакомом медицинском отсеке.

Правая сторона лица онемела. Особенно часть между скулой и носом.

Черт возьми.

— Я не знаю, что он нашел в тебе, — вдруг раздался голос, — но, поверь мне, я превращу твою жизнь в кошмар.

Обернулась и тут же пересеклась взглядом со злобными и надменным зелеными глазами. Шелла стояла подле стола с хирургическими инструментами и медикаментами.

— И чем я заслужила, — не постеснялась спросить, — такое ваше внимание?

Шелла оскалилась в ответ, замахнулась и с силой хлопнула меня по здоровой щеке.

Ай! Она совсем полоумная?

— Не говори, если тебе не дают слово, — прошипела она.

Тренерша нагнулась ко мне ближе, желая еще что-то добавить, как вдруг из-за двери раздался шум и знакомый сердитый голос, спросивший, где я.

Верон.

Он ворвался в комнату с быстротой и стремительностью торнадо.

Пересекшись взглядом с Шеллой, он оскалился и с порога рыкнул:

— Какого... Какого хрена ты поставила новенькую на бой в первый же день?!

— Такого же, какого ты принял ее сюда, — парировала она, — по исключительно собственному желанию.

— Ты совсем забыла о границах, Шелла? — верховный укротитель в один рывок оказался перед ней. Он уставился на тренера своим коронным безумным взглядом, но та даже не шелохнулась.

— Если новый питомец попал к нам, обходя все предписания и правила, значит, в этом питомце что-то есть. По крайней мере, должно быть, — она ехидно ухмыльнулась и вдруг глянула на меня, как на мусор, — а это какая-то шавка беспородная.

Ах ты ж... Дрянь! Врезать бы ей, да как следует! Но потом из-за этой вредной бабенки буду мучиться. Наверняка накажут.

Пришлось с силой стиснуть зубы и промолчать.

Верон же побагровел, нахмурился, и на мгновение мне почудилось, что он ударит Шеллу... Но вместо этого он со всей силы хлопнул по столу, возле которого она стояла.

Тренерша невольно вздрогнула и замолкла, а верховный укротитель, схватился за голову, провел ладонями по гладким черным волосам, развернулся, и отошел на пару шагов в сторону, будто так ему было бы легче бороться с желанием преподать подчиненной урок.

— Проваливай, — прошипел он, не оборачиваясь.

— Ты превысил свои полномочия, взяв ее, — вякнула Шелла, — так недолго и потерять их...

Она не договорила: Верон резко развернулся к ней лицом и пригрозил:

— Но сейчас они при мне. И я не побоюсь превысить их во второй раз. Но уж по отношению к тебе и твоей должности.

Тренер не нашлась с ответом, и начальник тут же воспользовался этим, чтобы добить ее:

— Проваливай. Твои действия мы обсудим позже.

Вот так, получи! Пришлось последние силы отдать, чтобы утаить от Верона свою победоносную улыбку. Впрочем, когда он задумчиво отвернулся, а Шелла напоследок меня оглянула, я легко ухмыльнулась и стрельнула глазками.

Наверняка это разозлит и раззадорит ее еще больше. Пускай. Пока что у меня есть покровитель...

Однако когда тренерша исчезла, громко хлопнув за собой дверь, я стократно пожалела о своей «радости».

— Какого... Как ты умудрилась не справиться с противником? — не до конца растраченную злость Верон, видимо, решил излить на меня.

— Я никогда не дралась раньше! — оправдалась в ответ.

— Не дралась? О! Она не дралась! — не успела даже понять, как он вдруг оказался передо мной. Верон схватил меня за лицо, так что заболела челюсть, и заставил посмотреть ему прямо в глаза. Попыталась вырваться — от его взора пробивало на холодный пот — но он держал слишком крепко, — что ж. Тебе придется научиться! Потому что драться тебе нужно будет много! И ты должна будешь стать лучшей!

Он отпустил меня. Захотелось отодвинуться в сторону, но Верон схватил за локоть, удерживая на месте.

— Ты ничего не понимаешь, Дарина. Ты ничего не знаешь! Все эти укротители, тренера, назови их как хочешь, мне плевать. Все они — напыщенные, зажравшиеся мажоры, которые привыкли получать все, что только пожелают. Желторотые птенцы, которые всю жизнь собираются раскрывать клюв и ждать, когда мамочки и папочки засунут им в них еду. И ты не представляешь, Дарина, и не сможешь представить, даже если очень захочешь, как сильно хотят эти птенцы попасть на мое место, — он, наконец, выпустил мою руку. Сразу обхватила ее ладонью и прижала вплотную к телу. Стало не по себе. Верон явно вышел из себя. Шелла его задела. И что? Теперь мне отдуваться? Отлично. Малого того, что побили, так теперь еще и слушать закипающего психопата! — но я, — продолжал верховный укротитель, — я сделал себя сам. Я сам всего добился, и не собираюсь с этим расставаться. Ты... — его ярко-голубой взгляд пронзил насквозь, — ты должна быть моим козырем. Но вместо этого ты выставляешь меня посмешищем.

— А что я могу сделать? Прыгнуть выше головы? — буркнула, отведя взор.

— Да, — отрезал он, — потому что я так сказал, — вдруг он сделал голос приторно-нежным, отчего от страха тут же задрожали руки, — мы же договорились, детка... Помнишь? В самом-самом начале: ты делаешь все, что я тебе сказал.

Он тяжело вздохнул, опустил лицо, потер лоб.

Я молчала.

Боже, и почему у меня от него кровь стыла в жилах? Он слишком быстрый, слишком изменчивый, слишком непредсказуемый.

— Ты станешь лучшей, Дарина, — вдруг выговорил он уверенно, так, будто это был железный факт. Верон поставил руки в бока и заявил деловым тоном, — с завтрашнего дня. Вместо обеда и свободного времени. Ты занимаешься со мной. Я пришлю за тобой человека, — не дождавшись ответной реакции, верховный укротитель двинулся к выходу.

— Что? — недоуменно бросила ему вслед.

В дверях он задержался, оглянулся на меня через плечо и проговорил, ухмыляясь:

— Я же сказал: ты станешь лучшей. Я сделаю тебя лучшей.

Я поняла, насколько мне досталось от Грарра, только когда Верон вызвал охранника, и тот повел непутевую волчицу обратно в барак номер три.

Звон в ушах не проходил, и с каждой минутой донимал и беспокоил все больше. Ноги стали ватными. Тело ныло. Видимо, мне обезболили место самого сильного удара — на лице, и сейчас наркоз сходил, отчего я чувствовала отравительную пульсацию и зуд.

Господи, неужели еще и шрам останется?

Тут же одернула себя мыслью: «Нашла о чем беспокоиться. Все тебя ненавидят, а Верон просто использует».

И если со «всеми» понятно, то Верон — одна сплошная загадка.

Для чего ему это? Чутье подсказывало, что даже если я действительно какая-то супер особенная и невероятная волчица (в чем сильно сомневаюсь, достаточно вспомнить оба моих боя), то все равно это не стоит риска. Судя по разговору с тренершей, Шеллой, его действительно сильно подсиживают. Не удивлюсь, что та стерва еще и не единственная, кто этим занят.

Зачем рисковать и так шатким положением ради меня?

Альтруизм? Это точно не про Верона.

Пришлось прервать размышления, когда я вернулась в барак. Ожидала снова встретить насмешки и недоброежелательство. Теперь еще и от Лайлы — я же подвела команду!

Однако, как только дверь за спиной захлопнулась, сидевшие на койках (нужно было обязательно оставаться на своем месте, когда заходил кто-то из надзирателей) повскакивали и недоуменно на меня уставились.

Теперь еще что?

Чуть заметно закусила нижнюю губу и мысленно чертыхнулась. Хоть один вечер дали бы мне провести в спокойствии! В относительном спокойствии...

— Что это было? — Бринела заговорила первой. Она быстро и стремительно двинулась навстречу, и я уж думала, что главарша налетит на меня, впечатает в стенку... Даже заранее наморщилась и сжала пальцы в кулак. Впрочем, главная мать этого делать не стала. Остановилась прямо напротив и схватила за плечи с какой-то... С какой-то неожиданной заботой, — мы видели как ты... Ты обращаешься сразу в чистую форму?

Верон говорил что-то такое... Только называл это третьей формой.

Не была уверена, что это правда, но пришлось кивнуть и подтвердить.

— Ничего себе! — воскликнул Рукс восторженно.

— Вздор! Я не верю, — бросила его сестра.

— Теперь... Теперь понятно, зачем ты Верону! — заметила Лайла с видом знатока, — что он тебе по этому поводу сказал? Тебя тренируют для кого-нибудь элитного отряда? — спрашивала она точно не из искреннего интереса к моей судьбе. Сама небось мечтала попасть в элитный отряд, что бы это ни значило.

Бринела почему-то отвернулась и внимательно уставилась в невидимую точку на полу.

О чем она так задумалась?

Лайла испепеляла меня взглядом в ожидании ответа, поэтому пришлось чуточку развязать язык. Все равно стая начнет спрашивать, куда я деваюсь каждый день во время

свободных часов:

— Верон будет тренировать меня, да. Но для чего — не знаю.

— Как все загадочно... — протянула в ответ староста, пытаясь скрыть свое разочарование. А что она ждала? Что я выложу ей все и принесу на блюдечке? Как бы не так. Придется хорошо повертеться, чтобы вызнать мои секреты.

А их с каждым днем все больше...

— Верон натаскает тебя охотиться и убивать, но остальному не научит, — вдруг проговорила Бринела, всматриваясь в меня так прямо, что мурашки пробежали по позвоночнику.

— Другому? — почему-то сердце замерло. Появилось предчувствие опасности... И чего-то невероятного.

— Раз ты одиночка, то вряд ли нашлась старейшина, которая помогла бы тебе, впрочем... Твои родители никогда не объясняли, какая ты?

— Я... Я была предоставлена самой себе, — пришлось соврать.

Бринела поджала губы недовольно. Кажется, мой ответ ее не удовлетворил. Но она решила придержать сомнения. На этот раз.

Оно и к лучшему.

— Ты в разладе со своей волчицей. Это видно. Ты слишком медленно превращаешься. Чувствуешь только наполовину. Я... Я могу помочь тебе.

— Помочь? — а это уже интересно. И подозрительно. С чего так резко изменилось ее отношение ко мне? — я полагаю, помогать ты мне будешь не просто так, — не побоялась заметить.

— Верно, — Бринела раздражено дернула головой, но в остальном держалась почти дружелюбно, — я попрошу тебя о помощи. Потом.

— Что я должна буду сделать?

— Ты узнаешь, когда придет время.

В ответ тяжело вздохнула. Ну, конечно! Еще секреты. Только теперь с волчьей стороны. Невольно почувствовала себя шариком от пинг-понга, который рикошетом бьется об стены. То с укротителями сталкиваюсь, то с волками. А и тем, и другим это только на руку.

Но однажды шарик сменит траекторию и выбьет кому-нибудь глаз! Ей-богу, я никогда не отличалась терпеливостью, и, чувствую, скоро эти игры окончательно меня достанут.

— И как ты мне поможешь? Или и это я узнаю только со временем?

— Не ерничай, — осекла меня Бринела, — может, ты и привыкла быть одиночкой, но теперь ты в стае.

Тоже мне стая. Только и гляди, как нож воткнут в спину! Впрочем, озвучивать свои мысли не стала.

— Я научу тебя связываться с внутренней волчицей. Покажу дорогу, — продолжила Бринела серьезно, — это поможет тебе в тренировках... Чему бы Верон не хочет тебя учить.

Пожалуй, хоть Бринела и компания всю скалились, не собирались причинять мне вреда. Они слишком боятся Верона. Про Лайлу уж молчу.

Наверное, помощь главной матери не помешает. А когда придет время отдавать ей долги... Посмотрим. Это не контракт, подписанный кровью, если она потребует слишком много — я всегда могу отказаться.

— Хорошо, — согласилась, хоть и со скепсисом, — помоги нам с внутренней волчицей воссоединиться!

— Если ты не относишься к этому серьезно... — твякнула Рикс, но старшая ее тут же прервала:

— Тихо. Не обостряй.

Сказав это, Бринела схватила меня за руку и потянула в центр барака. От прикосновения ее сухой горячей ладони почему-то стало не по себе и захотелось вырваться.

Боже и зачем я на это подписалась?

Прежде чем решилась отказаться, главная мать усадила меня на пол и сама села по-турецки напротив. Посмотрела мне прямо в глаза, и ее взор пронзил насквозь, словно острый самурайский меч.

Бринела выставила перед лицом руку, ладонью вбок. Все пальцы, кроме указательного, она сжала.

Вдруг она начала водить рукой то влево, то вправо, приговаривая:

— Следи за моим пальцем.

Это что? Гипноз? Если так, то зря старается. Подруга как-то затащила меня на сеанс и ничего. Гипнолог там со мной чуть не расплакался от отчаяния!

Впрочем, прежде чем я успела поставить на всей этой затее крест, рука Бринелы резко метнулась ко мне, а ее вытянутый палец ударил меня по лбу.

Вроде не сильно, но... В глазах вспыхнуло, а затем замерцало. От удара Грарра по лицу не было так плохо, как от этого легкого прикосновения!

Вдруг я почувствовала нечто странное... Будто ветер бил в лицо, а сердце убежало в пятки. Такое ощущение, как если бы я падала с верхнего этажа небоскреба. Это был страх, доходящий до предела.

Уж хотела вскрикнуть, но вместо этого широко распахнула глаза, и... Обнаружила себя посреди леса.

Темного, ночного. Правда, свет, заполнявший его, не походил на свет луны. Он был фиолетовым, рассеянным. Земля, кустарники, деревья, — вся чаща будто бы светилась сама собой, как люминесцентные животные и растения, обитающие на дне океана.

Что за... Что за черт?

«Успокойся, Дарина», — голос Бринелы раздавался отовсюду, из каждого уголка чащи и даже из глубины моего сознания.

«Успокойся и оглянись. Волчица уже ждет тебя», — прибавила главная мать.

Так. Так. Успокоиться?

Закрыла глаза, задержала дыхание и медленно отсчитала до десяти. После чего резко выдохнула, одновременно освобождаясь от паники.

Тут же раздался громкий «фырк». Как будто собака хотела залаять, но остановилась на полпути.

Распахнула веки и сразу увидела перед собой волка.

Огромный, стройный, ослепительно-белый. У него были невероятно умные пронзительные глаза. Они сияли, как звезды, а его шерсть... Она мерцала и переливалась на свету, словно бриллиант.

Волк казался знакомым. Как если бы я знала его всю свою жизнь.

Рука сама потянулась к нему, и тот в ответ уж подался ко мне, как вдруг... Послышалось прерывистое рычание.

Белоснежный волк дернулся и оглянулся.

«Дарина? — раздался голос Бринелы, — что там?». Обернулась и невольно вздрогнула. Из чащи выглядывал знакомый силуэт. Темный, как ночь, с умным, почти человеческим взором.

— Черный волк, — почему-то сказала я вслух.

Тот, кто притащил меня в этот мир, тот, чье имя так пугало Рэйна и главную мать его стаи. Да что уж там. Оно пугало всех.

«Дарина... Дарина, не подходи к нему, — даже в голосе Бринелы различалась дрожь, — останься со своей волчицей. Не подходи...».

Вдруг ее слова затихли и стали почти неразличимыми — черный волк вышел из леса и встал подле меня.

Я осторожно шагнула навстречу. Тот припал к земле, прижал уши к голове, словно готовясь наброситься. Но он этого не сделал.

А меня... Меня почему-то тянуло к нему, хотя белая волчица за спиной рычала и была точно не рада его появлению.

Во взоре черного волка чувствовалось нечто... Нечто ужасно знакомое.

Захотелось до него дотронуться. Запустить пальцы в жесткую шерсть, успокоить его, приласкать.

Но стоило подойти слишком близко, как он взвизгнул, оголил белые зубы, подскочил, целясь мне в шею...

Не успела даже вскрикнуть. Неужели... Неужели он разорвет меня на части?

Этого он делать не стал.

Черный волк толкнул меня передними лапами и повалил на землю.

Больно ударила затылком и в ушах опять зазвенело. Замотала головой, прогоняя назойливый звук и вдруг увидела, что справа, прямо посреди чащи возник дом.

Брусчатый небольшой домик, весь залитый светом. Словно бы специально для меня, передняя стена здания исчезла, и я видела, как зритель в театре, все, что происходило внутри.

Молодая женщина с лицом, которое отчего-то не удавалось разглядеть (оно было смазанным, будто специально заретушированным), качала на руках плачущего ребенка.

Мужчина в кожаном плаще с черными, чуть задетыми сединой, длинными волосами, спешно собирал вещи.

— Но... Как же наш ребенок? — женщина едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Если ты думала, что я брошу семью ради этого... — собеседник не договорил и лишь раздраженно мотнул головой.

— Ради этого? Какого этого? — с надрывом дозналась молодая мать.

— Ты хочешь, чтобы я сказал? — мужчина хлопнул по столу и в ту же секунду метнулся к собеседнице. Оглянул со злостью ее, а ребенка — с отвращением, — этот ребенок... Я не хочу его знать. Не хочу ничего слышать. Ты должна сказать спасибо, что я не докладываю высшему совету, они бы... — он прервался и вместо рассказа о том, что сделали бы с младенцем, оскалится, вернулся к походной сумке, которую до этого собирал, закрыл ее и перекинул через плечо, — все кончено. Забудь меня. А если... — он замер на пороге и, не оборачиваясь, пригрозил, — если попадешься мне на пути... Или попытаешься связаться с моей женой... Разберусь с вами обоими и без высшего совета.

Скрип открывающейся двери, затем — громкий хлопок, который больно ударил по слуху, заставил меня зажмуриться и... Очнуться от странного сна, который навлекла на меня Бринела.

Первые несколько секунд я судорожно качала головой и хватала ртом воздух. Все мысли перемешались, кровь бурлила от мощного всплеска адреналина...

Когда пришла в себя, увидела, что члены стаи смотрят на меня с изумлением и...

Искренним страхом.

— Черный волк?.. — рыжая Рикс проговорила это так, будто речь шла о самом кошмарном существе на планете, — разве это возможно...

Бринела стиснула зубы и отвернулась.

— Что все это значит? — я нахмурилась, ладони вспотели.

Опять черный волк и опять никто ничего мне не говорит!

Да еще и тот ребенок... Что это вообще за младенец?

— Тебе не удалось наладить связь с волчицей, — проговорила старшая мать после долгого молчания. Вдруг она поднялась и на выдохе произнесла, — попробуем еще раз завтра.

— А как же... — вскочила вслед за ней и схватила за локоть, будто боялась, что Бринела убежит, — а как же черный волк? Что он там делал?

Я должна понять! Должна!

Бринела выдернула руку и прорычала:

— Не думай о черном волке. Забудь о нем. И в следующий раз... Беги от него как можно дальше.

Хотела возразить, хотела заставить ее говорить, но главная мать не дала мне шанса.

Она ушла в столовую и весь вечер ни с кем не разговаривала, упорно о чем-то размышляя. Я пыталась ее донять, но... Бессмысленно. В упрямстве ей не занимать.

Ложась спать, попыталась убедить себя, что черный волк вовсе не так важен.

И остальные на самом деле не смотрят на меня как на прокаженную.

И уверенная и всезнающая Бринела не вздрагивает от одного его упоминания...

— Знаешь, в чем твоя проблема, детка? Ты слишком медленная.

Я вздрогнула, просыпаясь от легкого сна, и нахмурилась.

Верон, как мы и договорились, забрал меня в свободные часы, усадил в машину, похожую на круглую капсулу на огромных колесах, и теперь его водитель вез нас в неизвестном направлении. На кочках меня укачало, и даже несмотря на то, что сидения здесь были ужасно неудобными, да и располагались странно, спинкой к боковым стенам, я чуток задремала.

Голос Верона оттого прозвучал, громко и звонко, как сигнал будильника. Невольно даже подумалось, что пора на работу...

Но нет, меня вовсе не ждала очередная маршрутка, храбро отправляющаяся прямо в гущу пробок. Меня ждала тренировка с верховным укротителем.

— Мало кто умеет превращаться в третью форму. А так, чтобы сразу в нее... Такое вижу впервые, — Верон глядел в тонкий серебристый планшет, лежавший у него на коленях, — но проку от этого никакого, если твоя трансформация длится дольше, чем противнику хватает времени тебя вырубить, — он поднял взор и ухмыльнулся, — но ничего. Мы это исправим.

На мгновение почудилось, что предстоящее превращение меня из слабачки в боевую машину действительно его воодушевляет.

И уже было не разобрать для чего ему все это нужно. Дело в азарте? Или он прекрасный актер, который скрывает за своим ампула непредсказуемого психопата нечто более сложное и, вероятно, опасное.

Трудно сказать, какой из этих вариантов лучше для меня...

Машина вдруг резко дернулась, и я чуть не вылетела из кресла. Благо ремни безопасности удержали. Хотя Верон саркастично качал головой, пока я пыталась разобраться с замками, и приговаривал: "Тебе это не нужно", — все равно пристегнулась. Никогда не стоит упускать из внимания собственную невезучесть. Особенно когда судьба сама напоминает тебе о ней каждый день и самыми экстремальными способами.

Верховный укротитель же даже не вздрогнул, будто намертво приклеил себя к сидению. Я даже почти в это поверила... Но он тут же разбил безумное предположение, резво соскочив с места и двинувшись к широким раздвижным дверям.

Открыв их, он выпрыгнул наружу, развел руками и показательно глубоко вдохнул.

— Ох... Запах леса. Для большинства волков — запах свободы, — он глянул на меня, и стало видно, что в его глазах заблестела хитринка. Она, правда, всегда была заметна... Но сейчас казалась особенно яркой, — для тебя, впрочем, — продолжил Верон, — этот запах наверняка значит нечто иное.

Запах проблем? Запах страха? Точно не скажешь. Одно без сомнений: к лесу я уже никогда не смогу относиться так, как раньше.

Отстегнуть ремни оказалось проще, чем застегнуть. Так что из машины я вылезла без проблем. Стоило ногам коснуться вязкой, покрытой мхом и пожелтевшими сосновыми иголками, земли, по телу прошла неприятная дрожь.

Нервно оглянулась по сторонам. Вокруг ни души. Только темная тихая чаща, дорога за спиной, Верон и я.

— Господин, куда дальше? — ах да. Еще был водитель, который доставил нас сюда. Он открыл дверь своей кабины и высунулся наружу, вопрошающе вглядываясь в начальника, — дороги дальше нет, вы уверены, что это то место?

— О... О, я не знаю, — залепетал Верон с несвойственной ему рассеянностью, — подойди сюда, давай осмотримся...

Из кабины водитель вылез с явной неохотой. Двигаясь к верховному укротителю, он то и дело оглядывался то на лес, то на меня. И если в чаще действительно могла крыться угроза... То беспокоиться обо мне не стоило. Я ведь и драться не умею! А если б и умела, то электрический ошейник не позволил бы это сделать...

Удивляло, с какой опаской, с каким страхом относятся к волкам укротители. И ошейники, и клетки, и полный контроль... Но при этом я еще не видела, чтобы оборотни могли противопоставить что-либо технологиям: оружию, машинам, даже электродубинкам.

Но... Может, я не видела всего?

Когда водитель очутился рядом с верховным укротителем, тот протянул ему свой планшет. Показать карту?

Подчиненный посмотрел на экран, тут же нахмурился непонимающе, начал шептать:

— Но это же...

И не успел закончить. Верон выхватил нечто из кармана своего плаща, какой-то небольшой продолговатый предмет, крепко сжал его в руке и, быстро замахнувшись, ударил им в шею водителя.

Тот взвизгнул, вдруг закатил глаза, так что видны были лишь белки, и, вмиг обессилив, рухнул на землю.

В его шее торчал шприц.

Что за?!

— Это же очень милая фотография меня, — закончил Верон фразу водителя так, будто ничего не случилось, — только в детстве, — он развернул планшет экраном ко мне, и я увидела лучезарно улыбающегося мальчишку лет восьми со взлохмаченными волосами и одним недостающим передним зубом.

Не верилось, что этот милый ребенок вырос в... В Верона.

— Послушай мой совет, Дарина, — как ни в чем не бывало, он подхватил водителя подмышками и заволок в салон машины, — всегда носи с собой сильное снотворное. Никогда не знаешь, где пригодится.

Тремор прошел от кончиков пальцев до плеч. В груди все неприятно сжалось. Какого... Какого черта он это сделал?

— Зачем все это? — хотя страх уже начал дрожать и вибрировать меж ребер, я осмелилась спросить.

— Ну как же? — верховный укротитель улыбнулся. Неприятно улыбнулся. С какой-то злобой... — зачем нам лишние свидетели? — почудилось, что его взгляд стал масляным. Верон двинулся на меня, и я, не предугадав угрозы, не догадалась отпрянуть, — или ты из тех девушек, которые любят делать это на глазах у посторонних? — выпалил он и вдруг метнулся навстречу со скоростью молнии.

Моргнуть не успела, как верховный укротитель прижался ко мне всем телом и впечатал в корпус машины.

Сердце екнуло, все мышцы разом напряглись и мучительно застонали. Кожей лица ощутила дыхание. Горячее. Обжигающее.

Чудилось, что Верон вдохнул весь кислород в мире, и потому мне было нечем дышать...

— Отпусти! — отчаянный крик вырвался сквозь страх. Схватила нападающего за плечи и попыталась его оттолкнуть. Черт. Верон слишком сильный.

Попытка дать отпор только больше его раззадорила. Он крепче сжал меня руками, пальцы впились в кожу на спине, и та сразу заныла.

— Брось, детка, неужели ты действительно думала, что я буду помогать тебе просто так? — прошептал он мне прямо на ухо.

Чувство омерзения мурашками пробежало от лица к шее и сконцентрировалось в районе солнечного сплетения.

— Ну же, детка, не будь душой. Ты знаешь, что я единственный, кто тебя защитит... — хрящик уха обожгло влажным касанием. Верон дерзко провел по нему кончиком языка, — взамен я прошу всего лишь немного покладистости... — его правая рука отпустила мою талию и метнулась вниз. Грубо и нетерпеливо верховный укротитель схватил меня за колено и попытался отвести его в сторону, чтобы раздвинуть мне ноги...

Ужас накатил гигантской волной. Меня захлестнуло, завертело в цунами отвратительных чувств. Бессилие... Бессилие разъедало, будто кислота.

Ужас. Бессилие. Отвращение.

Нет. Нет! Я не буду терпеть! Я не буду подчиняться!

Запах леса. Запах леса стал таким явственным. Лучи заходящего солнца... Приобрели насыщенный сиреневатый оттенок.

Сердце забилось в два, нет в три (быть может, даже в десять!) раза быстрее. Бешеная доза адреналина впрыснулась в кровь. Энергия наполнила тела.

И жажда.

Жажда схватки. Жажда крови.

«Уйди прочь!» — попыталась выкрикнуть, но вместо этого раздался свирепый звериный рык. Кости заломило, но на этот раз превращение продлилось не больше трех секунд. Я ощутила, как изменилось мое тело, как разорвалась одежда, как зачесалась кожа, покрываясь толстой и жесткой шерстью.

И вдруг поняла: у меня есть когти, у меня есть клыки.

Лязгнула длинными и острыми зубами прямо перед лицом Верона. Оторвать бы ему нос и попробовать на вкус его кровь! Наверняка она горькая и едкая, как яд!

В его глазах вспыхнула... Радость?!

Ловко и уверенно он схватил меня за шкуру и отбросил в сторону.

Длинные лапы ударились об землю, я не упала, приземлилась на все четыре конечности, как кошка, но ускользнула от укротителя достаточно далеко.

Черт! Он может уйти!

Но на мое удивление Верон не сдвинулся с места.

Он то ли широко улыбнулся, то ли оскалился. Во взгляде читался восторг. Чем он так доволен?

Неважно! Я сорву эту гримасу с его лица!

Рыкнула нетерпеливо и взъярено, опустила голову и кинулась на него. Подпрыгнула, интуитивно целясь в горло...

Верон увернулся быстро, легко. Будто проделывал это уже тысячу раз. Может, оно и

так? Ведь есть причина, по которой он стал верховным укротителем...

— Запомни. Твой первый урок, — бросил он, как только я приземлилась в нескольких шагах от него, — волки сначала кусают по ногам, чтобы повалить, — развернулась резко и ужалила его злобным взглядом. Он еще что-то говорит?! — а потом уже... — от нового рывка меня удержало устройство, которое оказалось в руках у Верона. Небольшой цилиндр, размером с колбу, какие используют на школьных занятиях химией, с круглой кнопкой на верхушке, — потом уже они хватают за шею.

Сказав это, укротитель нажал на кнопку, и в моих глазах побелело, а тело свело судорогой. Устройство передало сигнал ошейнику.

От электрического удара подогнулись ноги... Лапы?

Я взвизгнула и рухнула наземь.

— Но должен сказать, — чудом я не отключилась, потому увидела, как Верон приблизился, сел на корточки и с неожиданным дружелюбием похлопал меня по голове, — ты меня порадовала. Так и знал, что тебя просто нужно хорошенько разозлить, — верховный укротитель хмыкнул и задумчиво прибавил, — все только и говорят: «Держи себя в руках», «Сохраняй рассудок», «Будь хладнокровен». Чушь. Гнев, злоба, неистовость, — вот что делает волков сильными. И вот что заставляет нас вас бояться. Запомни это, детка. По жизни пригодится.

Как это... Как это все понимать?!

Верон... Верон все подстроил?!

Верховный укротитель поднялся и снял свой плащ. После накрыл им меня, так что, когда я вернулась в привычную человеческую форму, удалось спрятать свою наготу.

Верон в тот момент устроился на краю входа в салон машины, свесив одну ногу, а вторую прижав в груди. Он спокойно, даже безмятежно, попивал что-то из металлического термоса.

Я плотно закуталась в его плащ, боясь показать хоть миллиметр голого тела. От плаща сильно пахло... Вероном. Сразу вспоминались его ужасные прикосновения... Мурашки пробежали по телу.

— Хочешь? — верховный укротитель протянул мне свой термос, — Травяной чай. Успокаивает нервы. Мой врач говорит, что мне это необходимо.

Господи! Да он вел себя как ни в чем не бывало!

Руки задрожали. Попыталась убедить себя, что от холода. Но кого я обманываю...

— Я вижу, — выдавила из себя, надеясь показать, что не боюсь, но... Дрожь в голосе, наоборот, сразу меня выдала, — чай совсем не помогает?

Верон усмехнулся, мотнул головой и подтвердил:

— Совершенно. Но вкус приятный. Так будешь?

В ответ качнула головой.

— Как знаешь. Пока водила придет в себя, придется подождать. Я думал, превращение займет у тебя больше времени. Молодец, детка. Меня давно не удивляли.

— Так ты... — никак не удавалось расставить все по местам, — так ты не собирался...

— Что?

— Ну... Меня...

— Насиловать? — сказав это, Верон саркастично мотнул головой, — детка, человеку моего положения нетрудно получить секс, а если надо выплеснуть агрессию — у меня есть все эти тугодумные подчиненные. Благо они вечно напрашиваются.

— То есть... Все это было просто... Боже. Чем это было?!

— Назовем это моим особым методом тренировок, — он хитро и самодовольно улыбнулся.

— Какие-то сомнительные методы, — голова закружилась от злости. Он напугал меня до смерти! А теперь сидит и лыбится как ни в чем не бывало!

— Сомнительные или нет, но... Они работают, — Верон отхлебнул еще немного чая, — привыкай, детка. Я подброшу тебе еще много сюрпризов.

Мда. В это верилось очень легко...

Водитель в салоне громко захрапел, но тут же пробурчал что-то во сне и притих.

Верон закатил глаза и проговорил:

— Я недооценил тебя, но переоценил его. Кажется, это затянется, — он резко вскочил и широким шагом двинулся к кабине, где располагался руль, — садись тогда. Я покажу тебе кое-что... В награду за прилежную учебу.

— Покажешь? — я поднялась и недоверчиво его оглянула.

— Да. Урок истории, так сказать. Расскажу тебе о твоём народе, раз уж твои родители этим не озаботились, — он застыл у двери в кабину и осмотрел меня исподлобья, — давай, детка, не тормози. Обещаю, больше тренировок сегодня не будет.

Меня куда больше волновало, будут ли сегодня еще ужасные приставания, но...

Неожиданно для себя, я ему поверила.

Кажется, удалось заметить почти невидимую тень, скорее, даже призрак, настоящего Верона. Верона, который обращается за помощью к врачу. Верона, который пьет чай, и... Верона, который искренне увлечен волками.

Но это может быть обманом. Блефом.

Буду оставаться начеку. Однако... Не думаю, что немного любопытства помешает мне.

С этой мыслью я села в кабину водителя рядом с Вероном. Он завел двигатель, резко (видимо, он все делал именно так: быстро, порывисто и немного небрежно) развернулся и повез меня на «урок истории». Что там будет? Впервые за долгое время сердце сжалось не от страха, а от искренней заинтригованности.

Глава 12. Урок истории

Пока мы ехали в известном одном только Верону направлении, меня не отпускала мысль: он действительно не додумался взять для меня запасной комплект одежды, зная при этом, что доведет до трансформации своим радикальным методом?

Сидеть в одном только его плаще было жуть как некомфортно. Мало того, что приходилось постоянно поправлять его и проверять, не открылось ли где пикантная часть моего тела, так и сделан был он из грубого, толстого материала вроде кожи. Пропотела в нем жутко!

— А нет здесь, — когда дорога резко вильнула вправо, я решила спросить, — какой-нибудь другой одежды?

— Тебе не нравится мой плащ, детка? — Верон сделал голос тонким, как у ребенка, и наполнил его почти искренней обидой, — ну вот, теперь я буду комплексовать.

«Ага, щас», — подумала про себя. Наступило молчание, и стало понятно, что отвечать на вопрос укротитель не собирается.

Пришлось насесть:

— Так что? Есть варианты? Одежды?

— Дарина, детка, конечно есть. Варианты всегда есть! Ты можешь остаться в моем плаще, а можешь снять его.

— Seriously? Совсем недавно кто-то уверял, что не собирается домогаться, — удивительно, но... Я вдруг оказалась с ним на одной волне. И вдруг перестала его бояться. Ну разве что чуть-чуть.

— Разве я домогаюсь? — Верон ехидно ухмыльнулся, — детка, нагота — это естественно. Особенно для тебя. Ты же волчица, дитя природы... — прежде чем я успела уточнить про «дитя природы», укротитель резко нахмурился, взгляделся в лобовое стекло, притормозил и, осторожно сворачивая на обочину, прибавил, — впрочем, сейчас ты сама все узнаешь...

Заинтриговал, ничего не скажешь!

Машина остановилась, верховный укротитель поставил ее на ручной тормоз и скомандовал:

— Выходи.

Мы встали возле леса. Ничего не отличало это место от любого другого, которое нам пришлось проехать за последний час. Разве что тут у обочины разместился высокий камень. И в самой чаще виднелось несколько похожих, но щедро укутанных мхом.

— Ботинки сохранить удалось, — вдруг послышался голос Верона.

Он оказался передо мной, держа в руках два башмака, которые выдали мне при приходе в тренировочный центр, вместе с одеждой.

Ну хоть что-то. Помню, как пробежалась босиком по лесу вместе с Рэйном...

В груди почему-то заныло. Все еще было интересно, знает ли он о выходках своей подруги, и если нет... Ищет ли меня? Утаенную?

Вдруг внутренний голос упрекнул: «Если бы Рэйн не был брутальным красавчиком, ты бы о нем и не вспомнила».

Вот уж не поспоришь. Пожалуй, и не стоило вспоминать. Вполне возможно, что мы

никогда и не встретимся больше.

Рядом сейчас Верон. Так себе кандидат... Хотя теперь стало снова видно, что под плащом скрывалось отменное тело. Наверняка под рубашкой, тщательно заправленной в спортивные, совсем чуточку зауженные, брюки крылись красивые мускулы и пленительные рельефы...

Стоило об этом подумать, и вспомнилась его попытка, точнее его изображение попытки получить меня силой.

И мысли о мускулах и рельефах как-то испарились.

Верховный укротитель ввел меня в чашу. Здесь было тихо, спокойно. От запаха елей и смолы приятно кружилась голова...

Но прогуляться по уединенному уголку не удалось.

Совсем скоро лес оборвался, и мы вышли на пустырь, оканчивающийся резким обрывом, который шел немного вверх, потому скрывал то, что располагается внизу. Здесь, на самом краю, стояла одинокая глыба, напоминающая по форме клык хищника.

Скала была вся изрезана рисунками и иероглифами и походила на доисторический обелиск.

Это и есть то место, которое он хотел мне показать? Ради этого мы ехали сюда час? Мог бы обойтись и фотографией, ей-богу...

— Знаешь, что это, Дарина? — Верон схватил меня за локоть, будто я собиралась куда-то убежать, и с восторгом указал на глыбу.

— Э-э... Огромный камень?

— Сама ты огромный камень, Дарина!

— Чего?!

— Ладно-ладно, не огромный. Небольшой и аккуратный. Но все же камушек. С таким-то холодным сердцем.

Ага, сказал психопат! Тут даже обижаться не было смысла...

Верон же продолжил с энтузиазмом, так и не отпустив мою руку:

— Этот древний обелиск волков. Они, то есть... Вы. Вы называете его «Клыком Великого волка». Ты знаешь что-нибудь о Великом волке, Дарина?

Я мотнула головой, невольно отметив про себя, что в речи Верона я начала медленно, но стремительно превращаться из «детки» в «Дарину». Это... Обнадеживало? Пожалуй, да. К человеку, точнее, волку, с именем сложнее относиться плохо, чем к безликой и маленькой «детке».

— Вот молодежь у вас пошла, свою историю не знает!

— Верон, — я оглянула его исподлобья и сложила недовольно руки. Скорее шутливо, чем серьезно. Хотя раздражение потихоньку закипало в груди.

— Да, прости. Будем серьезными. Хотя это вроде я тут учитель и должен недовольно складывать руки, но, так и быть, прощу тебе это на первый раз, — вдруг он переменялся в лице, став хмурым и напряженным. Эта смена настроения произошла так резко, что у меня пробежал холодок от затылка к позвоночнику, — все рассказы о Великом волке похожи на легенду. Он что-то вроде вашего бога, и мы бы считали его мифом и вашим суеверием, но... Сами видели его. И сами убили.

Я нахмурилась и на секунду оторопела. Убили бога? Как это?

— Мне всегда было интересно, что представляло собой это существо. Но, к несчастью, первые колонисты не с особым уважением относились к этим землям. Многие реликты

флоры и фауны утрачены навсегда и остались только в легендах волков.

— Постой... Колонисты? — я внимательно уставилась на Верона, пытаюсь по лицу понять, что он имеет в виду.

Кажется, речь зашла о чем-то темном...

— Колонисты, — кивнул укротитель сухо, вдруг крепче сжал мой локоть и, зашагав к утесу, повел меня за собой.

Сначала я растерялась. Мы идем рассматривать наскальные рисунки?

Верон уверенно миновал обелиск и направился прямо к обрыву.

В голове пронеслась мысль: "Он собирается меня сбросить?". Нет, это слишком безумно и жестоко даже для него.

Когда мы поднялись почти до самого края, я смогла увидеть впереди длинную пустошь. Не степь, как та, где среди громадных камней и валунов скрывалась стая Рэйна, а сотни гектаров полностью выжженной черной земли. Почва выглядела сухой, безжизненной, не рассмотреть было ни одного деревца, ни травинки, разве что различались громадные закастневшие пни. Наверное, когда-то тут был лес...

Но самым удивительным и пугающим оказалось другое. В темно-серую, как пепел, землю были врыты длинные стальные капсулы, размером с вагон поезда. Покореженные, ржавеющие, медленно разваливающиеся на кусочки, они расположились в глубоких кратерах, будто упали с огромной высоты. Так странно. И немного жутко.

— Что это? — спросила я тихо, будто бы звук моего голоса мог потревожить сон этих металлических сооружений.

— Капсулы для высадки, — прохрипел Верон в ответ. Я посмотрела на него. Укротитель неотрывно, с какой-то грустью, даже тоской, глядел на пустырь, — с какой-то точки зрения... Ты не единственная инопланетянка в этом мире.

— Как это понимать? — голова пошла кругом. Для учителя истории он слишком томит!

— Много лет назад, еще до моего рождения... — Верон опустил взгляд в землю и нервно поелозил ногой, — наш народ вынужден был бежать с родной планеты. Мы какое-то время жили в космосе... Но ресурсы быстро кончались, нужно было найти новый дом, и... Мы нашли эту планету.

— И вторглись на нее? — я думала, что попала в темное фэнтези, ан нет, это какая-то жуткая фантастика!

— Не совсем. Не сразу, — Верон тяжело вздохнул. Казалось, ему было сложно об этом говорить. Но с чего бы? Это ведь не его народ поработили! — сначала мы прислали сюда небольшую делегацию. Решили вести себя цивилично, ха! Как будто мы умеем жить в мире, собственную планету загубили! Волки приняли нас... Радушно. Твой народ на удивление миролюбив, детка, хотя и существует на грани со своей звериной сущностью. Наверное, в этом все дело. Вы всегда четко видите эту грань, а мы — никогда. Поэтому то и дело переступаем ее.

— Так что случилось потом? — я вернула разговор в прежнее русло, не позволив Верону углубиться в философию. Не то чтобы не хотелось послушать, он вдруг открылся с другой стороны... Но не терпелось выяснить всю правду.

— Волки решили, что нам найдется место в этом мире. И разрешили моему народу поселиться на этой планете. А за доброту, как известно, приходится расплачиваться... Вскоре Высший совет решил, что местные жители слишком непредсказуемые и дикие, и нужно что-то с ними сделать, прежде чем начать масштабную экспансию. Так появились укротители. Их задачей сперва было изучать поведение волков, а затем — подавить и поработить их. Кого-то из волков начали переманивать и перевоспитывать в верных слуг и воинов. Кого-то пришлось уничтожить, — Верон обернулся в сторону обелиска за нашими спинами. Осмотрев его тяжелым взглядом, он проговорил, — потом тогдашний верховный укротитель и нынешний председатель Высшего совета столкнулся на охоте с Великим волком и убил его. Это выбило землю из-под ног волков, и позволило нам одержать верх.

Почему-то в горле появился огромный колючий ком. Он вонзился в кожу, оцарапывая

ее, затруднил дыхание и преградил путь словам. Я захлопала губами, как рыбешка, но тут же взяла себя в руки и крепко их сомкнула.

Так вот какая история у этого мира...

Теперь ясно, почему товарищи по стае такие озлобленные. Неприятно только, что они отыгрываются на мне. Но укротители все лихо устроили. Сделали так, чтобы волки грызли от злости друг друга у них на глазах.

— Ты так все это говоришь... Как будто сожалеешь... — неожиданно для самой себя прохрипела я.

Но это действительно было странно. Верховный укротитель. Он явно не за красивые глаза получил эту должность. Наверняка натворил много дел, которые совсем не пошли на пользу волкам.

А сейчас строит из себя такого всего доброго и сочувствующего...

Чушь! Он пытается меня одурачить?

— Сожалеею? Это громкое слово. Скорее... Я не поддерживаю решения Высшего совета по отношению к волкам.

— Не поддерживаешь? — руки задрожали от злобы, — ну конечно! То-то ты всего лишь верховный укротитель! — я понимала, где-то глубоко внутри, что меня заносит, что нужно остановиться: я еще не настолько заслужила его расположение, чтобы показывать когти и чему-то учить.

Но... Не могла совладать с собой. Кажется, никогда мне не научиться держать чувства под контролем и не взрываться от каждого слова... Ведь вроде бы проблемы волков не коснулись меня, но отчего-то голова закружилась от ярости, жар объял все тело и чудилось, что вот-вот я превращусь в волка, как только что заставил меня Верон.

— Не говори о том, чего не знаешь и не понимаешь, детка, — он сощурился и оскалился.

Это остудило. И испугало. Невольно я отшагнула назад, почти что к краю обрыва, но совсем этого не заметила.

Вдруг дошло, что я позволила себе слишком многое по отношению к человеку, который все это время только и делал, что демонстрировал свою непредсказуемость и жестокость.

Что ему стоило вспыхнуть? Что ему стоило плюнуть на меня со всеми этими никудышными способностями и просто столкнуть с края обрыва?

Если он так легко дает волю кулакам, так легко вкальвает снотворное собственному водителю и так легко и достоверно разыгрывает роль насильника?

— Я дал тебе взглянуть лишь на верхушку айсберга, а ты уже решила сделать выводы? — прорычал он гневно, и мне с трудом удалось скрыть, как задрожали коленки, — ты разочаровываешь меня, детка.

Он ступил навстречу, и почудилось по его полыхающему взгляду, по его крепко сжатым губам, по напряженным кулакам, что сейчас он набросится на меня и взаправду причинит боль. А может и хуже...

Мысль о том, какая ужасная участь меня ожидает, заставила все в голове завихриться, запутаться, мозг оттого словно бы отключился, оставляя меня на растерзание чувствам.

Страх вцепился цепкими руками в горло, сжал так, что невозможно было дышать и внушил глупую, невероятно глупую мысль: «Беги!».

Я метнулась в сторону, под ногами тут же загрохотало, земля на краю обрыва начала обваливаться, и я почувствовала, как сердце подпрыгивает к самым гландам, а гравитация с

силой утягивает вниз...

— Дарина! — Верон отреагировал молниеносно, кинулся ко мне со скоростью дикого зверя, схватил за руку и притянул к себе, успев снять непутевую ученицу с обваливающегося края.

В ушах зажужжало, в висках пульсировало сильно и больно, а глаза едва улавливали мир вокруг. Кусок моей жизни, ее несколько секунд, будто бы вырезали, и внезапно я обнаружила себя в объятиях верховного укротителя, уткнувшейся в его широкую крепкую грудь, обхваченной его сильными руками.

На мгновение даже удалось забыть, что это Верон, что я его боюсь и ни капельки ему не доверяю... Просто рядом с ним вдруг стало спокойно. На секунду удалось почувствовать себя защищенной. Жаль, это обман. Наверное, нет никого, с кем было бы опаснее находиться. Хотя, может быть, я слишком к нему жестока?

— Идиотка, — я дышала так тяжело и быстро, что с трудом расслышала, как он буркнул, — а если бы ты упала?

— Если бы я упала?.. — мысли никак не вставали на места и я бездумно повторила за Вероном. Наверное, хотелось услышать собственный голос. Хотелось убедиться, что все обошлось.

— Если бы ты упала, то мне пришлось бы спускаться с утеса на пустырь, искать тебя, забирать плащ, а потом отмывать его от крови и пыли. Ты хоть знаешь, как сложно отмыть кровь? А я очень люблю этот плащ...

Знала, что он шутит, но все равно стало обидно. Зато сразу все в голове расставилось по полочкам.

С силой хлопнула его по груди, намекая, что шутки у него совсем несмешные, и отстранилась. Тут же на глаза навернулись слезы и сердце забилося быстро-быстро. Проклятье. Кажется, весь день так и будет колотить...

— Ладно, слушай, — Верон вдруг сделал голос серьезным, но вместе с тем... Нежным? Так неожиданно, что я не поверила своим ушам. Впрочем, он мягко взял меня за подбородок и приподнял мою голову, заставляя посмотреть на него. В лазурных глазах различались искорки волнения. Он пытался скрыть это, нахмурив брови, но не получилось. Я заметила. И... Немного смутилась, — ты похожа на меня. Сначала чувствуешь, потом думаешь. Так что... Переживи эти свои эмоции, какими бы они ни были. А потом подумай. Я рассказал тебе только самое начало. Позволь рассказать и всю историю, прежде чем ты для себя что-то решишь. Хорошо?.. Дарина?

— Хорошо... — на всякий случай еще и кивнула.

Верон натянуто улыбнулся, вдруг цокнул, мотнул головой и проговорил:

— Дурная ты, конечно. Но так даже интереснее... Ладно, пошли. Не хочу, чтобы ты пропустила кормежку.

Он махнул рукой, подзывая меня за собой, и двинулся обратно к лесу.

Я напоследок окинула взглядом выжженные земли, капсулы для высадки, затем — древний волчий обелиск.

Ужас от не случившегося падения еще не прошел, он зудел в груди, то усиливаясь, то ослабевая.

Но даже сквозь него удалось прорваться громкой мысли: «Что еще скрывает от меня этот мир?».

Боюсь, пока что вопрос останется без ответа.

Но не сомневаюсь: этот мир очень скоро раскроет мне и другие свои тайны...

Глава 13. Прогулка с волчицей

После ужина я снова обратилась к Бринеле с просьбой попробовать «свести» меня с внутренней волчицей еще раз.

Ту как будто немного удивила моя просьба. Наверное, думала, что я пойду по правилам Верона.

Но мне, наоборот, хотелось их обогнуть.

Методы у него были действенные, но полагаться во всем на злость, как он сказал... У верховного укротителя, наверняка, ее и в избытке, так что он всегда может использовать ее и творить свои безумства... Но мне не хотелось постоянно разжигать в себе ярость. Иначе превращусь... В кого-то вроде Верона.

Бринела обещала, что связь с волчицей поможет быстрее обращаться. Надеюсь, это правда.

Если так — пропущу вводный курс Верона (кто знает, что он еще придумает, вторая попытка изнасиловать точно не сработает). Наверное, заодно и удивлю его хорошенько.

Так и вижу его изумленную ухмыляющуюся мину...

Бринела согласилась почти сразу. Поломалась немного для виду, конечно. Но, кажется, ей и самой хотелось. Знать бы только, почему...

Старшая мать усадила меня на пол, и устроилась напротив. Долго смотрела мне в глаза, и в какой-то момент я почувствовала себя кроликом, которого гипнотизировал удар.

Внимание рассеивалось, хотя я то и дело пыталась сконцентрироваться на какой-то части лица старшей.

Голова чуток закружилась... Вдруг рука Бринелы метнулась ко мне, пальцы несильно но точно ударили по лбу, и я провалилась в черную бездну.

Через минуту снова оказалась в лесу, но на этот раз в немного другом месте. Всюду меж деревьями виднелись камни, покрытые мхом. Он светился, как в сказочном фильме, то ярко-голубым, то темно-фиолетовым, то вдруг вспыхивал изумрудно-зеленым.

Множество темных переплетенных веток деревьев напоминали трещины на иссиня-черном, усыпанном ярчайшими звездами небе.

Чаща показалась знакомой... Просто немного другой. Будто кто-то наложил на нее сотню фильтров, чтобы сделать более волшебной.

Я осмотрелась по сторонам в поисках волчицы. В прошлый раз она пришла почти сразу. Но сейчас... Ее нигде не было.

— Что ты видишь? — голос Бринелы, доносившийся отовсюду, прозвучал как-то резко, и я нервно вздрогнула.

— Ничего... — но тут же поправились, — лес.

— А волчица?

— Только лес.

Она задумчиво хмыкнула и замолкла. Почудилось, что она вообще пропала, и на мгновение я почувствовала себя брошенной на расправу этого странного места...

— Возможно, она боится черного волка, — Бринела все же ко мне вернулась, и тут же прибавила, — я говорила тебе не подходить к нему тогда!

Невольно закатила глаза. Ну да. Сейчас самое время для фразочек вроде: «Я же

говорила».

— Так что мне делать? — спросила у нее раздраженно.

— Осмотрись. Может, рядом есть что-то необычное?

Да ни черта там не было! От раздражения все зачесалось, и руки задрожали. Тоже мне помощь...

Вдруг я заметила что-то боковым зрением. Не фигуру и не движение. Какой-то просвет, как если бы лес кончался.

Может... Пойти туда? От того, что буду стоять на месте — ничего не изменится.

Долго решать не пришлось. В конце концов, это всего лишь сон. Что может случиться? Просто проснусь и все.

Я двинулась по чаще. Ветви, стволы, кустарники и валуны словно бы раздвигались передо мной, открывая проход. Может, так оно и было...

Вскоре показалась опушка, а за ней... Небольшой подъем и обрыв.

Боже. Это же то место, куда привел меня Верон сегодня!

Обелиск тоже здесь был. Возвышался острым черным силуэтом над выгоревшей пустошью.

Я тихо, будто бы боясь попасть кому-то на глаза, вышла из леса. И тут же вспомнила, что наоборот должна заявить о своем появлении, чтобы волчица узнала меня и пришла.

Потому распрямилась, сжала пальцы в кулак, и уверенно зашагала вперед.

Стоило приблизиться, обелиск издал странный звук, похожий ни то на урчание, ни то на уханье совы, чуть измененное в компьютерной программе.

Немедля после звука последовала вспышка, и иероглифы, испещрившие его, разом замерцали.

Мурашки пробежали по телу. Чертовщина какая-то.

— Дарина, что ты видишь? — послышался голос Бринелы. Сейчас он различался с трудом, будто гудение священного камня мешало нашей связи.

— Обе... — блин, язык заплетался! — обелиск.

— Что?! — почему она произнесла это так ошеломленно?

На мое удивление в голове всплыло название камня:

— Клык Великого волка, — сказала я Бринеле.

Послышался испуганный вздох, а затем. Тихо...

Куда она делась? Почему молчала? Или странным образом камень окончательно отрезал меня от нее?

Определиться, какой вариант реалистичнее, не успел. Позади раздалась шорохи и звуки спешных шагов.

Обернулась и едва сдержала радость: из чащи ко мне выходила волчица. Та самая. Сразу узнала ее удивительную блестящую шерстку совершенно белого цвета и мерцающие, как звезды, глаза.

Интересно, все внутренние волки такие... Волшебные? Или мне так повезло?

Волчица приблизилась ко мне и остановилась напротив. С прошлого раза удалось запомнить, что к ней нужно прикоснуться.

Протянула руку и почувствовала легкое покалывание на кончиках пальцев, будто волчица излучала электричество.

Ну... Это бы объяснило, почему она мерцает. Вряд ли тут дело в фосфоре, как у собаки Баскервилей.

Усмехнулась, осознав, что пытаюсь найти логику во сне.

Глава 13. Прогулка с волчицей — 2

Волчица вдруг подалась вперед, к вытянутой руке и уперлась головой в раскрытую ладонь, будто выпрашивая ласку. Она оказалась такой теплой, мягкой, домашней... С радостью потормошила ее по голове и почесала за ухом. Собаки любят когда им чешут за ухом? Я-то не знаю, ведь планировала завести кошку!

Вдруг нечто ударило по ладони, и кожа заныла, будто ошпаренная. Заколело в руке, как если бы в нее последовательно вонзали крохотные иголки, и это ощущение поднялось к плечу, а затем быстро распространилось по всему телу.

Было не больно, но неприятно. Стиснула зубы, наморщилась и зажмурилась и тут... Поняла что сердце бьется намного быстрее, что тело стало горячим, а все вокруг — четким и ясным, хотя было темно.

Я осмотрелась по сторонам, выискивая волчицу. Опять пропала. Только обелиск остался на своем месте, а надписи на нем то вспыхивали, то угасали, как новогодние гирлянды.

Стоп. Обелиск был у меня за спиной. Я повернулась, когда пришла волчица.

Шагнула вперед и... В тот же миг осознала, что у меня четыре лапы и сильное звериное тело.

Я обратилась? Нет. Не совсем... Боже. Я была в теле волчицы. Кажется, это и следовало сделать. Об этом и говорила Бринела.

Слиться.

Я растерялась. Что теперь? Куда-то идти? Или ждать, когда сон закончится?

Вдруг мои лапы сами собой зашагали вперед. Попыталась остановиться, но они не слушали. Видимо, у волчицы тоже была власть над нашим общим телом.

Я почувствовала себя запертой в черепной коробке дикого зверя. Но... Наверное, так даже лучше. По крайней мере, в положении, когда не знаешь, что делать.

Волчица уверенно двинулась к обрыву. С каждым шагом она ускорялась и вдруг перешла на бег.

Что... Что она творит?

Ветер в лицо, свист в ушах. Она слишком разогналась, не успеет затормозить у края...

Сердце сжалось в испуге, но через секунду упало в пятки и чуть не разорвалось от ужаса: достигнув обрыва, волчица подпрыгнула и сиганула прямо в пропасть.

И на этот раз рядом не оказалось Верона, чтобы меня поймать.

Это ведь сон. Просто сон. Ничего не случится, если я здесь упаду! Если закрою глаза. Не будет так страшно!

Удар подушечками лап. Совсем слабый, будто я спрыгнула со ступеньки. Подо мной оказалась гладкая, как стекло, поверхность.

Волчица медленно пошла по ней, и я рискнула открыть глаза.

Дыхание перехватило от изумления.

Я... Мы... Мы шли по небу. Точнее, по воздуху. Внизу, под ногами — не выжженная пустошь, а то, что, видимо, было здесь до нее — большой лес. Верхушки деревьев качались под напором ветра, листья недовольно шелестели. Отсюда чаща напоминала громадное живое создание. Она шевелилась, изгибалась, пульсировала.

Что-то вспыхнуло сбоку. Завертела головой и увидела множество светящихся шаров, что

летали вокруг. Они напоминали миниатюрные звезды.

Сферы кружились, прыгали, то вздымались вверх, то резко падали, сталкивались друг с другом, жужжали.

Можно было подумать, что это гигантские светлячки... Но они, определенно, были не живыми существами.

И все же выглядели безумно красиво.

Надо же. Я в образе волшебной волчицы иду по небу, вокруг меня танцуют крохотные звезды, а внизу гудит изумрудный лес.

Таких снов просто не бывает!

— Дарина, — вдруг раздался голос.

Интуитивно решила, что это Бринела, но... Нет. Стоп. Это не она.

— Дарина, беги! — послышалось вновь.

Что?.. Мама?!

Те же слова она сказала мне перед нападением черного волка. Но сейчас... Его не было поблизости. Да и голос у мамы был спокойным, не испуганным, как тогда.

— Беги ко мне, — повторила она, и волчица с неожиданным послушанием ускорила.

Дыхание стало частым и тяжелым, мышцы заныли, мы неслись быстро, невероятно быстро. Мир вокруг смазался, шары, превратились в линии, мы как будто обогнали свет.

Щелчок, сердце в пятки, лапы резко остановились.

Всему существу будто бы понадобилось несколько секунд, чтобы нас догнать.

Вдруг вырисовались стены, украшенные барельефами в виде волков, факела, освещавшие каменные коридоры. Какие-то руины.

Здесь пахло плесенью и было ужасно душно.

Волчица двинулась по туннелю, и вдруг спереди донесся свежий воздух. Кажется, там есть выход.

Она ускорила. Как хорошо. В этом темном месте уже становилось не по себе...

При виде небольшого светлого прямоугольника впереди все внутри сжалось от надежды. Выход! Совсем рядом!

Прямоугольник увеличивался, пока мы не подошли достаточно близко, чтобы опознать в нем проход.

За ним оказался обширный внутренний двор. Обставленный по периметру огромными каменными статуями в виде волков, с декоративной круглой аркадой, обвитой аккуратным ползучим растением с белыми цветам, и большим прудом в самом центре. Вода в нем была кристально чистой.

«Что это за место?», — пронеслось в голове.

Тут так свободно дышалось, тут было так хорошо...

— Дарина, я жду тебя в храме, — вновь заговорила со мной мама.

— Что это значит? — попыталась выкрикнуть, но получилось только взвыть по-волчьи.

— Приди в храм, Дарина. От тебя зависит судьба этого мира. Нашего мира...

Почему... Почему мне говорить об этом мама? Это шутки сознания или... Она действительно с этим связана? Ведь откуда-то она знала, что на меня набросится черный волк.

— Дарина... — опять послышался голос. Нет. Уже не мамин. Его едва удавалось разобрать, — Дарина! Проснись!

Толчок, резкая боль в шее, как будто ее свело, я вскрикнула и очнулась от транса.

Передо мной сидела Рикс и, схватив за плечи, судорожно меня тормошила.

— Надо же, — донесся удивленный голос Лайлы, — действительно помогло.

Младший брат рыжей усмехнулся, а сама Рикс сердито сощурилась и метнула в старосту злобный взгляд.

И чего негодовать? Хотя она была повспыльчивей даже меня. Может, сумела бы потягаться и с Вероном.

— Дарина, — вдруг сбоку подскочила Бринела. Она уложила горячие сухие руки мне на лицо и с неожиданной материнской нежностью меня оглянула, — во имя Великого волка, что случилось? Ты сказала, что видела обелиск? Клык?!

— Да... — голова была тяжелой, и я вдруг почувствовала себя ужасно уставшей, — а потом я нашла свою волчицу... И мы с ней стали одной волчицей. А потом она пошла по небу, там были звезды... И меня позвала мама. Сказала... Сказала, что я должна прийти в храм.

Стоило проговорить все это, и я поняла, как безумно звучит мой сон. Господи, да это мечта сюрреалиста!

Однако Бринела отнеслась к рассказу серьезно. Она как-то похмурила, а ее глаза выпучились от удивления.

— Я... — и даже голос дрожал. Почему? Невольно напряглась, — ясно, — она прочистила горло и взяла себя в руки. Рукс и Лайла непонимающе нахмурились, а вот Рикс занервничала, как и старшая. Кажется, она тоже что-то знала, — ты устала, — Бринела резко перевела тему, — давай, ложись спать. Обсудим об этом завтра.

Такая реакция, мягко говоря, не радовала. Но ноги были ватными, а глаза слипались. Я действительно была вымотана тем трансом.

И решила не спорить со старшей. К тому же мне обещали все рассказать.

— Что ты знаешь о Вероне, Лайла? — вернувшись в барак, я решила попытаться выяснить о своем покровителе как можно больше. Было что-то странное и противоречивое в его симпатии к волкам.

Да и хотелось знать, что он на самом деле из себя представляет. Так-то в разговоре ему странным образом удавалось вызвать симпатию... Но это уже походило стокгольмский синдром.

Нужно попытаться сохранить объективность.

Лайла оглянулась на меня испуганно и раздраженно одновременно. Шелла не любила, когда на ее тренировках разговаривали, но лично мне было плевать.

И не потому, что Верон прикрывал меня, просто такой вредный характер. Буду делать все наперекор, даже если знаю, что за это в итоге аукнется.

Староста нашей стаи однозначно не разделяла такой подход. Она нахмурилась и судорожно закачала головой, давая понять, что не собирается ставить себя под удар Шеллы.

— Он ненормальный говнюк, — вдруг с верхнего яруса скамеек ко мне наклонилась Рикс, — ты же каждый день с ним куда-то ходишь, неужели до сих пор не догадалась?

— Это можно понять в первые две минуты знакомства с ним, — шепнула в ответ скорее шутливо, чем раздраженно. Хотя рыжая все еще частенько огрызалась и грубила — смотрела на меня уже иначе. С неожиданным уважением. Я чувствовала, что и ее отношение изменилось. Да что там ее. После «объединения» с внутренней волчицей, вся стая стала более лояльной.

Хотя мне ужасно не хватало с их стороны немного искренности. Обещали рассказать про храм, но Бринела только и делала, что отмахивалась словами: «Скоро ты все узнаешь». И чего, спрашивается, она ждала? Звезды на небе должны сложиться определенным образом, чтобы было разрешено говорить о том странном месте?

Любопытство разъедало. Прошло уже три дня, а я до сих пор ничего не выяснила. Маслс в огонь подливала причастность мамы. Тот телефонный звонок перед попаданием в этот мир еще можно было, хоть и с натяжкой, зачесть совпадением. Но теперь, когда прибавился сон-видение с ее участием... Она точно замешана.

Неужели... Она тоже волчица? Поверить сложно, но, с другой стороны, это бы многое объяснило.

Старшая мать в стае Рэйна назвала меня утаенной и сказала, что особенных волков прятали в другом мире. Но что если... Что если утаенная вовсе не я? Что если это мама? А я родилась уже позже? Или ее отправили на Землю вместе со мной, чтобы я не росла сиротой?

Голова шла кругом. Как же все сложно...

Вдруг по затылку пробежал холодок. Так бывает, когда кто-то пристально на тебя смотрит. Я уж решила, что это Шелла, но тут раздался скрип, а затем грохотанье: калитка на тренировочную сначала раскрылась, а потом захлопнулась.

Тренерша посмотрела нам за спины и недоуменно нахмурилась. Пришел один из охранников. Он странно на меня посмотрел, а потом, приблизившись к Шелле, шепнул ей что-то.

Та раздраженно стиснула губы и мотнула головой. Глянула на меня строго и процедила

сквозь зубы:

— Видимо, Верон очень уж соскучился по своей любимице, раз срывает ее прямо с тренировки. Что ж ладно. Не буду томить его ожиданием... — она махнула мне рукой, приказывая подняться, — вставай, тебя к нему отведут.

Волки тут же уставились на меня. Кто со злостью, кто с завистью.

«Просто игнорируй их, Дарина», — приказал самой себе. Совершенно не помогло. Но к счастью, до выхода с площадки было недалеко. Совсем скоро мелкая сетка забора скрыла меня от недоброжелательных взглядов, и мы с охранником двинулись в сторону главного корпуса.

Как странно. Верон никогда не срывал меня с занятий. Да и встречал всегда у стоянки, чтобы сразу усадить в машину и повезти в лес. Тренировки на природе он отчего-то считал более действенными. Хотя, возможно, укротитель также проверял мою преданность. Ведь я могла бы попытаться сбежать...

Если бы была такой же безумной, как он, конечно.

Но сейчас охранник, определенно, вел меня в совсем другом направлении. В место, которое я точно не знала...

Из похожего то ли на тюрьму, то ли на форт отделения, где держали волков, мы миновали уютный сад, нырнули в аркаду, украшенную ползучими растениями, и прошли в главный корпус комплекса.

Здесь располагался медицинский отсек, в котором мне довелось побывать дважды, и я уж решила, что идем мы к нему, но тут-то и настиг сюрприз. Охранник резко свернул вправо к двойным железным дверям, открывающимся с помощью приборной панели на стене.

Экран под пальцем провожатого засветился, что-то пискнуло, двери разъехались, открывая проход в крохотную комнату с зеркальными стенами.

Это был лифт. Я сперва даже удивилась, но потом, войдя в него, вспомнила об электрическом оружии, машинах и космических кораблях. Лифт в этом списке уж точно не самое большое достижение техники.

Пока мы поднимались охранник то и дело дергался и оглядывался на меня. В голове звенела навязчивая мысль: я могла бы обратиться прямо сейчас, благо Верон и Бринела научили делать это быстро, и порвать провожатого на кусочки.

Сбежать после этого вряд ли удастся, да и убивать людей мне совсем не хотелось... Но охранник об этом не знал. Руки чесались его подразнить, так и представляла, как выпучатся у него от страха глаза, если я резко рыкну. Но за такую шутку точно получу удар током.

Мы поднялись на самый верхний этаж. Двери лифта впустили в широкий коридор. Здесь каменный пол застилал темно-синий ковер с красивым узором, на стенах висели картины в серебристых рамках с пейзажами и всюду стояли темно-красные горшки с декоративными деревцами. Их листва переливалась от малахитового к фиолетовому. Так красиво и необычно. Даже появились сомнения, что это настоящие растения.

Коридор выводил во множество дверей, но самые высокие и широкие располагались прямо напротив лифта. К ним и повел меня охранник.

Он нажал на приборную панель на стене, раздался громкий «бип» и тут из динамиков над экраном донесся знакомый, чуть раздраженный голос:

— Да. Что?

— Господин Верон, я привел ее, — пискнул провожатый в динамик.

— Отлично, — последовал ответ и одновременно с ним что-то запищало, а дверь сама

собой отворилась.

Охранник тяжело сглотнул и, взяв меня за локоть, перешагнул со мной за порог.

Я очутилась в большой комнате, в которой, наверное, моя квартира поместилась бы дважды. В передней ее части, у входа, стоял длинный кожаный диван и пара таких же кресел, сбоку — огромный электронный камин, с другой стороны — винтовая лестница, уводящая неизвестно куда. Далее, в задней части комнаты располагался невысокий подиум, который и разделял помещение надвое, там, перед огромным, во всю стену, панорамным окном расположился громоздкий стол из красного дерева, а вокруг стояло множество шкафов, комодов и тумбочек.

— Оставь ее и проваливай, — донесся голос укротителя.

Приказ явно обрадовал охранника, он аж подскочил на месте, кивнул и пролепетал что-то несвязное и тут же выпрыгнул в коридор. Двери за его спиной захлопнулись.

Я сделала пару шагов в сторону дальней части комнаты, уверенная, что Верон там, но почти сразу остановилась.

За столом никто не сидел. Зато он был весь завален хламом. Какими-то папками, тряпками, одеждой... Боже, да чего там только не было! Для этой груды мусора не хватало места, поэтому она распространилась и на тумбочки со шкафами.

Да, перфекционизмом Верон точно не отличался... Хотя чему я удивляюсь? Если у него в голове кавардак, то в кабинете он будет тем более.

— Верон? — окликнула я его, осторожно подходя ближе к столу.

В ответ — молчание. Тяжело вздохнула и раздраженно закусилла нижнюю губу.

Надеюсь, это все не является его новой безумной идеей или методикой.

Боже. Ну конечно, является, кого я обманываю?

— Ты тут, смотрю, хорошо устроился, — выговорила еще громче и отчетливее, — можно я буду жить здесь, а не в бараке?

Сверху донесся смешок, и я тут же обернулась на винтовую лестницу. Интересно, куда она выводила? Уж двинулась к ней, чтобы подняться к укротителю, как вдруг послышался его оклик:

— погоди, сейчас спущусь!

В проеме мелькнул силуэт, и должны были вот-вот раздаться шаги. Но вместо этого почему-то послышался шелестящий звук и писк, как будто тряпкой протирали стекло.

Вдруг я увидела Верона... Съезжающим вниз по закрученным перилам. Он спустился быстро и лихо, широко улыбался и напоминал сейчас мальчишку-шалопая.

Стоило отдать должное: в ловкости ему не занимать. В руках он держал поднос с двумя кружками и небольшим чайником. Оказавшись внизу, Верон триумфально улыбнулся, оставил поднос в одной руке, а вторую вскинул, как гимнаст, завершивший выступление.

— Та-дам! — пропел он довольно.

Боже, он так пыжился и радовался, что я с трудом не расхохоталась. Никогда не понимала фразу, что мужчины — большие дети. Но, кажется, это было правдой. И работало даже на верховных укротителях.

— Bravo, — попыталась изобразить строгость, — это именно то, что должны делать люди твоего статуса.

— О, умоляю тебя, Дарина, — Верон ловко соскочил с перил, и чудом чайник с чашками остались на месте. Может, они были примагничены? — жизнь полна дерьма, нужно уметь радоваться мелочам и иногда съезжать с винтовой лестницы.

— А, хорошо, когда вернусь в барак, обязательно сделаю это. Но перед этим зажгу наш огромный камин и полюбуюсь на вид из окна.

Двигаясь к рабочему столу, верховный укротитель погрозил пальцем и проговорил:

— А завидовать нехорошо.

Уж хотела ответить, что и выделываться — не очень-то здорово, но осеклась. Чем меньше буду говорить, тем меньше у Верона будет возможностей зацепиться языком и растянуть нашу встречу. А хотелось побыстрее понять, зачем он устроил ее именно сейчас и именно здесь.

На столе не нашлось места для подноса. Верховный укротитель попытался поставить его на грудку одежды, но та не была самой устойчивой поверхностью.

— Подержи, — он отдал мне поднос, который оказался не таким уж и тяжелым, и

резким движением сбросил весь завал на пол. Что-то зазвенело и громко хрустнуло. Верон наморщился, закатил глаза и буркнул, забирая поднос обратно, — еще один планшет. Второй за неделю. И почему они вечно ломаются?

Действительно.

— Дарина, присаживайся, выпей со мной чай, — укротитель кивком указал на кресло, стоявшее возле стола.

— Зачем все это? — я не выдержала и спросила прямо.

Верон посмотрел на меня удивленно и как будто обиженно.

— А что? Я уже не могу выпить чай со своей ученицей?

— Верон.

— Что? Какая же ты нетерпеливая вредина, а меня, между прочим, для тебя подарок.

Подарок? Я оторопела и насупилась. Уж этого точно не ожидала.

— Хотел подарить его после милой беседы за чаем... Но раз уж ты у нас такая занятая и деловая... — Верон потянулся к ящику в столе и вытащил из него плоскую белую коробочку с броским цветочным рисунком.

Еще бы бантик прицепил, чтобы я больше смутилась!

Взяла коробочку с такой нерешительностью и осторожностью, будто в ней хранилась бомба. Мгновение я просто стояла и иступленно глядела на запакованный подарок.

Тут какой-то подвох. Это проверка? Тест? Что мне, черт возьми, делать?

— Ну давай уже, открывай! — укротитель подался вперед и изобразил волнение, — я надеюсь, что угадал с цветом...

Крепко стиснула зубы и попыталась обуздать тревогу и злость.

Села в кресло, уложила коробочку на колени, открыла и... Совершенно растерялась.

Нет, не может быть, это какая-то ерунда!

Осторожно вынула подарок и убедилась, что не ошиблась.

Это было роскошное вечернее платье темно-бордового цвета с вызывающим вырезом на спине и кружевными рукавами.

— Ну?... Как тебе? — вдруг спросил укротитель.

— Ты... — нахмурилась, не зная, что сказать, — ты ведь не заставишь меня бегать в нем по лесу?

Верон закатил глаза и вдруг сорвался с места.

— Нет, конечно нет, за кого ты меня принимаешь? — он подскочил ко мне, уселся на край стола и вытащил из внутреннего кармана плаща розовую бумажку с витиеватым узором и каллиграфическими буквами, — меня пригласили на светский раут. Это самое скучное, бессмысленное и долгое мероприятие в мире. Я всегда прихожу один, но сейчас решил, что должен всех удивить.

— И... Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? — звучало бредово даже для Верона.

— Да.

— На вечер среди укротителей и прочих сливок общества?

— Точно.

Мотнула головой, не желая в это верить.

— То есть ты действительно собираешься заявиться туда с волчицей?

— О, еще никому не приходило такое в голову. Обо мне будут сплетничать во всех углах! — ответил Верон с предвкушением.

От удивления мои брови так поднялись, что заболел лоб, рот раскрылся сам собой, и не

удавалось сомкнуть губы даже силой воли, все тело оцепенело, а в груди теплилось раздражение, которое, нарастая и разогреваясь, рисковало превратиться в жгучую злость.

— О, прости, — вдруг прибавил укротитель, заметив мою реакцию, — во всех углах будут сплетничать о нас.

Резко выдохнула, закатила глаза и схватилась за голову. Боже, да что он затеял?

Нет, это не может быть чудачеством, не может быть шуткой. Он что-то замыслил. И собирался впутать меня в свою авантюру.

— Стоит ли надеяться, что ты объяснишь, к чему все это на самом деле? — спросила у него прямо.

Верон сжал губы и натянул их, а затем медленно качнул головой.

— Не-е, — протянул он, — не стоит, — тут он резко соскочил со стола и хлопнул в ладоши, — давай, примерь платье. Хочу убедиться, что угадал с размером, и что оно тебе идет. А потом нужно будет найти тебе туфли. И сделать прическу. Дел много, а раут уже сегодня!

Уже сегодня?!

Боже. Это будет очень... О-очень долгий день...

По дорогам бродили люди в черно-белой одежде. Видимо, это сочетание было в моде. Некоторые женщины, более богатые и статусные на вид, носили облегающие платья и широкополые шляпки. Некоторые мужчины, деловые и важные, были одеты в длинные плащи и таскали с собой кожаные чемоданчики. Люди более простые гуляли кто в чем горазд. И брюки, и шорты, и рубашки, и футболки...

Но все они, будь то богачи или горожане среднего достатка, выглядели счастливыми.

Я и забыла, что где-то в этом мире есть города. Подруга Рэйна обещала отвести меня в один из них, но после ее предательства я посчитала, что крупных поселений здесь вовсе не существует.

Ан, нет. Заасфальтированные дороги, каменные дома в четыре-пять этажей, магазинчики, рестораны, дворы и переулки, — здесь были все черты небольшого города.

Даже запах выхлопных газов чувствовался. Хотя машины встречались нечасто, они проезжали время от времени по дороге и поднимали в воздух кучу пыли.

Я успела от этого отвыкнуть, так что в носу неприятно щекотало, и жутко хотелось чихнуть, но не получалось. Противное ощущение.

Проходящие мимо люди осматривали меня с любопытством. Конечно, я ведь стояла посреди улицы в вечернем платье! Хотя, наверное, их куда больше интриговал мой ошейник.

Интересно, были ли в этом городе волки? И какое положение занимали?

Раздался звон колокольчика — открылась дверь, ведущая в обувной бутик, у которого остановился Верон, чтобы купить мне туфли для вечера.

Я все еще совершенно не понимала, что происходит. Укротитель всю дорогу, как всегда, отшучивался и кривлялся, делая вид, будто все это — шутка над сливками общества. Но как только машина въехала в город, он напрягся и занервничал.

Хотя усердно пытался это скрыть.

Заставил меня перемерить кучу туфель, будто приобрести лучшие — было самой важной вещью на свете. В бутике ужасно пахло духами, так что, как только нашлась подходящая модель, я сбежала на улицу к машине.

Верон почему-то задержался.

Впрочем, это уже не имело значения. Укротитель вышел с небольшой коробочкой подмышкой. Я облегченно вздохнула. Наконец, мы поедem. Не нравилось стоять на месте, иначе тут же донимали мысли и волнения.

Я вострепелась, готовая заскочить в машину сразу, как Верон ее откроет (на этот раз мы обошлись без водителя, да и уходили из тренировочного центра тихо, незаметно для охранников и служащих). Но тот не спешил.

У дверей он остановился и обернулся. Вскоре за ним вышел человек в длинном черном плаще. С широкой квадратной грудью, серебристой щетиной и тяжелым взглядом. Двигаясь, он немного прихрамывал.

Они с Вероном встали у входа и принялись о чем-то переговариваться.

Попыталась прислушаться и различить слова... Нет, двое были слишком далеко, да и беседовали тихо, очень осторожно.

Странно.

Надолго это не затянулось. Вскоре мужчины пожали друг другу руки, и незнакомец в плаще поковылял вдоль улицы, а Верон двинулся ко мне.

— Кто это? — спросила у него, только укротитель приблизился.

— Я... Потом тебе расскажу, — отозвался тот, невинно улыбаясь и открывая машину.

Потом? Как всегда!

На «потом» у меня уже столько планов! И про черного волка узнать, и про храм, и про все странные тайны и знакомства Верона!

От раздражения и злости все тело зачесалось. Даже, кажется, внутренние органы!

Укротитель не дал шанса высказать недовольство и заскочил в машину. Чтоб его. Как долго он будет изображать из себя ходячий сюрприз?

Как долго, не знаю, но весь сегодняшний вечер — точно. Понимала, что сейчас не удастся его разговорить, потому села на заднее сидение почти сразу, после того, как он завел двигатель.

Хоть от любопытных глаз спрячусь...

— Надевай, — Верон, не глядя, швырнул мне коробку с обувью. Чуть не попал по лицу!

— Эй! — выкрикнула я недовольно.

Тот даже не заметил: двинул машину с места и выехал обратно на дорогу.

До места назначения ехать пришлось недолго. Где-то через пятнадцать минут многоэтажки сменились небольшими коттеджами с уютными дворами, а затем появились высокие заборы, ограждающие частную территорию.

Увидеть, что находится за ними, не удавалось.

Вскоре Верон завернул к въезду на один из таких участков. Высокие ворота некоторое время стояли неподвижно, потому я успела нацепить на себя туфли. Красивые, но на больно уж тонком каблуке и с кучей застежек.

Пользуясь случаем, укротитель обернулся и зачем-то протянул ко мне руки.

— Ты чего? — почему-то я дернулась испуганно.

— Ой, да нужна ты мне, — съязвил он, — я сниму ошейник.

От удивления раскрылся рот. Seriously? Никакого ошейника? Но тот вроде как был гарантом моего послушания...

— Я рассчитываю, что твое любопытство и желание узнать, как и зачем ты оказалась в нашем мире, сильнее, чем жажда бегать в вечернем платье и неудобных туфлях по лесу, — объяснил укротитель.

Щелкнул замок, и ненавистный ошейник был снят. Боже, как же хорошо! Никогда не чувствовала такой свободы...

Как раз в этот момент открылись ворота на участок, и Верон заехал на него.

А ведь я действительно могла бы сбежать. Эта мысль не давала покоя.

Но куда отправиться? В прошлый раз просто повезло наткнуться на Рэйна, а сейчас... Нет, сейчас других волков я не найду. Возле домов укротителей — уж точно.

За высоким забором скрывался богатая большая усадьба. Ее длинные окна горели ярким светом, широкие застекленные двери на обширной веранде были широко распахнуты, и через них доносилась громкая музыка.

Верон остановился у входа и вышел из машины, открыл мне дверь и подал руку. Надо же, какой кавалер! Неужели при волках и подчиненных он разыгрывает психа, а перед сливками — воспитанного джентльмена?

Когда подошел парнишка в смешной форме, укротитель бросил ему ключи от машины и заявил, что вывернет его наизнанку и заставит в таком виде танцевать под ужасную музыку, что доносилась из дома, если тот поцарапает машину.

Нет. Все-таки он и здесь такой же отбитый...

Что ж, хоть какая-то стабильность!

По каменным ступеням подняли ко входу в дом. У дверей нас поприветствовал хмурый мужчина в строгом костюме. Он кивнул укротителю и немного удивленно осмотрел меня, а потом принялся тыкать морщинистым пальцем в планшет у себя в руках. Наверное, отмечал, что Верон явился на вечер.

Стоило пройти в дом — по ушам ударила громкая инструментальная музыка, а по обонянию — запах десятка разных духов, перемешавшихся в один, алкоголя и чего-то жаренного.

В животе заурчало. От жаренного я бы не отказалась...

Впереди была лестница, уводящая наверх, а сбоку — широкий проход, отводящий в какой-то зал. Там маячили люди в дорогих костюмах. Видимо, именно там и проходил прием.

Из зала вдруг выскочил невысокий и шустрый мужчина с хитрыми глазками и обаятельной улыбкой. Он развел руками, когда увидел Верона, и быстро приблизился.

— Какие люди! Я, честное слово, уже перестал надеяться, что ты отзовешься хотя бы на одно мое приглашение! — воскликнул незнакомец, приветственно хлопнув Верона по плечу.

Тому это явно не понравилось, но он сдержал себя.

— И тем не менее, Нейс, — проговорил укротитель, тщательно скрывая раздражение, — ты заваливаешь меня этими своим приглашениями каждую неделю.

— Что ж, я оптимист. И люблю праздники, — он вдруг перевел взгляд на меня и противно улыбнулся, — а ты, погляжу, в прекрасной компании сегодня... Верон, тебя не узнать!

— Кстати, об этом... — укротитель вдруг метнулся вперед, уводя за собой и Нейса. Я осталась стоять у дверей, но прекрасно слышала, что эти двое говорили, — скажи, Нейс, нет ли у тебя здесь тихого местечка... Чтобы я мог хорошо провести время с моей спутницей? — спросил Верон осторожно.

Глазки Нейса заблестели удивленно и воодушевленно.

— Надо же, Верон! Я и не думал, что ты способен хорошо проводить время с женщинами!

— А что ты думал? — укротитель насупился и, кажется, обиделся всерьез, — что я провожу его с мужчинами?

— Нет! Что ты! Я был уверен, что ты вообще неспособен на интимную близость с кем-

либо, и выплескиваешь избыток сексуальной энергии, расчленяя своих работников по ночам.

С трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. А у этого Нейса был острый язык.

— Но раз ты оказался хоть немножко нормальным, — продолжил хозяин банкета, — то советую тебе подняться на второй этаж, — он встал на цыпочки, чтобы прибавить как можно тише, — я специально оставил двери открытыми, пускай гости развлекаются.

Верон наморщился раздраженно, но, как только пересекся взором с Нейсом, вымученно улыбнулся.

Потом он протянул ко мне руку, призывая приблизиться.

Хозяин вечера уставился на меня маслянистыми глазками, и я почувствовала, как он медленно раздевает меня взглядом.

Боже, как мерзко. Не такой уж он и обаятельный, как показалось сначала.

— Если не секрет, — вдруг спросил Нейс, когда я приблизилась, — сколько ты ей платишь, Верон?

Чего? За кого этот паршивец меня принял?!

— О, Нейс, поверь мне, — отозвался укротитель, крепко сжимая мою ладонь, — ее ценник ты не потянешь.

У того лицо исказилось от обиды и удивления. Но он не нашелся с ответом, а Верон не стал давать ему на это время — сразу повел меня вверх по лестнице.

С хозяином укротитель совершенно не церемонился. А тот не стал догонять нас, выяснять отношения и ссориться.

— То есть теперь, — поднимаясь с ним по лестнице, проговорила я, — все будут считать меня проституткой?

— Очень дорогой проституткой! — поправил Верон, ухмыляясь.

— Да-а... Мне от этого не особо полегчало.

— Поверь мне, лучше, когда тебя считают элитной проституткой, чем отчаявшимся мужчиной, который приводит эту самую проститутку на светский раут... — чуть помолчав, укротитель прибавил, — хотя я и не такое проворачивал!

Невольно усмехнулась, а в голове завертелась волнующая мысль: какое именно положение занимает в обществе Верон, раз ему столько сходит с рук?

Может быть, мне дико повезло стать его ученицей, а я этого даже не понимаю?

Поднявшись, мы зашли в первую открытую комнату. Это была небольшая спальная, наверное, гостевая. Здесь стояла широкая кровать, комод и маленькая тумбочка с вазой у окна. Все скромно, но довольно уютно.

Убедившись, что никого поблизости нет, Верон закрыл за нами дверь, хлопнул в ладони и проговорил воодушевленно:

— Что ж. А теперь раздевайся, Дарина!

У меня глаза так выпучились от удивления, что, казалось, вот-вот вывалятся из черепной коробки.

— Я дико извиняюсь, — проговорила недоуменно, — но что?!

Видимо, шуточки про проституток он воспринял слишком серьезно...

— О, не извиняйся. Я и сам немного оглох из-за фальшивящего оркестра. У Нейса совсем нет музыкального вкуса, — вместо того, чтобы все объяснить, Верон, как всегда, принялся дурачиться. Он подошел поближе и повторил громче и по слогам, будто для слабоумной, — раздевайся. Если тебя что-то смущает, я закрою глаза, — укротитель быстрым движением спрятал лицо руками, как напуганный ребенок.

— Я, конечно, понимаю, что в это мире такие правила, сословные разграничения и так далее, и я должна тебя слушаться... Но хоть раз ты можешь вести себя нормально и все объяснить?

Верон тяжело вздохнул. Заранее закатила глаза, ожидая, что сейчас он опять начнет дурачиться.

Но он удивил. Убрав ладони с лица, укротитель посмотрел на меня тяжелым взглядом, и сразу стало ясно: сейчас речь идет о чем-то важном.

— Ладно, слушай, — проговорил он тихо, — помнишь того мужчину, с которым я говорил у бутика?

Я кивнула, молча удивляясь, как резко изменился Верон. Из шута-психопата он вдруг превратился в хмурого и серьезного человека. Таким я его еще не видела. Разве что... Тогда у обрыва, когда он рассказывал про Великого волка. Но там была лишь незнакомая задумчивость во взгляде, а тут... Совершенно другой человек.

— У него есть информация. Очень важная для меня информация. Но он не отдаст ее просто так. Нужна услуга за услугу.

— И что от тебя требуется?

— Ты, наверное, хотела сказать: «Что требуется от нас?». Ты ведь умная девочка и понимаешь, что я привез тебя сюда не ради коктейлей.

Что ж. Справедливо.

Я согласно качнула плечами, а Верон продолжил:

— Нейс большой фанат волчьих боев. Как и многие из верхушки. Ходят слухи, что он использует какой-то новый препарат, который помогает его волкам выигрывать. Допинг. И тот человек, которого мы встретили в городе, хочет знать, где Нейс хранит этот препарат.

— Чтобы... Выкрасть?

— Не знаю. Может быть. А может он выдаст Нейса законникам, все же накачивать волков наркотой — опасно для людей и считается преступлением. Мне плевать, что именно случится с Нейсом. Наше дело — найти его тайник.

— И как же его найти? — невольно нахмурилась. Не будем же мы переворачивать здесь все вверх дном!

Верон ехидно ухмыльнулся, снова надевая лицедейскую маску. Даже жаль. Хотелось узнать его настоящую сторону... Его рука метнулась к внутреннему карману пиджака. Оттуда он достал прозрачный пакетик с синеватым порошком и, потрянув им, довольно заявил:

— У волков безупречный нюх... И у оборотней, способных принимать третью форму тоже.

— Но... Я не умею нюхать! Я не ищейка! — напряжение отозвалось неприятным покалыванием в руках. Верон слишком много хотел от девушки, которая совсем недавно узнала, что она оборотень!

— Ты умеешь нюхать, просто еще не успела это понять, — отозвался он категорично, — так что давай. Раздевайся, чтобы не порвать платье. Меня и так все считают чудачком, а если я приду на раут с одетой девушкой, а уйду — с совершенно голой, меня в довесок окрестят еще и конченным извращенцем.

Больше он, кажется, выслушивать возражений не собирался. Просто отвернулся и сложил руки в ожидании.

Ну и как с таким человеком разговаривать?!

Ладно. Особого выбора у меня не было. Вряд ли что-то получится. Но в любом случае это будет вина Верона, который действовал поспешно и необдуманно.

Оставалось только надеяться, что мы не попадемся. А если попадемся... То отделаемся малой кровью.

Глава 16. Секреты

Снять платье не составило труда, как и нижнее белье. С туфлями только пришлось повозиться — уж больно много застежек.

— Я надеюсь, мне не надо будет к тебе приставать, чтобы ты обратилась, — пошутил Верон, все еще не глядя на меня, — а то я, конечно, попытаюсь держать себя в руках, но сама понимаешь, совершенно голая девушка и все такое...

Почему-то в этот момент улетучилась вся моя уверенность. Вдруг поняла, что действительно не побоялась раздеться, будучи с ним в одной комнате. Он, конечно, смотрит в другую сторону, но все равно неуютно.

Господи, и куда же меня жизнь завела? Притворяюсь проституткой, чтобы найти в доме богача спрятанные наркотики!

Так. Стоп. Это совсем не то место, и не то время, чтобы об этом подумать. Надо сделать свое дело и посмотреть, к чему это приведет.

Затаила дыхание, взяла себя в руки. Пора действовать. Пора превращаться.

Хотя Бринела до сих пор не потрудилась что-либо мне объяснить про черного волка и храм — я была благодарна, что старшая мать «подружила» меня с внутренней волчицей, и теперь можно обойтись без сомнительных методов Верона.

Нужно только сконцентрироваться, заглянуть глубоко в себя и найти волка в своей душе...

В последнее время это давалось мне все проще.

Совсем скоро я ощутила, как покалывает кожу прорезающаяся наружу шерсть, как неприятно, но уже терпимо, ноет спина, как перестраивается все мое тело.

Я встала на четвереньки, ноги и руки превратились в стройные сильные лапы, уши переместились на макушку и приобрели треугольную форму, лицо вытянулось, превратившись в волчью морду.

И вырос хвост. Почему-то он особенно мне нравился. Было забавно им шевелить. Неудивительно, что собаки постоянно им машут!

Верон все еще стоял ко мне спиной, потому пришлось громко фыркнуть, чтобы намекнуть: трансформация закончилась.

— О, — воскликнул он, обнаружив перед собой уже не девушку, а зверя, — ты с каждым разом справляешься все лучше!

В ответ довольно мотнула головой. Да, черт возьми, я крута!

Превращение в волка действительно приносило мне удовольствие.

— Я возьму твои вещи, — Верон сел передо мной на корточки и осторожно раскрыл пакетик с порошком, — а ты попробуй напасть на след, — он поднес образец мне к морде и, прежде чем я вдохнула, предостерег, — только не слишком сильно вдыхай. Нужно почуять запах, а не угодить в наркотические грезы.

Да, он вовремя сказал. Я уж готова была втянуться по самые гланды. У волков были гланды?

Отряхнулась, отгоняя лишние мысли. В образе волка меня часто уносило не в ту сторону.

Осторожно понюхала порошок. Несколько песчинок попали в нос и обожгли слизистую

изнутри. Наморщилась недовольно, оскалилась и отстранилась. Боже, какая же дрянь!

— Так, ладно, этого хватит, — проговорил Верон, спешно пряча мешочек в пиджак и собирая в охапку все мои вещи, — сконцентрируйся и вслушайся в запахи.

Сказав это, он отошел к двери и открыл ее. Выглянул в коридор, убеждаясь, что там никого нет.

— Большинство слуг внизу — обхаживают гостей. Но давай все равно будем соблюдать осторожность. Кто знает, сколько еще парочек заняли здесь комнаты...

И откуда у него вдруг появилось столько благоразумия?

Мы осторожно и тихо, как мышки, вышли из комнаты в коридор.

— Сосредоточься, Дарина, — шепнул мне Верон, — у тебя все получится.

Мне бы его уверенность...

Я замерла, застыла, полностью отдавшись ощущениям. Все вокруг казалось таким ярким, немного сиреневатым... Нет. Зрение только мешает. Мне нужен запах. Закрыла глаза, сконцентрировалась...

Удалось явственно расслышать частое дыхание Верона. Он волновался, но пытался это скрыть. Музыка внизу, смех, громкие разговоры... Если вслушаться еще внимательнее, можно было различить тихие постанывания в соседних комнатах.

Запах! Мне нужен запах. Соберись!

Почувствовала чуть заметные нотки пота. Аромат духов, поднявшийся вместе с теплым воздухом на второй этаж.

Вдруг удалось уловить что-то еще. Что-то неприятное, резкое, химическое.

Это... Похоже.

Прижав голову к земле, медленно двинулась по коридору вперед. Запах стал усиливаться и вскоре я поняла: это то, что надо. Это точно препарат, не было сомнений.

Пару раз нам с Вероном приходилось останавливаться и прятаться в ближайших комнатах, зашторенных нишах и в шкафах, когда мимо проходили посторонние. Все они уже хорошенько выпили, так что не особо оглядывались.

Когда мы добрались до места, где коридор поворачивал вправо, я поняла, что мы близко. Запах усилился и, кажется, исходил из комнаты, спрятанной за массивными двойными дверьми.

Встала напротив них, чтобы дать понять Верону: это нужное место.

— По-моему, здесь его кабинет, — пролепетал укротитель задумчиво. Он потянулся к ручке и проговорил, — наверняка закрыто.

Однако ручка покладисто наклонилась под давлением руки и щелкнула. Дверь отворилась. Я вздрогнула от восторга. Как же повезло!

Верон этого настроения не разделил...

Подумав секунду, поняла, почему: оставить открытой дверь в свой кабинет, когда весь дом наполнен посторонними людьми — слишком опрометчиво.

Неужели ловушка?

Укротитель мгновение думал, как поступить. Но в итоге решил рискнуть. Раскрыл дверь, пропуская меня, сам шагнул внутрь и запер проход за собой.

— Мне все это очень не нравится, так что поспеши, — скомандовал он.

Сложно было унять нарастающее беспокойство. А оно рассеивало мысли и ужасно отвлекало.

К тому же что в комнате несло препаратом, чудилось, из всех углов!

Благо кабинет Нейса оказался намного меньше кабинета Верона.
Тут только рабочее место, книжный шкаф, кушетка в нише у окна и балконная дверь.

Я вслушалась в запах, пытаюсь определить, откуда он исходит. Почему-то меня тянуло вправо, но там была лишь стена...

Верон заметил это, и тоже к ней приблизился.

— Здесь? — спросил он немного растерянно.

В ответ я лишь фыркнула.

Укротитель хмыкнул, постучал по ней. Раздался звонкий стук.

Я невольно встрепенулась. Стена полая? Может, что-то есть за ней?

— Ищи кнопки, рычаги, любые выпирающие и подозрительные поверхности! — Верон заметно оживился, в его глазах заблестел азарт, губы крепко сжались, как если бы он сдерживал улыбку.

Все внутри заворочалось. Неужели у нас все же что-то получится?

Укротитель провел пальцами по плинтусу. Вдруг раздался щелчок, и на сей раз мужчина не скрыл ликование.

— Отойди! — приказал он воодушевленно.

Я послушно отпрыгнула в сторону, а он тем временем нажал на кнопочку, спрятанную на косяке. Что-то заскрежетало, загудело, как мотор, потом задрожал пол, и стена перед нами начала медленно поворачиваться другой стороной.

Увиденное на ней, мягко говоря, удивило. В центре стены висела картина в богатой раме — портрет хозяина дома. А вокруг — множество экранов. На них транслировались записи с камер наблюдения. Тут был и въезд на территорию, и праздничный зал, и кухня, и коридоры, но самое мерзкое — спальни, в которых развлекались гости. Неужели Нейс следил за ними?! Извращенец! Но теперь хотя бы понятно, почему он с такой охотой, прямо на пороге, направил нас с Вероном в специальную комнату.

Видимо, у него фетиш — подсматривать за другими.

— Камеры? — укротитель напрягся и нахмурился, — проклятье. Он узнает, что мы сделали...

Сердце заколотилось от испуга. Так и знала! Так и знала, что все пойдет не по плану!

— Ладно, — Верон сделал глубокий вдох, а затем — длинный выдох, успокаиваясь, — если нас все еще не поймали — значит, его охрана ни на что не годится. Если мы поспешим — успеем передать информацию нужным людям, а они — сделать, что собирались.

Что ж. Хорошо, что он пытается сохранять оптимизм!

Укротитель быстро подошел к картине на стене, обхватил ее обеими руками и осторожно снял. За ней оказалась скрыта квадратная металлическая пластина с сенсорным экраном по центру.

Сейф?

— Уверена, что он здесь? — спросил Верон строго и немного взволновано.

Подошла к сейфу, принялась. Да... Оттуда исходил этот резкий противный запах. Он был несильным, впрочем. Наверное, двери сдерживали...

— Хорошо, — кивнул укротитель и легко провел рукой по пластине, изучая ее, — непростой сейф, — пробормотал он, — но это и не наша проблема.

Я бы взвизгнула от восторга и облегчения. Наконец, дело сделано и мы уберемся отсюда. Однако... Кое-что не давало мне покоя. Если из сейфа запах просачивается еле-еле,

то почему он так отчетливо чувствуется в комнате? Да еще и заметен из коридора.

— Обращайся обратно, и мы по-быстрому смоемся, — Верон моей растерянности не заметил. Хотя, вероятно, сложно определить эмоции по волчьей морде. Он предусмотрительно вернул картину на место и принялся выискивать ту кнопку, что поворачивала стену.

Не могла ему ответить, потому пришлось показательно мотнуть головой.

Укротитель недоуменно нахмурился. Ясно, он ни черта не понял. Ладно, будем доказывать делом.

Я внимательно внюхалась, пытаюсь угадать, откуда еще доносится запах. Он был распространен по всей комнате, так что определить источник оказалось сложно.

— Дарина, что ты творишь? У нас нет на это времени! — Верон заволновался. Надо же он умеет бояться!

Я проигнорировала его и двинулась к дальней части комнаты, где в нише с окном располагалась небольшая кушетка, а рядом — застекленная дверь на балкон.

— Дарина... Проклятье! — голос укротителя на этот раз прозвучал грозно.

Вздрагнула и обернулась, но тут увидела, что он злится не на меня. Верон, оскалившись, уставился на один из экранов. На нем было видно, как группа коренастых мужчин в одинаковой одежде быстро поднимается по лестнице на второй этаж.

— Не нравится мне, как они всполошились, — рыкнул он и вдруг дернулся в мою сторону.

Быстрым и уверенным движением он распахнул дверь ведущую на балкон, подскочил к изогнутым металлическим перилам, посмотрел вниз, а затем заявил:

— Тут невысоко.

Чего? Он хочет прыгать?! Ну нет, я на это не подписывалась!

— Либо ты будешь хорошей девочкой и спрыгнешь, либо я схвачу тебя за шкуру и швырну так, что поставлю новый рекорд в метании тяжелых снарядов, — Верон опять надел маску психопата, и почему-то я купилась на его угрозу.

Выбежав за ним на балкон, убедилась, что тут действительно невысоко: внизу располагался навес, на который можно крайне удобно приземлиться.

Странно, но мне почудилось, что запах препарата, который мы искали, здесь стал сильнее.

Верон перелез через преграду, потом помог перебраться мне так, чтобы я с разбегу не сиганула вниз. Сейчас ужасно недоставало рук.

Сердце колотилось, а тело нагрелось до невыносимой температуры. От происходящего перехватило дыхание.

Мы успели пройти половину пути, и я уже почти поверила, что удастся довести дело до конца.

Укротитель вздохнул, собрался с духом и так, будто за секунду смог избавиться от страха, отпустил перила и спрыгнул вниз.

Он ловко приземлился на обе ноги, присел, перекатился к краю навеса и попал на тротуар.

Я замешкалась, вдруг вспомнив, что и в человеческом теле не смогла бы повторить его трюк, а в новом для себя волчьем — тем более.

Но вдруг чуткий слух уловил звуки шагов за дверью кабинета. Черт!

Нервно дернулась и широкие лапы не удержались на краю балкона. Я покачнулась, а

дальше гравитация взяла дело в свои руки.

Ударилась о навес громко и больно и невольно взвизгнула. Но почти сразу поняла, что все куда лучше, чем показалось. Мышцы практически не ныли, кости целы. Все хорошо, останется разве что синяк.

Метнулась к краю навеса и спрыгнула на землю. Сначала потеряла Верона, и в сердце екнуло. Не мог же он меня оставить!

Но через мгновение увидела его жавшимся к стене под балконом. Сверху раздалось: «Обыщите здесь все». Передернуло от волнения. Боже, как мы вовремя свалили!

Укротитель подозвал меня рукой, приказывая последовать за ним. Я уж послушалась, как вдруг почувствовала... Очень резкий неприятный запах препарата.

Он исходил со стороны Верона. Может, пакетик во внутреннем кармане его пиджака порвался?

Нет, от запаха заслезились глаза, захотелось чихнуть да еще и голова закружилась. Где-то рядом находилась целая куча запрещенного порошка.

Подлетела к укротителю и внимательно внюхалась.

— Что ты делаешь? Дарина, я, конечно, приветствую такое рвение... — уж затараторил он, как вдруг я нашла широкую щель в каменной облицовке стены. Именно из нее доносился запах.

Нажав на щель лапой, поняла, что она неплотно прикреплена.

Верон напряженно нахмурился и заинтриговано закусил нижнюю губу. Нагнулся, схватился за края камня и потянул на себя. Легко и без особого сопротивления из скрытого углубления в стене выдвинулся небольшой каменный ящичек. В нем находился похожий на термос цилиндр. Он был закрыт неплотно, так что его содержимое, ужасно пахнущий порошок, немного рассыпался.

— Тайник... — прошептал Верон и вдруг посмотрел на меня с таким восторгом и признательностью, что я тотчас растаяла и уж готова была простить ему все его заморочки.

Ничто так не подкупает женщину, как искреннее восхищение в глазах мужчины. Получить такой взгляд от своенравного Верона было вдвойне приятно.

Укротитель задвинул ящик обратно. Странно, что он не стал забирать его содержимое... Но, видимо, такие ему дали поручения.

— Пошли, — скомандовал он, быстро поднимаясь, — мы сделали все, что нужно.

Что ж. Это обнадеживало. Оставалось надеяться, что все мои старания прошли не зря. И из всей этой истории пользу вынесет не только Верон...

Тихо, осторожно, но не медля, мы двинулись вдоль дома. То и дело приходилось останавливаться, прислушиваться, осматриваться.

В окнах виднелись силуэты гостей, раздавался хохот и крики горячо спорящих о чем-то людей. Кажется, охрана Нейса пока не поднимала шум.

Что ж, это на руку.

Верон неплохо здесь ориентировался. Видимо, все же пару раз принимал приглашения на раут. Довольно быстро мы добрались до стоянки, где были припаркованы машины гостей.

Мы спрятались за углом дома, возле обширных кустов сирени.

Укротитель оставил мне одежду и велел обратиться в человека. Сам же двинулся к стоянке. Выглянув из укрытия, я увидела там парнишку, которому в начале вечера укротитель вручил ключи.

Сердце замерло в надежде. Неужели, скоро все закончится?

Превращение обратно почему-то давалось тяжелее. Как будто со временем зверь брал верх, подавлял волю... Было сложнее сконцентрироваться и заглянуть в себя: слишком много запахов, звуков, ощущений.

Впрочем, удалось взять себя в руки, и через мгновение, мое тело приобрело привычный вид. Правда, мышцы ужасно заныли, с трудом удалось надеть платье, а до застёжки сзади вовсе не получилось дотянуться — ужасно ныло предплечье, рукой было не пошевелить.

«Нужно попросить Верона...», — раздалось в голове, и я уж покинула укрытие, как вдруг послышался громкий звук удара и высокий девчачий визг.

Все внутри сжалось от плохого предчувствия. Не стала тратить время на надевание туфель — просто схватила их и босиком выскочила на ведущую к парковке дорогу.

Увиденное, с одной стороны, успокоило, впрочем, я не смогла не закатить глаза. Парнишка, заведовавший парковкой, лежал на земле, схватившись за окровавленный нос, и от боли катался из стороны в сторону.

Верон же нагнулся и ощупывал его карманы.

— Господи! Ты не умеешь без рукоприкладства, да? — шикнула я на укротителя, приблизившись.

— Нет, просто я не люблю, когда кто-то пытается меня сдать охране, — рыкнул укротитель злобно, и свернувшийся в позу эмбриона парнишка чуть не расплакался.

Его даже жаль стало, он просто выполнял свою работу... Но быть пойманной тоже не хотелось.

Верон нашел ключи и триумфально улыбнулся. Впрочем, тратить время на свои шуточки и игры он не стал, а сразу дернулся в сторону машины.

Я последовала его примеру.

Мы сели, Верон завел двигатель и приказал пристегнуться. Сам он сделал то же самое, хотя до сих пор нарочито игнорировал все правила безопасности.

Это не предвещало ничего хорошего, так что спорить я не стала...

Укротитель резко сдал назад, одновременно с этим выворачивая руль. Машина задела одну из соседних, но моему водителю было на это откровенно плевать.

Он, казалось, со всей силы нажал на газ, колеса засвистели, слишком быстро соприкасаясь с землей, и машина бросилась вперед.

От страха я вцепилась в сидение и сжала зубы с такой силой, что заныла челюсть. Когда впереди показались быстро закрывающиеся ворота, Верон не подумал тормозить, напротив, он еще сильнее разогнался.

— Черт! Что ты делаешь?! — проорала я что есть мочи и вцепилась в сидение так, что сломала парочку ногтей.

— Держись! — бросил Верон, и машина с грохотом влетела прямо в ворота.

Стекло треснуло, но не разбилось, тело резко подалось вперед, но ремень меня удержал, послышался душераздирающий скрежет металла, но не от разбитого капота, а от выбитых ворот.

Они упали на машину сверху, но водитель резко свернул вправо, на дорогу, и металлическая пластина улетела в противоположную сторону.

Дыхание перехватило, мне почудилось, что я сейчас умру от недостатка кислорода, и все равно не могла заставить легкие работать.

Верон же со всей силы ударил по рулю, захохотал и прокричал:

— Да! Да! Это мне аукнется, но это того стоило!

Сумасшедший! Я обернулась, убеждаясь, что за нами никто не гонится. Боже... В груди защемило. Верон сказал, что это ему аукнется... Значит, попадет и мне?

Когда машина отдалилась от усадьбы, я спросила прямо:

— Нам за это что-то будет?

— Возможно, — улыбка резко сошла с его лица, и он напряженнее взгляделся в ночную дорогу.

— А информация, которую ты получишь, того стоит?

Укротитель посмотрел на меня серьезно и прошептал:

— Я очень на это надеюсь.

Почему-то после этого заявления, я не смогла выдать из себя больше ни слова.

Верон гнал на всех парах, но на въезде в город пришлось чуть притормозить. Обнадеживало то, что он свернул в тихий райончик с темными узкими улочками, и здесь, если Нейс уже отправил кого-то в погоню, нас было бы сложнее найти.

Он остановил машину возле маленького кафе: за большими окнами виднелись столики, витрина с выпечкой и стойка с кассовым аппаратом, у которой стоял скучающий официант.

Укротитель заглушил двигатель, и мгновение мы тихо сидели в темноте. Потом он вздрогнул взволновано, посмотрел на меня и сказал:

— Дарина... Спасибо за помощь, — я уж отмахнулась от его благодарностей, как Верон прибавил искренне, — и спасибо, что терпишь мои безумства. Я знаю... Со мной сложно и довольно опасно. Но можешь не сомневаться: я ничего не забуду и обязательно помогу тебе.

Вдруг он легко прикоснулся к моей руке и сжал ее своими горячими пальцами. Почему-то мурашки побежали по телу, и я сильно смутилась.

Подумаешь, за руку взял! Чего так тушеваться?

Укротитель вышел из машины, и я последовала за ним.

Скоро этот долгий день кончится...

В кафе было пусто и тихо. Официант у стойки вяло, скорее, для виду, натирал белой тряпкой глянцевую поверхность и бросал раздраженные взгляды на нас с Вероном.

Наверное, хотел, чтобы запоздалые клиенты поскорее ушли и позволили ему поспать в подсобке. Я сама когда-то подрабатывала официанткой, помнила эти ночные смены.

Боже, как же давно это было. Словно бы в другой жизни.

Хотя... Пожалуй, это и была другая жизнь.

Мы устроились за столиком у окна. Верон заказал себе чай, его любимый напиток, но так к нему и не притронулся. Вместо этого он долго смотрел в окно и молчал.

Вскоре ночную улицу окропило светом фар. К кофейне подъехала маленькая и аккуратная машинка, совсем не такая, как у укротителей, куда больше похожая на машины с Земли.

Чувство тоски выпустило когти и вонзилось в грудь. Скорее всего, я уже никогда снова не окажусь дома...

Эта мысль ощутилась, как удар молнией, как резкое пробуждение от долгого сна. И хотя от нее стало горько, но голова прояснилась. Я поняла: пора перестать плыть по течению, пора начать искать место в этом мире.

Из автомобиля вышел человек в плаще. Сразу узнала его по хромой походке: именно с ним разговаривал Верон перед светским вечером.

Мужчина заковылял к кафе. Почему-то стало не по себе, я невольно сжалась.

Вдруг ладонь потеплела от легкого прикосновения. Я обернулась и увидела, что Верон снова осторожно взял меня за руку. Он выглядел немного смущенным и напряженным, будто такой маленький и невинный жест был для него вершиной возможной близости с другим человеком.

Может быть, так и есть. Опыт подсказывал, что маски жестоких, непредсказуемых и ненормальных людей носят, как правило, те, кто боятся открыть свое настоящее лицо.

— Все нормально, — прошептал Верон, скорее, для себя, а не для меня. Тут зазвенел колокольчик над входом, и укротитель резко спрятал руку, будто делал что-то постыдное.

Когда он изображал из себя не бог весть что, был способен даже разыграть попытку изнасилования. А тут... Даже дотронутся на глазах у других не рискует.

«Господи, Верон, — пронесся в голове вопрос, который я не осмелилась озвучить, — кто же тебя так задел, что ты боишься быть мягким?».

Мужчина в плаще приблизился к столику и сел напротив нас с Вероном. Дождлся, когда подошел официант, заказал крепкий кофе и, когда единственный посторонний человек отдалился и принялся греметь посудой, наконец, заговорил:

— Вы выяснили?

Верон отхлебнул немного своего чая, медленно поставил кружку обратно на тарелочку и повернул так, чтобы ручка указывала на окно.

Выдерживал драматическую паузу.

Значит, снова начал играть. Сейчас это даже обнадеживало

— В кабинете Нейса есть здоровенный сейф с непробиваемым корпусом и кучей технологичных примочек...

— Так и знал, что придется иметь дело с сейфом, — огрызнулся собеседник, перебив Верона.

— Мда, — тот стиснул губы, еще раз повернул кружку, — в этом сейфе лежит пара штучек... Но не все.

— Что? — мужчина напрягся и внимательно всмотрелся в Верона.

— Видимо, он держит их там на тот случай, если кому-то придет в голову притащить ищейку. Чтобы сейф вскрыли и сработала сигнализация.

— Так... — собеседник подался вперед, уже не скрывая своей заинтересованности.

— А большую часть... Штучек... Он хранит в тайнике в фасадной стене дома. Прямо под балконом своего кабинета. Там еще навес. Найдете камень, который немного выпирает. Это оно, — сделав еще один глоток чая, Верон добавил, — но вам следует забрать все прямо сейчас. Мы не смогли не поднять шум — весь дом Нейса обставлен камерами.

Мужчина уж раскрыл рот, но вернулся официант с заказом. Все замолкли, чтобы дождаться, когда тот уйдет.

Работнику явно не было дела до разговора посетителей. Хотя он был напряжен и наверняка понимал, что здесь происходит нечто... Нечистое.

Но, определенно, не собирался совать нос в чужие дела.

— Что ж, — собеседник запустил руку под плащ и вытащил бумажный сверток, — как и договаривались. Первая часть сейчас, остальное — когда я получу, что хотел.

Верон кивнул и принял сверток.

— Бумага? — удивленно проговорил он, разворачивая листы, — как дорого и старомодно.

— Зато никто не отследит. Вторую часть я пришлю со своим человеком в обозначенном месте.

— Буду ждать, — просмотрев листы, укротитель ухмыльнулся и поднялся.

Я последовала его примеру.

Мы вышли на улицу, и холодный воздух ночи приятно остудил мою кожу. Когда вернулись в машину, и я плюхнулась на мягкое сидение — поняла, как устала.

Ноги болели и пульсировали, голова потяжелела, глаза так и слипались.

Боже, надеюсь, старания того стоили, и Верон получил, что хотел. Может, он даст мне выходной?

Укротитель завел машину, но трогаться не спешил. Вместо этого он зажег свет в салоне,

еще раз просмотрел листы, полученные от человека в плаще, вдруг дернулся и обернулся на меня.

Он глядел как-то... Обеспокоенно и воодушевленно одновременно.

— Узнаешь? — вдруг спросил Верон, протягивая одну из бумажек.

Сначала я недоуменно нахмурилась. Мне-то зачем эта его информация?!

Однако стоило увидеть изображение на листе, точнее, фотографию, как сердце замерло, а по позвоночнику пробежал холодок.

Это, кажется, был снимок с камеры видеонаблюдения. Какое-то помещение, все заставленное столами с инструментами, склянками, техникой... Похоже на лабораторию. А в центре нее, глядя в объектив горящими глазами, стоял волк. Черный волк.

— Боже... — вырвалось у меня, — это он...

Я подняла недоуменный взгляд на Верона. Тот сразу почему-то отвернулся, крепко схватился обеими руками за руль, но не начал движение. Отчего-то он нервничал.

— Когда ты сказала, что тебя перенесли к нам с помощью устройства... Я заинтересовался. Потому что была одна технология... Экспериментальная... Которая могла бы проверить такое. Но ее украли из лаборатории, а обстоятельства кражи были скрыты даже от людей моего уровня.

Я не рисковала его прервать, боясь, что любое лишнее слово заставит его снова надеть маску и скрыть от меня очередную невероятно важную вещь.

Но Верон, кажется, специально все это рассказывал. Почему-то он хотел, чтобы я знала.

— До меня доходили слухи про волка... Я не верил. Но... Как видишь, это правда. Он пробрался в лабораторию, как-то справился с охраной и выкрал устройство, — вдруг укротитель снова на меня посмотрел. Его лицо выглядело напряженным, глаза блестели, губы были крепко сжаты и чуть дрожали. Мне передалось это чувство, и неприятный тремор прошел по рукам, — а потом с помощью этого устройства притащил тебя в наш мир, — Верон тяжело вздохнул, нервно постучал пальцами по рулю, — этот волк... Или волчица, не знаю... Это оборотень, Дарина. Слишком разумно действует. Слишком быстро соображает. И он или она... Такой же как ты. Умеет превращаться в третью форму. Но самое интересное, знаешь, что?

— Что? — спросила на выдохе.

— Лабораторию охраняли одни из лучших волков моего тренировочного центра. Их специально натаскивали для этой работы. И когда появился черный волк, они напали на него, но потом... Он что-то сделал. Завыл, по их словам, но я уверен, что дело в большем. Черный волк заставил их обратиться в человеческую форму, — Верон замолк на секунду, но вскоре прибавил задумчиво, — и с тех пор они больше не могут обращаться. Как будто их лишили всех способностей.

— Черный волк это с ним сделал? Своим воем? — не верилось, впрочем... Это объяснило бы, почему все волки так пугаются при его упоминании.

— Да. Он это сделал.

Мороз прошел по коже от его слов.

— Зачем... — невольно нахмурилась и затеребила фотографию пальцами, — зачем же я нужна Черному волку?

Укротитель качнул головой как-то виновато и прохрипел:

— Я не знаю, — он снова отвернулся, снял машину с ручного тормоза и, прежде чем тронуться, прибавил, — но очень хотел бы знать.

Глава 17. Откровения с двух сторон — 1

Верон зачем-то остановил машину на полпути до тренировочного центра. Завел ее в скромный лесочек и припарковал за ним, на обширном, усеянном камнями пустыре.

Где-то в похожей местности скрывалась стая Рейна.

Отстегивая ремень безопасности, я вдруг осознала, что даже не подумала бы сейчас попытаться сбежать к волкам в каменную степь.

Я этого не хотела.

Стало как-то не по себе. Неужели слишком привыкла играть по правилам Верона и укротителей? Такими темпами можно превратиться в Лейлу.

Когда вышла, точнее, выползла (ноги уже отваливались!) из машины, обнаружила Верона лежащим на капоте своего авто, будто на шезлонге. Он вертел в руках термос с любимым чаем и задумчиво глядел куда-то вперед и вверх.

Если это очередной урок истории, я не выдержу и наору на него! Мы только что ограбили и подставили важного человека. Совсем не время для лекций!

Однако, проследовав глазами за взглядом Верона, я обнаружила, что он с легкой грустью и сентиментальностью смотрит на черное небо, по которому уродливыми серыми пятнами ползли облака.

— До нас это небо было звездным. Сейчас нужно отойти очень далеко от заселенных земель, чтобы увидеть хотя бы крошечную, — Верон развел пальцы до размера комара, демонстрируя, насколько крошечную вещь он имеет в виду, — малюсенькую такую звездочку.

— С машиной все в порядке? — сложив руки, начала я издалека, — почему мы остановились?

Верон вздрогнул, будто успел забыть о моем присутствии. Может, так оно и было? Сейчас он казался таким подавленным, уязвимым, одиноким...

— У тебя голос такой... Немного похож на голос моей матери, — он опустил взор и глотнул немного чая, — иногда скажешь что-то резко, и это мне как слова с того света.

"Ага, и менторский тон, и раздражение, и попытка его контролировать — наверняка все это тоже делала его мама", — подумалось мне, — "боже... Каким же несносным, должно быть, был Верон в детстве!".

Шутка о том, что его родительница — святая женщина, — уж почти соскользнула с губ, как вдруг в сердце укололи недавние слова Верона, которым я сначала не придавала значение. "Голос с того света". Его мать мертва?

Осторожно присела на край капота, смерила укротителя внимательным взглядом и решила спросить, но зашла опять издалека:

— Вы с ней были близки?

— Ха, — усмехнулся он с некоторой болезненностью, — хочешь поговорить по душам, детка? Прости, я не из тех парней, которые соглашаются на такие разговоры.

— Я просто пытаюсь хоть немного разобраться... — это прозвучало с обидой, и я почему-то напряглась.

— Я тоже! — воскликнул Верон, приподнимаясь и улыбаясь как безумец, — какого хрена я это делаю? А? Дарина?

— Что делаешь?!

— Да вот это вот... — он растерялся на миг, затем развел руками и объявил, — вот это все!

В груди стянуло от раздражения. Какой же ребенок! И что теперь? Мне его успокаивать?! Меня бы кто успокоил, я вообще в чужом мире!

Так, надо взять чувства под узду. Я вздохнула, выдохнула. Вспомнила, как гордость и эгоистичность не раз приносили мне проблемы и лишали друзей, поэтому сейчас решила побыть мудрее... И отвязаться от вопроса Верона шуткой:

— Может, ты вовсе не чай пьешь из этого своего термоса?

— Что? — он удивленно на меня уставился.

— Тебе же его доктор дал. Кто знает, какие травы он туда сунул.

Укротитель замер на секунду, затем вздрогнул и залился смехом.

— А что... А что! — выкрикнул он, — психотропный чай объяснил бы мно-о-о-ое в моей жизни!

Отсмеявшись, он качнул головой и вдруг снова уставился на небо, также тоскливо и безнадежно, как раньше.

Воцарилась неудобная тишина, которую теперь уже я не могла нарушить. Бывает такое: разговор подходит к границе, что нельзя просто так переступить. Она становится либо тупиком, навсегда оставляющим двух людей просто хорошими приятелями, либо обращается перевалом, за которым двоих ждет нечто глубокое, искреннее и настоящее.

Я не была уверена, что хочу заглянуть в душу Верона. И не ручалась, что охотно открою душу в ответ.

Невольно ухмыльнулась. Все это время так старалась раскрыть его тайны и замыслы... А сейчас почти этого добилась, но слишком поздно поняла: за информацию нужно платить.

Верон отплатил за фотографии Черного волка сведениями о местонахождении наркотиков.

Мне же за возможность заглянуть ему в душу, придется заплатить больше. Впрочем, не скажу, будто это нечестная сделка.

— Это все моя мать. Она рассказывала мне истории про волков, — вдруг прошептал укротитель.

Он сделал первый шаг. И шаг был навстречу.

С осторожностью (я все еще не была уверена в своем решении), положила ноги на капот полностью и уселась рядом с Вероном.

Один шаг? Один шаг к нему я сделать готова.

— Кем она была? — спросила мягко. Пожалуй, излишне мягко.

Почему-то в груди все сжалось от страха.

— Она исследовала волков, — Верон качнул плечами, а потом посмотрел прямо на меня. Беззвездное небо его уже не волновало. С тоской, но и с легкой надеждой он теперь всматривался в мои глаза.

Стало немного не по себе... Нет. Стало просто неловко. Я опустила лицо и распущенные черные волосы его закрыли.

— Не знала, что волков исследовали. Неужели был шанс обойтись мирным путем?

— Нет, — раздался ответ, — ненавидеть, драться, воевать — это легко. Принимать, дружить... Любить... Вот что по-настоящему сложно. Не каждый умеет. И не каждый готов учиться, — услышала, как он тяжело вздохнул, — моя мать умела. Но что может один

любящий человек против армии ненавидящих?

По телу прошла дрожь и я с детским энтузиазмом воскликнула:

— Один любящий человек способен свернуть горы! — Почувствовала как загорелись щеки. Боже, ну что за несуразица?! Сколько тебе лет, Дарина?!

Услышала легкий смех.

Вначале он показался мне саркастичным, но когда повернула голову и посмотрела на Верона, увидела, как засияли его глаза.

— Наверное, именно так моя мать и думала, — сказал он как будто с облегчением, — мне всегда казалось, что она бьется головой об непреодолимую стену, что зазря тратит свое время и силы. Но... Может, она действительно верила, что сможет примирить нас с волками? А это... Это достойная цель и мечта, — спустя пару секунд молчания Верон задумчиво протянул, — я хотел пойти ее дорогой, когда был маленьким. Тоже хотел изучать волков, попробовать сделать мир лучше... Но отец этого не допустил. Настоял, чтобы я устроился офицером безопасности. Там я впервые увидел волков. Тех, что натренированы ловить преступников и своих диких сородичей. Тогда я понял одну вещь: никакие исследования не помогут нам найти общий язык, пока волки считают себя рабами, а мы считаем себя их хозяевами. Мне самому не нравится эта мысль, но, боюсь, такова правда. Восстановить равновесие между волками и нами получится только за счет долгой кровопролитной войны.

Холодок пробежал по затылку. Верон вырисовал совсем не безоблачное будущее... Учитывая, что я совсем недавно осознала, насколько сложно, почти невозможно, будет вернуться домой, новость о страшной войне выбивала почву из-под ног.

Учебники по истории читали, знаем, как это страшно и бессмысленно...

Вдруг уколола мысль: в случае войны на чьей стороне окажется Верон? Он укротитель но при этом ратует за волков...

Этот вопрос я и задала ему.

Он отреагировал, как привык, и как меня больше всего раздражало: ухмыльнулся да отшутился:

— Это неважно, детка. К тому времени ты уже будешь всю нежиться под солнцем своей планеты, а я... — он вдруг соскочил с капота и двинулся к дверям машины, — за такого роскошного мужчину, как я, обе стороны еще поборются!

Если я так часто буду продолжать закатывать из-за него глаза — ослепну.

— Пошли, — тем временем скомандовал Верон, — нам пора возвращаться. А то еще надумают чего лишнего!

Тут не поспоришь. К тому же я ужасно вымоталась. Скорее бы отдохнуть, кто знает, что готовит мне завтра...

Глава 17. Откровения с двух сторон — 2

Всю обратную дорогу мы молчали. Верон напряженно о чем-то думал, и я не рисковала ему мешать. Может, он размышляет над тем моим вопросом? Пытается хотя бы самому себе ответить, на чьей же он все-таки стороне.

Не удивлюсь, если он и сам не знает. Верон искренне интересуется волками и, кажется, взаправду сожалеет, что их настигла такая участь. Но при этом он добился высокого положения среди своих людей, и сама его работа была направлена на то, чтобы лишать волков свободы.

Когда мы вернулись в учебный центр, Верон, на мое удивление, сам вызвался проводить свою ученицу до бараков.

Это смутило не только охранников, но и меня. Особенно неловко стало, когда я поняла, что и сейчас укротитель не проронит ни слова.

Двигаясь в полном молчании, я молилась, чтобы этот странный день скорее кончился. Сначала приключение в особняке, новости о черном волке, а теперь и это подозрительно подавленное настроение Верона.

Я уж думала хуже некуда, ан нет. Это пропасть без дна.

У дверей укротитель чуть притормозил и нежно, но неловко взял за локоть, будто намеревался притянуть меня к себе ближе... Что-то его остановило. Он неестественно выпрямился, напрягся, потом стыдливо опустил взгляд и, отпустив меня, прошептал:

— Завтра обойдемся без персональных тренировок. Ты заслужила выходной.

— Это, скорее, сокращенный день, — попыталась отшутиться, чтобы размягчить его. Когда он в ответ вымученно улыбнулся, поняла, что не вышло. Лучшим вариантом теперь было попроситься. Я чуть рассеянно кивнула и сказала, — спокойной ночи, Верон.

— Спокойной ночи, Дарина, — отозвался тот шепотом и впустил меня в барак, не заходя внутрь.

Проковыляла до своего места и плюхнулась на кровать так сильно, что в воздух поднялись клубы пыли. С первого дня искренне надеялась, что в матрасе нет клопов и прочих мерзких тварей, но даже если они и были — я только что всех передавила.

От усталости дрожали ноги, слабость медленно распространялась по телу ощущением тяжести. Странно, но это чувство показалось даже приятным. Когда чуть защипало в глазах и веки порвались крепко закрыться, я облегченно вздохнула и легко улыбнулась. Вот-вот сон затаянет меня в теплую вязкую темноту...

Но не успела оказаться в крепких объятиях Морфея, как кто-то куда более реальный схватил меня за лицо и крепко зажал рот ладонью.

Я дернулась от страха, пискнула... Но как только открыла глаза и увидела Бринелу-нахмурилась и недовольно замычала.

— Т-с-с, — шикнула старшая, — не разбуди Лайлу.

Она украдкой глянула на спавшую рядом старосту. Та беспечно развалилась на кровати и сладко похрапывала. Нет. Не проснется, даже если устроить здесь репетицию духового оркестра. Даже завидно...

— Вставай, — прошептала Бринела, убирая руку с моего рта и распрямляясь. Я уж хотела поспорить, заявить, что ужасно устала и хочу спать... Но волчица сказала то, что я не смогла бы пропустить мимо ушей, — пришло время поговорить о храме и о черном волке.

В груди екнуло, откуда ни возьмись появились новые силы. Я дернулась и мигом встала.

Ответы? Наконец-то! Моя голова уже раскалывалась от всех этих загадок и недомолвок. Удивительно, конечно, что Верон и Бринела решили раскрыться одновременно. Я бы подумала, что это слишком подозрительное совпадение... Но эти двое просто не могли быть заодно.

Старшая отвела меня на кухню, где уже сидела Рикс. Рыжая выглядела как-то напряженно и то и дело смотрела на спящего на своей койке младшего брата.

Когда мы с Бринелой приблизились, молодая волчица приподнялась и шикнула:

— Нам действительно нужно говорить об этом сейчас? Лайла тут рядом, да и Рукс... Я не хочу его во все это впутывать!

— Успокойся, Рикс, мы будем тише мышки, — пообещала ей старшая, осторожно усаживаясь на стул.

Рыжую это явно не обнадежило, но, видимо, она поняла, что от споров с Бринелой будет куда больше шума, чем от самого разговора, и потому сдалась.

— Прежде чем я начну, — проговорила старшая предельно тихо, — давай проясним кое-что... — почуяв подвох, я напряглась. Господи, да сколько еще можно прояснять? Впрочем, вопрос Бринелы застал меня врасплох, — ты утаенная, Дарина?

Оторопела от удивления. Да как она...

Распознав мое волнение, старшая поспешно прибавила:

— Если это так, я понимаю твою осторожность. Но ты можешь доверять нам.

Серьезно? Могу? А она высокого мнения о той шайке, которую язык не поворачивается назвать стаей, и в которую мне посчастливилось попасть!

Да, Бринела мне пару раз помогла... Но это еще не смыло впечатление от первой встречи.

— Можешь и не доверять, — вдруг буркнула Рикс, — мы тебя все равно раскусили.

— Рикс! — шикнула на нее Бринела.

— Что? — девушка с притворной невинностью округлила глаза, — я лично ей не доверяю. С какой стати тогда она должна доверять мне?

Что ж... Рикс хотя бы была честна. Но не сказать, что меня ее слова обнадежили.

Старшая тяжело и недовольно вздохнула, опустила голову, замерла в такой позе на секунду. Потом вдруг вздрогнула и проговорила немного сухо:

— Что ж. Ладно. Это правда, мы знаем, — она посмотрела на меня взволновано, — ты увидела храм, когда повстречала свою волчицу. А это место...

— ...это место зазывает к себе утаенных, — перебила ее Рикс.

Я не собиралась скрывать удивление:

— Откуда вы знаете?

— Мой брат, — рыжая нервно провела рукой по голове, — он должен был стать утаенным. Но его не успели спрятать. Укротители помешали провести ритуал. Тогда... — ее голос вздрогнул, Рикс вдруг зажмурилась, и мне удалось различить хрустальные капельки на краях ее глаз. Она с трудом сдерживала слезы, — в общем, — но рыжая на удивление быстро взяла себя в руки, — тогда мы с ним остались одни. И я поклялась защищать его.

Ее стало жаль. Кажется... За этим вздорным характером крылась какая-то трагедия.

— Утаенных совсем немного. Да многие волки считают вас мифом! И мне ужасно не нравится, что в лапах укротителей вас таких уже двое, — прошептала Бринела, — но нам повезло, что вы оба здесь. В одной стае. Если совместить усилия, мы сможем выбраться

отсюда.

— Ты хочешь сбежать? — почему-то в груди кольнуло от этой мысли, а голова закружилась.

Я хотела бы освободиться. Но еще больше я хотела бы вернуться домой. И мы с Вероном уже начали продвигаться в этом деле.

— Рукс очень силен, но он молод, не в ладах со своим зверем. Он может стать неуправляемым. Если ты скажешь, в чем твои способности... Мы сможем придумать, как совместить силу Рукса с твоей, — Бринела нагнулась ко мне поближе, чтобы можно было говорить предельно тихо, — укротители не знают, что вы можете сделать. И это наш козырь. Так что... Да. Я хочу сбежать. И я думаю, что мы сможем стать первыми, кому это удастся.

Все тело зазудело от раздражения. Отлично! Значит мне, на пару с хрупким мальчишкой всех вытаскивать отсюда?..

Глава 17. Откровения с двух сторон — 3

— Ты обещала рассказать мне про храм и черного волка, а вместо этого предлагаешь спасти вас всех? — я недовольно сложила руки и угрожающе прищурилась.

Это место ужасное, тут не поспоришь. Такого места вообще не должно существовать... Впрочем, я чувствовала, что мной нагло пользуются, и это ощущение сдерживало альтруистические позывы.

Да и план не вызывал восторга. Ладно я, взрослая девушка, но Бринела хотела и ребенка отправить на бой!

Зато теперь понятно, почему так раздражена Рикс, и почему она постоянно поглядывает на брата.

Старшая недовольно стиснула губы и мотнула головой. Она хмыкнула, негласно намекая, что разочарована.

«Ах прости, что с радостью не бросаюсь ради тебя в драку!», — подумалось мне, но озвучивать не стала.

— Если ты согласишься помочь нам, то я все расскажу, — заявила волчица.

— Совсем недавно ты просто обещала мне рассказать.

— Обстоятельства изменились.

— Что ж... — я откинулась на спинку стула, положила ногу на ногу и заявила как можно более уверенно, — у меня другое предложение. Ты рассказываешь мне про храм и черного волка, и тогда я подумаю над твоим предложением.

— Ха, — она злобно ухмыльнулась, — не очень-то честный расклад, Дарина.

— Он мог бы быть другим... Но обстоятельства изменились.

Я увидела, как улыбнулась Рикс, но она тут же это скрыла, чтобы не взбесить старшую.

— Я надеялась, что со временем ты поймешь, кто есть кто, и встанешь на сторону своего народа, — процедила Бринела сквозь зубы, — видимо, я ошибалась, и ты думаешь только о себе...

Как же захотелось послать ее куда подальше! Но была надежда, что рассказ про храм и волка что-то прояснит, потому пришлось стерпеть.

Старшая мгновение помолчала, будто бы надеясь, что я брошусь перед ней извиняться. Не дождется.

Тяжело вздохнув, она сказала недовольно:

— Что ж. Хочешь узнать, кто такой черный волк? Отвечу. Я не знаю, кто он, — прежде чем я взорвалась, Бринела прибавила, — как и кто-либо еще. Наши легенды рассказывают о временах, когда еще не существовало Великого волка. Тогда наш народ был легкой добычей, не знал о существовании внутреннего зверя и не умел превращаться. Из тех времен и идет поверье о черном волке. Он насылает на землю тьму, в которой прячутся самые злобные и опасные твари... — старшая сложила пальцы в замок, опустила взгляд, — потом, по легенде, появилась белая волчица. Каждую ночь она в зубах приносила на небо луну, которая разгоняла тьму и пробуждала в нас волков. Черному волку, как говорят легенды, это не понравилось. Они с волчицей сражались за главенство на ночном небе. Черный волк насылал тьму и лишал нас возможности превращаться. Белая волчица разгоняла тьму и возвращала нам силы. Потом они схлестнулись в последней схватке и... Исчезли. Тогда появился Великий волк. Он укротил тьму и сохранил луну. Он был источником нашей силы,

был нашим защитником, нашим богом, — Бринела оскалилась, — пока укротители его не убили.

Сказать, что я была обескуражена — ничего не сказать. Я рассчитывала на адекватную историю, а получила древний миф! И что мне с этим теперь делать?!

— Многие стаи верят, что после гибели Великого волка, черный волк мог вернуться. Кто-то считает, что он снова заправляет тьмой и вскоре все мы лишимся наших сил, а значит, укротители нас окончательно поработят. Некоторые же думают, что черный волк слаб и пока только пытается вернуть себе главенство над ночью.

— Но это же... — я судорожно закачала головой, — но это же бред! То есть... Это сказка. Это не может быть правдой!

— Утаенных тоже многие считают мифом. Но вот ты сидишь перед нами.

Хорошая попытка, но меня не убедило. Хотя... Сомнения в собственном скепсисе закрадывались. Если тут есть пришельцы и оборотни, то почему и не быть настоящим боежствам?

Задумалась об этом на мгновение... Но даже усилием воли не смогла поверить. Пока в глаза не увижу — ничего не изменится.

Хотя... Было кое-что в этой истории интересное. Верон сказал, что черный волк отнял у оборотней-охранников способность превращаться. И в легенде Бринелы черный волк также не давал людям это сделать.

Но это ведь не может быть одно и то же существо! Наверняка, где-то бродит еще один утаенный, как мне подумалось вначале. Утаенный, который, как и я, умеет превращаться сразу в третью форму, а волки по наивности принимают его за воскресшее божество.

Да, это логично и все объясняет.

Но хоть я и поверила собственному рассудку, оставшуюся ночь все равно не спалось. Я ворочалась на кровати, а в голову то и дело приходила глупая мысль: «А вдруг?»...

Глава 18. В самое сердце

Раньше я не любила спорт. Заставляла себя ходить в зал только перед летом, когда ненавистный жирок уже не скроешь под свитером.

Но после объединения с внутренней волчицей я обнаружила у себя нужду в физических нагрузках и тренировках. Особенно в волчьей форме. Без них ты быстро начинаешь сходить с ума, звериная сущность сродни зуду, который невозможно унять. Ты становишься агрессивным, неуправляемым. Бринела рассказывала, что некоторые волки, которые силой воли сдерживают свое превращение, вскоре теряют связь со своей второй сущностью.

По ее описанию это походило на раздвоение личности: в человеческой форме ты один, в волчьей — совсем иной, и обе эти ипостаси едва ли помнят о существовании друг друга.

Почему-то это не вылезало у меня из головы. Я вспомнила, как слилась с белой волчицей, и как не могла контролировать ее.

Знала ли она, что я существую и смотрю на мир ее глазами? Был ли это просто сон или мир, в котором живут все волки, когда мы в них не превращаемся?

От философствований меня отвлек мягкий толчок в бок.

Я чуть не запнулась: старательно пробегала третий круг из пятнадцати, наш норматив на тренировке по выносливости.

Впрочем, дополнительные занятия с Вероном давали свои плоды, и я быстро скоординировалась. Затем гневно глянула на толкавшегося, готовая как следует на него рыкнуть.

Однако стоило увидеть перед собой напряженную Рикс, я придержала ругань. По лицу волчицы было видно: она налетела на меня не просто так.

— Что? — спросила у рыжей, замедлившись.

Та настороженно оглянулась, поравнялась со мной и вдруг шепнула так, будто раскрывала величайшую тайну:

— Тебе нужно попасть в храм. Нам с братом тоже.

— И?

— И... Я знаю дорогу туда, а ты можешь помочь нам сбежать.

— Я уже говорила Бринеле...

Рикс меня прервала:

— Я не о Бринеле. Только ты, я и мой брат. Втроем сбежать легче, чем начинать бунт. Особенно если учесть, что половина здешних волков не лучше Лайлы.

Я оторопела. До сих пор казалось, что рыжая предельно верна Бринеле...

Не подстава ли это?

— Не удивляйся, — Рикс словно бы прочла мои мысли, — хотя здесь главная Бринела, только мой брат — моя семья и моя настоящая стая. Я пойду за кем угодно, лишь бы спасти его.

Невольно крепко сжала челюсть, так что зубы заболели. Все это странно звучало, но почему-то я ей верила.

— И как ты предлагаешь мне искать отсюда выход? — спросила у Рикс озадаченно.

— Ты угаенная. И любимица Верона. У тебя в руках все козыри, — сказав это, рыжая ускорила и отдалилась от меня прежде, чем кто-то заподозрил неладное.

Организовать побег? Рикс переоценивала мои силы. К тому же... Я уже не была уверена, что стоит спасаться отсюда. Здесь всегда рядом Верон, и он действительно что-то делает, чтобы помочь мне.

Он не был из тех людей, которые сразу вызывают доверие, впрочем, он его заслужил. Несмотря на все его странности и заморочки.

И потому это мое доверие к нему было особенно ценным.

В отношении же Рикс я не сомневалась лишь в одном: она действительно сделает все ради благополучия брата. Если для этого будет нужно вонзить нож мне в спину — рыжая и глазом не моргнет.

Да и нужно ли мне в храм?

Черного волка я видела своими глазами. Не было сомнений, что он связан с моим попаданием в этот мир.

А храм? Храм всего лишь мне приснился.

Быть может... Быть может, стоит посоветоваться с Вероном? Закончить двойную игру, раскрыть ему все карты и рассказать, чему учила и наставляла меня Бринела?

Видимо, настало время выбирать сторону.

Пугало и смущало то, что я почти без раздумий решила примкнуть к укротителю, хоть еще совсем недавно считала его опасным врагом, которого просто следует держать ближе к себе.

Закончив последний круг, я решила: в следующую же встречу с Вероном выложу ему все начистоту.

Стало даже жаль, что на дополнительную тренировку укротитель заберет меня только завтра. Хотя когда я остановилась и согнулась, чтобы отдышаться, в спине так стрельнуло, что сразу подумалось: нет, не жаль; мне нужен небольшой отдых.

Пережить бы только тренировку с Шеллой. Она особенно меня «любила», и не упустит возможность поглумиться над вымотавшейся волчицей.

Потому из пятнадцатиминутного перерыва я попыталась выжать максимум. Иронично, но отчаянные попытки побольше отдохнуть, кажется, только больше утомили...

Ну да ладно. Шелла больше не посмеет подвергнуть меня опасности, как в первый раз. Верон ей башку оторвет.

От мысли, что у меня есть такой защитник потеплело в груди.

Я так привыкла со всем разбираться сама, что и забыла, как это чертовски приятно — иметь широкую и крепкую спину, за которой можно спрятаться.

Это ощущение неминуемо привело к мыслям о его сильном спортивном теле, о мускулах, скрывающихся под одеждой...

Щеки загорелись, и я изрядно смутилась. Думать так о Вероне? Кое-кто совсем свихнулся.

Тем не менее отгонять эти нелепые мысли я не стала, и явилась на тренировку с задумчивой улыбкой на лице, которая сразу бросилась в глаза укротительнице.

— Дарина, — позвала она меня так внезапно и резко, что я скукожилась и зажмурилась, как если бы на меня замахнулись молотком.

Вернувшись из раздумий в реальный мир, я увидела, что возле Шеллы стоит взволнованный и взбудораженный укротитель. Еще совсем молодой: форма ему была как будто велика, а с щек до сих пор не сошел юношеский румянец.

Шелла кивком подозвала меня к себе.

Что еще такое?

— Господин Верон хочет тебя видеть, — выдавила она, только я приблизилась, — я тебя отведу, — прибавила тренерша и тут же обратилась к юнцу, — начинай без меня. Как я учила.

Тот явно не помнил, как она учила, но выказывать этого не стал — боялся.

Я же своих чувств скрывать не стала:

— Что случилось? — спросила у Шеллы прямо.

Чтоб она да отводила меня к Верону? Бред! Либо с верховным укротителем что-то случилось, либо тренерша затеяла подставу.

Оба расклада не радовали.

— Кто разрешал тебе говорить? — твякнула укротительница, — иди за мной.

Делать было нечего. Под пристальным взглядом других волков я двинулась прочь с тренировочной площадки.

Шелла спешила и, кажется, даже нервничала. Странно. В прошлый раз она с легкостью дерзила Верону, а сейчас боится заставить его ждать?

Сердце сжалось в предчувствии беды.

Когда мы вышли на парковку, страх усилился, по телу прошло неприятное покалывание, как будто я превращалась в волчицу против своей воли, а взор сам собой метался в сторону леса.

Застывшая в сумерках чаща казалась такой близкой и такой безопасной...

Впереди различалась группа вооруженных людей, но не охранников. Они были одеты в крепкую и наверняка дорогостоящую броню и выглядели серьезными, предельно собранными.

Бойцы сразу заметили нас, и от их тяжелого взгляда я поежилась.

Да что же творится?!

— Дарина! — знакомый голос вернул почву под ноги, а касание теплой сильной руки, схватившей меня за локоть, возвратило уверенность в своих силах.

Верон возник словно из неоткуда. Его хмурое выражение лица обеспокоило, но я все же была рада, что он рядом.

— Ты, наверное, очень довольна собой, — прохрипел укротитель Шелле.

— Очень довольна. А когда займу твое кресло — буду несказанно довольна.

Верон чуть ли не ошетинился от злости.

— Я вспомню об этом, когда вернусь сегодня в свое кресло.

Сказав это, он обхватил меня за талию, оберегающе прижал к себе и повел в сторону машины, возле которой, как гвардейцы перед Букингемским дворцом, стояли бойцы.

Шелла же крикнула нам вслед:

— Ты исчерпал их терпение, Верон. Даже кровные узы тебе уже не помогут.

Он оскалился, но промолчал.

Верон не дерзит в ответ? Не дает сдачу, не преподает урок?

Кажется, дело совсем плохо...

Невольно прижалась к нему еще плотнее и тут же ощутила, как напряжено его тело. Словно бы мышцы окаменели.

Когда мы приблизились к машине, Верон открыл передо мной дверь и шепнул прежде, чем я вошла в салон:

— Прости меня, детка.

Что?..

— Это она? — донеслось с пассажирского места возле сидения водителя.

Я с недоверием всмотрелась в незнакомца, но смогла увидеть лишь его седой затылок.

Он даже и не смотрел на меня.

— Она, — ответил Верон как-то по-ребячески робко.

— Хорошо, ответил мужчина, — надеюсь, ружье ты не забыл. Я хочу закончить с этим до обеда.

Мы сели, и автомобиль тронулся.

Оба, Верон и незнакомец, молчали. Чем дольше это длилось, тем беспокойнее становилось на сердце.

Из головы не вылезали слова про ружье, которое должен был взять с собой укротитель.

Я пыталась придумать логичное объяснение происходящему... Но на ум приходили только самые скверные мысли.

Верон при этом только усугублял все своим поведением: сидел, нахмурившись, исступленно пялился куда-то вперед и все постукивал нервно пальцами по коленям.

Я рискнула спросить у него, совсем тихонечко, что происходит. Но в ответ он вздрогнул, виновато отвернулся и пролепетал только:

— Не спрашивай. Ничего не спрашивай.

Его голос дрожал, будто он готов был расплакаться.

Боже, да что же творится?!

Я боязливо покосилась на лес за окном. Может, стоит раскрыть дверь нараспашку и броситься наутек?

Чутье подсказывало, что я влипла в ужасную историю, но... Разве Верон не предупредил бы меня?

Он бы точно шепнул, что нужно спастись, если бы на то была причина.

А сейчас укротитель, хоть и сидел с напряженным видом, ничего не предпринимал. Наверняка у него есть план. И до сих пор его планы, даже самые безумные, приводили нас к успеху.

Пожалуй... Пожалуй, и сейчас я должна довериться ему.

Это решение не успокоило сердце и не рассеяло страхи, впрочем, я ощутила ободряющую уверенность в том, что сильное плечо, за которым я решила спрятаться, не допустит, чтобы кто-нибудь мне навредил.

Я верила Верону. Не знаю почему, но верила.

Вдруг меня охватила острая нужда показать ему это, и осторожно, чтоб никто не заметил, я взяла его за руку.

Он дернулся, будто намереваясь отодвинуться подальше, но не сделал этого.

Напротив, он крепко сжал мою ладонь, как если бы не намеревался когда-либо ее отпускать, и нежно погладил ее своим большим пальцем.

Выражение его лица при этом почему-то стало еще более виноватым.

Через где-то час мучительного пути машина свернула к опушке и затормозила.

— Пошли, — прокрихтел незнакомец и синхронно с водителем вышел наружу.

Я уж порвалась тоже открыть дверь, но тут Верон молниеносно дернулся ко мне, положил обе руки мне на щеки и заставил повернуть лицо к нему.

— Дарина, я оплошал, — протараторил он взволнованно, — я не знаю, увидимся ли мы еще когда-нибудь...

Что он имеет в виду?!

Не успела задать этот вопрос, как укротитель прильнул ближе, обнял за талию одной рукой, второй осторожно прикоснулся к шее прямо над ошейником.

Прежде чем я успела понять, к чему все идет, он решительно приблизил лицо и поцеловал пылко, жадно...

Сразу после этого, впрочем, он отпрянул и с очаровательной робостью сжал губы.

Я знала, что должна ответить ему на поцелуй, хотела ответить, хотела забыть обо всем и заставить забыть и его...

Но я не успела.

Дверь машины резко открылась и грубый голос дознался:

— Вам нужно особое приглашение?

— Пошли, — Верон подтолкнул меня к выходу.

Выкарабкавшись из машины, я ощутила странное покалывание в районе шеи. Сразу за этим чувством последовало другое — жжение по всему телу, будто по моим сосудам пустили раскаленный металл.

Нечто похожее я ощутила, когда меня насильно обратили перед боем в клетке.

Но сейчас мне точно никто ничего не вкалывал.

Тревога усилилась.

Может, моя внутренняя волчица что-то чувствует? Может, нужно было довериться ей?

Мельком глянула на Верона. Сейчас он был еще более хмурым, замкнутым. Если бы вокруг не творилось не пойми что — приняла бы на свой счет.

Седовласый мужчина, которого до этого я видела только со спины, хлопнул укротителя по плечу, улыбнулся с издевкой и прокряхтел:

— Не кисни, Верон. Ты много раз это проходил. Нашкодил — потерял любимую игрушку. Все как в детстве.

Незнакомец достал из кармана до боли знакомый продолговатый предмет — пульт управления ошейником. Одно нажатие на кнопку, и электрический разряд острой болью прошелся по телу.

Колени подогнулись, в глазах заискрило.

Я тяжело плюхнулась на землю. Мелкие камни, засохшие иглы и лесной мусор впился в колени и ладони.

Задрожав от ярости, я упрямо подняла голову, чтобы одарить обидчика своим самым свирепым взглядом, чтобы показать ему: я не сдамся так просто, — а заодно и увидеть, как с ним лихо и резко, в своей манере, разберется Верон.

Но пыл остыл, гнев заменил леденящий ужас.

В мою сторону уже было направлено ружье. И держал его не седовласый незнакомец, не его водитель, а тот, кому я решилась довериться, тот, кто только что целовал меня и просил ему верить... Верон.

Сердце словно бы пронзило пулей, хотя ружье еще не выстрелило.

Стало так мерзко на душе, что затошнило.

Как он может?..

— Чем быстрее ты спустишь курок, тем быстрее мы уйдем отсюда, — подогнал укротителя старик.

Верон стиснул губы так плотно, что они посинели. Его глаза блестели, но руки не тряслись. Держали ружье крепко и уверенно.

— Кончай с ней, — в голосе старика прозвучало раздражение, — и мы забудем о том погроме в доме Нейса.

Это? Все из-за этого? Так оценивается моя жизнь?!

— Верон... — едва выдавила из себя.

Он вздрогнул и зажмурился, будто мой голос доставлял ему физическую боль, и спустил курок.

Оглушительный выстрел заставил все вокруг зазвенеть. Я почувствовала сильный удар, но боль за ним не последовала.

Тьма забрала меня сразу.

«Она мертва? — слышалось сквозь звон в ушах, — проверь пульс».

«Пульса нет», — ответили совсем рядом, и эти слова стали повторяться эхом.

Пульса нет.

Но ведь это не про меня?..

Прислушалась к своему телу. Сердце... Кажется, оно не бьется. Это и есть смерть?

Шелест внизу. Ощущение мягкой земли под ногами. Я шла куда-то в полной темноте, хотя не давала ногам команду двигаться. Было ли это вообще мое тело?

В черной мгле постепенно начали виднеться ветки, лапы елей, валуны. Они возникали прямо перед лицом, и я не успевала затормозить, врезались в них, но все равно продолжала идти, ведомая неизвестной силой.

И все это время, то рядом, то на большом отдалении, слышалось: «Пульса нет», «Все кончено», «Она мертва». Затем — гул и грохот, вибрация земли. Мотор машины. Звук движущихся шин.

Тьма вокруг стала светлеть и уже больше походила на дымку. Я начала понимать, что не ноги несут меня в неизвестном направлении, а ослабшие, трясущиеся лапы.

Была ли я в своей реальности или там, где встретила со своей волчицей — неизвестно. Но одно точно — сейчас она стояла во главе.

Чутье улавливало мерзкий запах крови. Она, горячая и липкая, текла по белой шерсти, капала на землю и предательски выдавала след раненого зверя.

Волчица не обращала на это внимания и шла вперед. Я всматривалась туда же. Чудилось, будто совсем рядом, за этой седой дымкой, виднеются очертания храма. Будто там ждет спасение. Будто там на пороге, на широких каменных ступенях стоит мама и с распростертыми руками встречает меня.

И в какой-то момент я даже услышала, ясно и отчетливо, крики: «Волчица! Волчица!». Отчего-то не было сомнений, что эти слова адресованы мне.

Да. Меня зовут. Мне пора.

Я будто бы смирилась со смертью, отвергла мысль бороться из последних сил. Казалось, стоит дойти до этого храма за туманом — и мое долгое путешествие окончится, я обрету спокойствие...

Но под лапами возникла длинная сухая коряга, и волчица запнулась. Когда она ударилась мордой о мокрую землю, я поняла: больше не получится сделать ни шага вперед.

Туман снова стал темнеть. Бесконечная тьма подступала, храм исчез где-то в бездне.

Конец...

«Волчица!» — вдруг раздалось снова. Этот оклик я слышала в числе многих звуков, сопровождавших мое предсмертное шествие. Но, в отличие от всех остальных, сейчас он не стал слабее, не сливался со звоном и шипением тьмы.

Напротив, он набрал силу и, когда прозвучал опять, стал в два раза громче и четче.

Я вдруг почувствовала, как кто-то крепко схватил меня за плечо и перевернул. Это было словно прикосновение из другого мира. Я открыла глаза, увидела яркое голубое небо, верхушки деревьев, листву, искрящуюся на солнце, и несколько смазанное незнакомое лицо. Лицо, смотревшее на меня с беспокоеством и заботой.

«Живая!», — произнес человек, склонившийся надо мной.

«Живая», — повторила я мысленно с облегчением, но тут же в глазах померкло и я отключилась.

Больше не было чувства движения, силуэта храма вдали, ощущения, что я в облинии волка. Только тяжелый глубокий сон, который прервался чьими-то громкими голосами.

— Кто она? Откуда? — спрашивал грозно мужчина.

— Она была без сознания, — ответил на удивление спокойно другой голос, — мы перевязали рану. Ей серьезно досталось. Должна была умереть, но...

— Но что?

— Лазутчики сказали, что она прошла почти весь в путь в волчьем облинии, — уже тише он добавил, — она была в чистой форме...

В сердце кольнуло. Я знала, когда люди так резко переходят на шепот — жди беды. Болезненный сон как рукой сняло.

Глаза широко распахнулись, я дернулась, чтобы сесть, но тут же ужасная боль прошла по всему телу, и с трудом получилось сдержать рык.

Проклятье! Да что же это такое?!

Мысли еще не встали по местам, как в шатер, где я очутилась, вошел высокий широкоплечий мужчина. Он смотрел строго и взволнованно, однако, только увидел меня — взгляд его просиял и размягчился. Четко очерченные пухлые губы, на которые я уже когда-то засматривалась, улыбнулись.

Я не верила своим глазам.

Рэйн!

Казалось, день нашей встречи был так давно...

— Дарина? Так это ты?! — шепнул он изумленно и тут же дернулся навстречу, будто собирался заключить в объятия.

В последний момент он, впрочем, остановился. Наверное, вспомнил, что мы едва знакомы.

Почему-то это вызвало дрожь во всем теле.

Я вспомнила тяжелую дорогу по лесу, те странные видения...

Я вспомнила сладкий и нежный поцелуй, а затем горькое предательство.

В горле закололо, обида и чувство беспомощности обрушились на меня.

В этот момент меньше всего хотелось быть тем, кого сторонятся.

Потому, стоило Рэйну замереть в полушаге от меня, я бросилась к нему, вмиг позабыв о боли и слабости, повисла на шее и уткнулась носом в крепкую широкую грудь.

Он был таким горячим...

Сильные руки обхватили меня за талию. Чувство защищенности опьянило, и я больше не могла сдерживаться.

— Рэйн, боже, Рэйн! — заскулила, как собаченка, — он выстрелил в меня, он хотел меня убить! Я доверилась ему, а он... — глаза заболели от слез, язык будто занемел, я с трудом выговаривала слова, но истерику ничего не могло остановить, — а потом волчица... И храм... И мама...

И все это так будоражило, что я прижалась к Рэйну еще сильнее, хотя свежей ране это точно не пошло на пользу.

— Тише, тише... — прошептал он, когда я, наконец, замолкла, — все хорошо. Я здесь. Я не дам тебя в обиду.

Слова, которые должны были успокоить, вдруг укололи. Я вспомнила, как меня обманула его подружка... Не было никаких доказательств, что он не знал о ее предательстве и не помогал ей.

Я отпрянула, спешно убрала выбившийся локон за ухо, как будто ничего со мной и не случилось, а неаккуратная прическа — единственное, что может смутить меня сейчас.

— Тебя нужно хорошенько подлатать, — подумал Рэйн вслух, — чтобы ты смогла дойти с нами до стоянки. Там Грагша тебя выходит.

— С чего ты взял, что я пойду с тобой? — хотела сказать это грозно и уверенно, но вдруг перевязанная рана заныла сильнее прежнего, а ткань потемнела и стала липкой от крови. Видно, я слишком резко дернулась.

От боли согнулась, и ноги стали ватными — едва меня держали. Наверное, упала бы, но Рэйн вовремя схватил за плечи, помогая удержаться.

— Ты пойдешь со мной, — заявил он, — это не обсуждается.

Твердость его голоса подкупала. Или я просто хотела поверить ему, пускай и было слишком страшно вновь пережить предательство... А может, и не пережить. Повезло, что пуля Верона не убила меня, но будет ли фортуна и дальше такой благосклонной?

В глазах вдруг начало темнеть, голова ужасно закружилась.

Рэйн помог сесть, и я поняла, что самостоятельно уже не встану.

Ничего от меня не зависело. Какое отвратное чувство!

— Побудь здесь, — протараторил парень, заботливо погладив меня по руке, — я сбегу за нашими припасами.

Он ушел, оставив меня в тишине и одиночестве.

Почему-то резко стало холодно. Или занемели руки? Кровь из раны расплзлась уродливым красным пятном по повязке.

Я прилегла, и потребовалось немало сил, чтобы не позволить себе отключиться. Страх, что если снова погружусь в темноту, то уже не смогу вернуться, заставлял держаться.

Хотя какая-то часть меня хотела, отключиться, лишь бы сбежать от мыслей.

Как бы я ни старалась заставить себя думать о дальнейших действиях или просто отвлечься на нечто абстрактное и дать разуму передохнуть, в голову лезли воспоминания о случившемся.

Внутри все сжалось, и, казалось, под этим давлением сердце окаменеет, а затем станет твердым и холодным, как алмаз.

В тот момент, когда Верон меня поцеловал... Я почувствовала, будто это правильно, естественно, и иначе просто не могло быть.

Я поняла, что он нравится мне. Очень. Даже его заморочки и странности мне нравятся. Я готова была довериться ему еще больше, беспрекословно...

И именно когда сердце было полностью ему открыто и готово впустить в себя новое чувство, яркое, чуточку безумное и загадочное, как и человек, который его вызвал, Верон меня предал.

Не просто предал. Попытался убить.

По его глазам, по его трясущимся губам я поняла, что он этого не хотел, но... Он сделал выбор. Спустил курок. Хотя мог бы что-то придумать. Мог бы найти выход. Мог бы застрелить тех двоих в конце концов!

От приступа гнева возле раны зажгло, словно от кислоты.

Я скукожилась и подумала: «Трус! Он просто трус. Это с подчиненными он дерзкий, а как появилось начальство — поджал хвост!».

Почему я позволила ему заморочить мне голову?

Рэйн зашел так тихо, что я испуганно дернулась, когда заметила его.

— Это я, не волнуйся, — сказал он уже очевидное.

Он сел на корточки рядом. С собой он принес чистую повязку и какую-то смесь в бутылке.

— Снимай кофту, — попросил Рэйн.

Я оторопела, и парень решил мне подсобить: схватил за низ футболки, в которой я тренировалась, и аккуратно, чтобы не сорвать старую повязку, стянул с меня.

Я осталась в одном спортивном бюстгальтере, из тех, которые выдавали всем волчицам

в тренировочном центре.

Почувствовала себя жутко некомфортно. Рэйн это заметил и попытался предать себе невозмутимый, равнодушный вид. Хотя я видела, как украдкой парень поглядывал на мою грудь.

Он откупорил бутылку с неизвестной жидкостью, и шалаш наполнился резким запахом лесных трав и спирта.

Затем отложил ее в сторону, нагнулся ближе и начал разбинтовывать меня.

Ему пришлось несколько раз почти что прислониться ко мне, чтобы убрать повязку со спины, и в эти моменты, когда я чувствовала тепло его тела, в сердце сначала щемило, будто от тоски, а потом оно начинало биться быстрее.

Его пальцы как бы невзначай скользили по моей коже, вызывая мурашки, которые почти заглушали боль. Она вернулась, когда Рэйн капнул сильно пахнущей жидкостью на старую повязку, чтобы размягчить ее и без вреда оторвать от раны.

— Тише, тише, — шепнул он мне на ухо, только я съежилась от боли.

В тот момент невольно схватила его за руку, чуть выше локтя.

Захотелось почувствовать себя защищенной и слабой...

Твердость его мускулов, жар его дыхания заставили смущенно покраснеть.

В тот же миг я снова вспомнила Верона. На душе стало гадко, будто сейчас я предавала близкого человека. И стоило так подумать — ярость накрыла волной. Какого черта?! Это Верон предатель! Это он должен страдать от мук совести!

Захлестнутая эмоциями, задыхающаяся из-за них, я резко прильнула к Рэйну и поцеловала его в губы.

Не потому что хотела (хотя к Рэйну раньше влекло, возможно, влекло и сейчас, но я просто не понимала этого).

Мне нужно было почувствовать что-то... Что-то помимо боли, растерянности и злости.

А, может, мне просто хотелось отомстить. И заодно доказать самой себе, что мое сердце свободно и никому не принадлежит.

Рэйн ответил мне, но не так пылко, как я рассчитывала.

Через мгновение он уже отстранился и, покровительственно погладив меня по руке, сказал:

— Ты сейчас очень слаба. Поспи.

На душе стало еще более гадко, я почувствовала себя душой.

Но спорить с Рэйном не стала. Скрепя сердце опустилась на лежанку и, неожиданно для самой себя, сразу уснула.

Лишь когда впереди показались знакомые очертания вигвамов, я поняла, что так толком ничего и не рассказала Рэйну.

Мы выдвинулись сразу, как я проснулась, и говорить в окружении посторонних не хотелось.

К тому же... Я чувствовала неловкость. И какой черт меня дернул его целовать?! Теперь даже смотреть на него стыдно.

Будто мало мне было проблем и неприятных чувств! Кажется, скоро я окончательно сойду с ума и начну творить полную ахинею.

Но нужно было взять себя в руки. Я вобрала в легкие побольше воздуха, затем медленно выдохнула, и все потихонечку выстроилось в логическую цепочку.

— Рэйн, — подойдя ближе и взяв его за руку, чуть выше локтя, я шепнула, — есть кое-что, что ты должен знать...

— Что? — он посмотрел на меня беспечно.

— Укротители... — не знала, как начать, — в общем... Им меня сдала одна из твоих волчиц, — специально не стала говорить: «Твоя подружка». А вдруг она и не подружка вовсе? А с учетом того, что я вчера его целовала... Самодовольный Рэйн может посчитать, что я жестоким образом избавляюсь от соперницы.

Но шпион укротителей в стае — дело серьезное. Альфа должен это понять.

И, кажется, он понял. По крайней мере, лицо Рэйна стало напряженным. Но... не удивленным.

Либо он сам уже подозревал неладное, либо мои старые догадки были верны, и они с подругой действуют заодно.

Заныла рана. Если все обернется против меня — далеко убежать не смогу.

Проклятие. И долго придется существовать на грани?!

Рэйн и его разведчики вскоре миновали вигвамы и вышли к главному костру, возле которого уже готовились к общему ужину. Пришлось отбросить все мысли и сомнения, ведь сейчас настало время для действий.

Соплеменники встретили альфу и его отряд радостно, но тихо и мягко. Видно, они ушли не так давно и не планировали совершать ничего опасного.

Меня словно бы не заметили... Но это чувство исчезло сразу, как со стороны донесся хриплый, но отчетливый возглас:

— Утаенная? Дарина?

Странно, но Грагшу я узнала мгновенно. Хотя ничего особого она для меня не сделала, на сердце потеплело. Иногда само по себе приходит уверенность: это тот человек, который нужен мне сейчас. Я знала, что это чувство никогда не бывает ошибочным.

— Вы помните мое имя? — я легко улыбнулась, но немного замялась.

Старуха же, казавшаяся еще более дряхлой и древней, неожиданно резво соскочила с плетеного кресла, вмиг очутилась передо мной и крепко обняла, будто я была ей родной.

— Мы беспокоились о тебе, утаенная, — отстранившись, заявила Грагша с чуть различимым упреком, — ты так внезапно исчезла... — она увидела повязку на боку, нахмурилась встревоженно и дозналась, — что с тобой стряслось?

— Мы нашли ее раненной в лесу, — ответил за меня один из парней Рэйна. Я узнала его голос — он и нашел меня, еле живую, — в нее стреляли.

Старшая мать насупилась и покачала головой.

— Тебе следовало довериться нам, а не убегать... — прохрипела она.

— Я не убегала, — ответила тихо. Взгляд сам собой пробежался по лицам людей, столпившихся вокруг нас. Он резко остановился на одном из них — бледном, напряженном, хмуром. Только через мгновение я поняла, что это та самая девушка, подружка Рэйна, которая сдала меня укротителям.

Не успела сказать ни слова, как прозвучал негромкий и низкий голос альфы:

— Лана?

Он смотрел прямо на предательницу, и та, не выдержав, потупила взор. Тут же Рэйн перевел взгляд, грозный, почти звериный, на меня.

Я кивнула.

На душе стало как-то мерзко. Хотя в этой истории я и была жертвой, но... Сам факт того, что я в этой истории замешана, заставлял чувствовать себя вляпавшейся в дерьмо.

— Утаенная сказала, — заговорил Рэйн громко, видимо, обращаясь ко всей стае, — что одна из наших соплеменниц обманула ее и передала в руки укротителям.

Люди зашептались. Начали с подозрительностью переглядываться. Странно, но этому заявлению они сразу поверили. Либо полностью доверяли Рэйну, либо сами давно что-то подозревали.

Может, и то, и другое.

— Лана, — произнес альфа, и все взгляды устремились на нее, — может, тебе есть что сказать на этот счет?

— Мне? — она прищурилась и немного задрожала, — я всю жизнь была рядом с тобой, а ты подозреваешь... По одному ее слову? По слову чужачки?!

— Она утаенная, — шепнула ей одна из женщин.

— Я в это не верю, — рыкнула Лана.

— Значит, ты не веришь моим словам? — вступилась Грагша.

Лана скукожилась, а волчицы постарше сердито зароптали.

— Тихо! — раздался вдруг возглас Рэйна. Когда все стихли, он заговорил, — в тот день, когда Дарина исчезла... Помнишь, Лана, как стая говорила с тобой? Как один из разведчиков рассказывал, что видел вас вдвоем? А ты клялась, что это неправда?

— Это была неправда, — проямлила Лана.

— Тогда почему утаенная утверждает обратное?

Лана вздрогнула, задумываясь над ответом.

— Откуда мне знать?! — воскликнула она злобно, — она пытается меня подставить!

— Зачем же ей это?

— Я не знаю! Почему бы тебе не допросить ее вместо меня?!

Рэйн с силой выдохнул воздух из раздувшихся ноздрей. На мгновение он напомнил уже не волка, а разъяренного быка.

Его руки напряглись, и стала видна каждая мышца. Он рванул к Лане и, встав прямо перед ней, чуть ли не вплотную, прорычал:

— Дарина — утаенная, укротители гнались за ней, как и за мной, когда мы встретились. Она не успела обмолвиться с тобой ни словом, когда я привел ее в племя. Зачем ей тебя подставлять? К тому же теперь мы точно знаем, что она была у укротителей, ее рана

огнестрельная. Она чуть не истекла кровью в лесу. И, думаешь, я поверю, что первой ее мыслью, когда мы привели ее в сознание, было подставить тебя? Девушку, с которой она даже ни разу не разговаривала?!

— Может... Может, она работает на укротителей? Об этом ты не думал?! — голос Ланы повысился и походил на писк.

— И укротители поставили ей задачу избавиться от тебя? Чем ты можешь быть так важна?

Эти его слова, кажется, ужасно задела девушку. Она опустила голову и закачала ею, молча все отрицая.

— Лана, — Грагша подошла к ней и тростью отстранила взбаламученного Рэйна, — скажи нам правду.

Та всхлипнула носом. Неужели решила разжалобить слезами?

Когда она тихонечко ответила, я поняла, что девушка действительно готова расплакаться:

— Я не сделала ничего плохого. Я никогда бы не сделала ничего против своей стаи.

Эти слова были слишком неоднозначными. Соплеменники зароптали, Грагша задумчиво нахмурилась, а Рэйн... Рэйн, кажется, уже все для себя решил.

— Заприте ее. Завтра я придумаю, что делать дальше.

Никто не стал спорить. Двое мужчин взяли Лану под руки и повели прочь. Уже отходя от главного костра, она прошипела: «Это все неправда. Это ошибка». Но ее же соплеменники вдруг стали глухи к ней.

— Ничего, — Грагша похлопала меня по плечу, когда Лана с сопровождением скрылась за вигвамами, — мы разберемся. А тебе следует отдохнуть. Ты многое пережила и, надеюсь, ты все расскажешь.

Глава 20. Опрометчивые решения — 2

Меня довольно быстро определили в один из женских вигвамов. Тут все было скромно, никаких кроватей, никакой мебели, только лежаки да корзины, но я уже привыкла к спартанскому образу жизни.

Хотелось просто плюхнуться на что-то более или менее мягкое, отпустить все тревоги и хорошенько проспать.

Но покой нам только снится. Когда наступила долгожданная ночь, я не смогла успокоиться.

В темноте мерещились глаза зверя. Красные, злобные.

Кровожадный взгляд проникал прямо в душу. Слышался лязг острых клыков и прерывистое рычание.

Холодок пробежал по спине. Я перевернулась набок в надежде, что тканевые стены вигвама не такие плотные, как навес, и пропускают сквозь себя хоть немного света от костров дозорных.

Но не стоило даже мечтать. Снаружи, кажется, все утопало в темноте. И в этой темноте я неизменно видела зверя.

Хотелось спать, но было страшно хотя бы закрыть глаза. Стоит только погрузиться в дремоту, и тот страшный зверь вырастет передо мной, вцепится острыми когтями и растерзает в клочья.

Это был бы всего лишь кошмар... Но боялась я так, будто смерть грозила мне наяву.

Нет. Тут как ни старайся — не уснешь. Я села на лежанке. Спутавшиеся черные волосы упали на лицо и защекотали его.

Жизнь менялась так стремительно, что я не успевала все осознать. Новый мир, волки, укротители, Верон... Так много всего, а в душе сейчас — пустота.

И как же сильно, невыносимо сильно хотелось ее чем-то заполнить!

Мотнула головой, отгоняя гнетущие мысли. Но те, казалось, только раззадорились и стали сильнее.

Нужно подышать. Да. Свежий воздух — именно то, что мне поможет.

Никогда раньше не успокаивала себя таким образом, но сейчас почему-то не сомневалась в его действенности.

Как можно тише, чтоб не разбудить соседей по вигваму, я вышла на улицу.

Ночь выдалась на удивление теплой и мягкой. Сладко шелестела листва, трещали ветки сухих кустарников, потревоженных ласковым ветром.

Воздух был влажным. Пахло землей, смолой и костром.

Над стойбищем возвышалось звездное небо.

Всмотревшись в мерцающие светила, я невольно подумала, что где-то там прячется в темноте родная планета Верона.

Тут же пришла мысль: там же, где-то, крутится вокруг Солнца и Земля.

Странно, что я вспомнила о ней во вторую очередь...

— Не спится? — вдруг раздалось справа.

Дернувшись, увидела рядом с собой Рэйна.

У него был усталый озабоченный взгляд, и мне отчего-то показалось, что он чувствует все то же, что и я.

— Да... — вымученно улыбнулась, — захотелось подышать воздухом, подумать, расставить все по полочкам.

— Иногда лучше не думать, — сказал он как-то резко.

— В смысле?

Рэйн подступил ближе и задумчиво произнес:

— Ведь мы волки, у нас обострены все чувства, мы во всем руководствуемся ими. А мысли... — он медленно прошел вперед, словно ноги сами повели хозяина прочь от вигвама, — мысли только мешают. Путают нас, сбивают с толку.

Рэйн не остановился и, чтобы не обрывать резко разговор, я проследовала за ним.

Так, слово за словом, мы подошли к границе стойбища.

— Я ведь сразу почувствовал, что ты особенная, — вдруг сказал Рэйн, остановившись подле огромного пня.

— Сразу? — переспросила с неожиданной для себя игривостью в голосе.

Почему-то у него засияли глаза, а у меня оттого потеплело в груди.

— Да. Как только повалил тебя на землю тогда в лесу. Только представить не мог, что ты настолько особенная, — он уселся на пень, — но чутье не подвело, — внезапно Рэйн помрачнел, опустил взгляд и прибавил, — и с Ланой оно не подводило. Ведь знал... Чувствовал, что что-то не так!

Отчего-то меня пронзила злость. Злость, казалось, совершенно иррациональная. Меня взбесило, что Рэйн думает о ней, что так из-за нее переживает. Но, спрашивается, как ему не думать? Кажется, они были близки... Да и если не о ней, то о ком ему еще думать? Обо мне?!

И все же сдержать раздражение было сложно. Но я постаралась: сделала выражение лица максимально понимающим и осторожно села рядышком.

— Ведь я так давно ее знаю, мы столько пережили вместе, а она... Прodelьвала такое у меня за спиной! — видно было, что Рэйн не привык ни жаловаться, ни делиться сокровенным, однако сейчас чувства его переполняли, и парень едва держал себя в руках.

— Вы были близки, да? — спросила почему-то робко.

— Да... То есть... — он тяжело вздохнул, замолчал, чтобы точнее сформулировать, — я чувствовал, что что-то не так, поэтому отдалился от нее. Как-то интуитивно, видимо.

Мы разом замолчали. В такие моменты обычно хочется побыстрее что-то сказать, прогнать тишину... Но не сейчас.

Мне было искренне жаль Рэйна, я понимала его боль, однако в глубине души была... Нет, не рада. Это совсем не то слово, хотя другое не приходило на ум.

Мы оба были преданы совсем недавно. Мы оба страдали. Но находилось нечто утешающее в том, что нас таких хотя бы двое.

Становилось уже не так одиноко.

— Дарина, — вдруг прервал он молчание, — помнишь, когда я тебя нашел... — парень осекся и сконфузился.

Было странно видеть сильного и мужественного Рэйна таким, и я сначала растерялась. А потом внезапно поняла, о чем он, и в голову ударил жар. Кажется, я покраснела, как школьница.

Ведь я его поцеловала! Поцеловала и тут же забыла со всеми этими разговорами и ссорами.

Боже, я была совсем не в себе!

— Почему ты это сделала? — Рэйн резко переменялся в лице: стал серьезным и даже строгим.

— Я не знаю, Рэйн, — промямлила в ответ. Совсем растерялась и теперь уж говорить нормально не могла.

— И все же? — отчего-то он напирал, даже схватил меня за руку, придвинулся.

Я испугалась, но меня это даже отрезвило.

Посмотрев на него прямо, сказала:

— Мне хотелось почувствовать... Почувствовать хоть что-то хорошее, хоть что-то приятное.

Почудилось, будто ответ его разочаровал, может, даже чем-то задел. Однако Рэйн быстро скрыл свои чувства за улыбкой, и я уже начала сомневаться, было ли вообще это разочарование.

— Понимаю, — проговорил Рэйн и чуть погодя прибавил, — наверное, сейчас я чувствую то же самое... Странно. Вроде с Ланой в последнее время были сложные отношения, но когда ты рассказала правду о ней... Это было как ножом по живому. Вот бы действительно забыться. Хоть на час, хоть на минуту.

Мысли о Вероне сами собой пришли в голову, и в груди все заворочалось.

Какое отвратное чувство! Как будто паразит двигается меж ребрами, кусается и царапается своими крохотными лапками.

И не заметила, что от всего этого крепче сжала ладонь Рэйна.

— Ты... — вдруг шепнул он робко и удивленно, — ты тоже хотела бы забыться? — оглянув меня взволнованно, Рэйн вдруг мотнул головой, наверное, понял, что ляпнул совсем уж лишнее, и попытался сгладить все вопросом, впрочем, произнесенным с искренним участием, — что с тобой случилось? Ведь было еще что-то, что ты не рассказала.

Словно бы иголки вонзились в сердце. Боже, ну почему я так чувствую? Почему я так мучаюсь? И из-за Верона!

— Нет, — рыкнула невольно, — я не хочу говорить.

Голова закружилась, а сердце забилось так быстро, что стало душно. Ужасное, омерзительное ощущение нарастало и грозило захлестнуть, как цунами.

— Но я бы тоже хотела... Тоже хотела забыться, — сказала сквозь силу, будто этими словами выражала не свое, пускай безумное желание, а признавалась в слабости, признавалась, что уже не способна самостоятельно со всем справиться.

Рэйну хватило ума промолчать. Может, собственная боль и обида научили его распознавать и чужие чувства.

Он кивнул, поднялся и потянул меня за собой.

Сердце екнуло. Но испугалась я не Рэйна и того, о чем мы слишком просто договорились, а мысли, что и сейчас, вместе с ним, ничего не почувствую.

В полном молчании мы двинулись по стойбищу. К счастью (или нет?) никто не попался нам пути, иначе я бы точно сгорела со стыда и струсилась.

Не отпуская моей руки, Рэйн довел меня до своего шатра.

Как вожак стаи, он жил один.

Внутри было темно, едва различишь силуэт стоящего рядом человека.

Это было сложно, но я не поддавалась искушению представить на месте Рэйна кое-кого другого. Такие фантазии только бы все усугубили.

Рэйн молчал, и я была благодарна ему за это. Слова сейчас совсем не к месту.

Он подошел ко мне с осторожностью. Наверное, и сам до конца не понимал, как могли мы так легко и так отчаянно к этому прийти.

Он едва коснулся губами моей шеи, легко, почти неощутимо погладил по спине, снял с меня большую, не по размеру, кофту с такой осторожностью, будто одно лишнее движение могло разбить меня на кусочки.

Я и сама вмиг растратила всю свою уверенность и вела себя почти как девственница: скромно, неуклюже...

Но вот еще одно прикосновение, еще одно объятие, уже более крепкое, еще один поцелуй, вздох, прозвучавший громче, чем я ожидала... И все вокруг закружилось.

Мир стал выглядеть чуточку иначе, мысли сначала стали более простыми, а потом полностью затихли.

Наверное, в тот миг я чувствовала себя больше волчицей, чем человеком.

Наверное, то же было и с Рэйном.

И хотя бы на ночь, на одну тихую, спокойную ночь, нам удалось забыться.

— Я имею право с ним поговорить! Имею! — этот крик разбудил меня.

— Зачем ты привел ее? — гаркнул кто-то совсем рядом.

— Так ведь... — замялся некто, но женщина, которая разбудила меня, перебила говорившего:

— Потому что я имею право!

Прежде чем мысли расставились по полочкам, раздался шелест: кто-то резко одернул занавеску, закрывавшую вход.

В глаза ударил свет, и вдруг вошедшего в шатер человека не удалось узнать. Но стоило только снова раздаться женскому голосу, ставшему внезапно тихим и слабым, я поняла, кто это.

Лана.

— Ты... — она шагнула навстречу, ее лицо стало различимым.

Я увидела, что она невыносимо бледна, а ее губы дрожат.

Лана смотрела на меня так прямо и пристально, что я остолбенела и не вспомнила даже, что лежу на шкурах и мягких тканях совсем голой...

— Лана... Что ты тут делаешь? Кто тебя впустил?! — грозный крик Рэйна заставил вздрогнуть, очнуться и поспешно прикрыться.

— С ней... С этой чужачкой... Так сразу. Так легко, — Лана забормотала, как полоумная.

Рэйн вскочил, будто хотел подойти к ней и успокоить, но осекся, прежде чем сделал хоть шаг, и прошипел с какой-то змеиной злобой:

— Ты первая меня предала. Ты! Не я!

— Я спасала нас! Все, что я делала, я делала только ради стаи... Ради тебя! — ее лицо побагровело, на уголках глаз заблестели слезы, — а ты... — Лана замотала судорожно головой, вдруг она странно дернулась, видимо, ошпаренная мыслью, и снова посмотрела на меня.

Во взгляде девушки виделась нескончаемая злоба:

— Нет... Ты! Это ты виновата! Ты!

Ни Рэйн, ни тем более я, не могли предугадать, что Лана перейдет к решительным действиям.

Она метнулась ко мне, в мгновение ока схватила за шею и начала душить так сильно, как только могла.

Исступленно я схватила ее за руки и попыталась отцепить от себя.

Рэйн сперва стоял в стороне, остолбеневший. Кто знает, о чем он в этот момент думал, и кого из нас троих винил... Но через мгновение он дернулся к Лане и, подхватив под мышками, отдернул в сторону.

Но... Среагировал он поздно.

Я вышла из себя. Почувствовав вновь опасность, я не смогла сдержать звериную злобу. Волчица проснулась во мне. Она не желала терпеть боль и унижения ни секунды больше и, почуяв, что никто уже ее не контролирует, решила встать во главе.

Я обратилась в мгновение ока. Так быстро, почти мгновенно, мое тело никогда еще не

трансформировалось, и почудилось, что после такого у меня вовсе не окажется ни сил, ни возможности вернуться в привычную форму.

Отчетливо послышался запах пота, запах леса, мха и влаги. Почти что одинаково пахли все волки — члены одной стаи — только от Ланы исходило больше страха, чем от других.

Остекленевшими глазами она уставилась на меня, обомлела. Вытянулись в удивлении лица тех, кто впустил подругу Рэйна в шатер. Побелел и сам Рэин, но в его выражении читались все же больше восторг и ликование, как у человека, который долго всем что-то говорил и, хотя никто с ним не соглашался и не верил ему, в конечном счете оказался прав.

— Истинная форма... — шепнул кто-то из мужчин, приведших Лану.

— Этого не может быть... — рыкнула та, но ее голос сорвался на писк, — это ничего не значит!

Злоба уколола в сердце, а от обиды потемнело в глазах. Хотя в словах Ланы сейчас уже не было того, что могло меня обидеть... но это как-будто бы задело ту часть меня, которая была волчицей. Длинные когти царапнули землю, большая голова опустилась, словно перед прыжком. Я поняла, что совершенно не контролирую свое тело, прямо как... прямо как во время одного из тех трансов, в которые вводила меня Бринела, и в котором я находилась, когда истекала кровью в лесу.

Волчица действовала сама, я была лишь наблюдателем.

Вдруг голова дернулась вверх, запрокинулась, и из глотки вырвался неистовый вой. Протяжный, пронзительный. Он будто бы породил разрывающую мир на части вибрацию, которая вызвала у всех, кто находился рядом, ослепляющую боль в голове.

Рэин, Лана, те двое, кого я не знала по именам, зажмурились, согнулись, оскалились.

Заметила, что у них начинают пробиваться сквозь кожу жесткие волосы, темнеть глаза, удлиняться конечности...

Боже, да они обращались!

Внутри у меня все дрожало. Сделала усилие, чтобы выхватить у волчицы власть над телом, а затем вернуть себя в человеческую форму: в звериной сложно было думать, инстинкты и чувства перекрикивали мысли. Но старания не увенчались успехом.

Испугавшись то ли последствий воя, то ли моей попытки вернуть главенство, волчица метнулась к выходу из шатра и вырвалась на озаренную палящим полуденным солнцем улицу.

Члены стаи уже заподозрили неладное и в тот момент, как я оказалась снаружи, двинулись к шатру. Но стоило им заметить перед собой ослепительно-белую волчицу — остановились, пораженные, как и свидетели моего превращения. Кажется, только один человек не только не удивился, но и точно знал, что делать.

— Держите ее! — прозвучал рьяный оклик.

Этот хрипящий женский голос прозвучал в тишине так же громко, как и вой белой волчицы. И произвел не менее удивительный эффект.

Члены стаи разом излечились от паралича, разом восторжествовали и все, как один, бросились на меня.

Сердце упало в пятки (если у волков они есть). Задавят! Разорвут!

Но мысли были обманчивы.

Первые оказавшиеся рядом, крепкий подросток лет четырнадцати, и две женщины бальзаковского возраста, схватили меня, кто за шкуру, кто за лапы, как-то сочувственно нежно и попытались уложить навзничь. Стало стыдно, когда волчица залягала острыми

клыками, пытаясь укусить подростка, а длинными когтями умудрилась расцарапать плечо одной из женщин.

Сердце ужасно заколотилось, кровь прилила к голове, стало жарко, звериные чувства усилились, и я, та часть меня, которая была Дариной, которая была человеком, словно бы начала тонуть в темноте.

Почудилось, что если я утону — белая волчица навсегда станет главной, а я засну глубоким сном на много лет, как спала она, пока я мерно жила на Земле. Подросли другие члены стаи. Среди них и несколько мужчин. Общими усилиями волчицу обездвигили. Она отчаянно заскулила и принялась злобно кусать воздух. Она была испугана, а я молилась про себя так громко, как никогда и никому не молилась.

«Разбудите меня! Разбудите!», — звенела в голове мысль. Звериного становилось все больше. Я будто задыхалась.

Когда волчицу прижали к земле так крепко, что она уже не могла двигаться, вперед выступила сгорбленная фигура с длинной палкой в руках.

Это была Грагша. Надежда затаилась в душе. Главная мать точно знает, что делать! Она вытащит меня. Обязательно вытащит! Она не позволит этой темноте, этой звериной сущности утянуть меня в долгий сон...

— Ты должна стать с ней единым целым, — проговорила Грагша, снимая с посоха один из мешочков, в которых, как я знала по собственному опыту, хранились ее особые смеси.

Содержимое этого мешочка она бросила в морду волчице. В носу защекотало. Мне показалось, что сейчас я вырвусь из-под власти зверя и снова стану собой.

Но чувство оказалось обманчивым. Ослабев на мгновение, тьма вокруг вдруг усилилась, и в один момент меня утянуло в темноту.

Я не успела испугаться, не успела разозлиться на Грагшу, которая должна была мне помочь, но лишь все усугубила. Ноги уперлись о твердую ровную поверхность, как если бы я внезапно обратилась обратно и уже спокойно встала.

Однако место, где я очутилась несколько не походило на стойбище стаи. Темный лес, утопал в, казалось, вечном сумраке.

Это было то самое место, куда я попадала во время транса; где я встречалась с белой волчицей.

"Я ему это не прощу", — разнесся голос так внезапно, что я вздрогнула.

Это был не незнакомец. Мужчина, которого я лучше бы не знала. Мужчина, одна только мысль о котором, зажигала во мне пламя то ли ярости, то ли... Чувства, которое я уже ни при каких условиях не согласилась бы признать.

— Верон?! — шепнула на выдохе, оборачиваясь в сторону звука.

Пальцы сжались в кулак, брови опустились к глазам, лоб наморщился так, что заболела голова. Наверное, выглядела я в этот момент устрашающе... И должна была так выглядеть! Верон, пусть даже ненастоящий, теперь должен меня бояться.

Но перед собой я увидела вовсе не укротителя. Маленький мальчик, лет десяти, весь растрепанный, с заметной щербинкой между передними зубами. Выглядел он как настоящий шалопай: щека разодрана, ветки и листья застряли в непослушных волосах, на коленке порваны штаны... Одно выбивалось из образа: невероятно серьезный холодный взгляд.

— Я ему это не прощу, — раздалось снова, но уже другим, детским голосом. Мальчик растопырил пальцы и странно их осмотрел. Приглядевшись, я вздрогнула. Вместо ногтей у ребенка были длинные и острые волчьи когти.

Значит, этот мальчик такой же, как и я...

Не знаю, со сколько лет дети начинают обращаться, но в этом мальчике виделось что-то противоестественное, надломленное. Какими-то необычайно острыми были его когти, какой-то по-особенному жесткой чуть выбивавшаяся из-под кожи черная шерсть, и глаза... Глаза постепенно желтели, а горевшая в них злоба и обида превращались в звериное неистовство.

— Нет! — мальчик вдруг дернулся, весь напрягся и усилием воли остановил трансформацию. Когда его тело пришло в норму, он прошипел не по-детски злым голосом, — не прощу, не забуду... Буду в себе копить и держать, пока не отомщу!

На краешках глаз блеснули слезы. Ребенок выглядел одновременно потерянным и решительным, как человек, которому только что прочитали смертельный приговор.

Кажется, он хотел сказать еще что-то, но издали донесся оклик, который его осек:

— Где этот мальчишка?!

Интуитивно перевела взгляд на кричавшего и увидела вдаль, на возникшем как бы из ниоткуда песчаном утесе группу людей в одеждах охотников. Возглавлял эту группу человек в форме укротителя.

У него были знакомые, до боли знакомые черты... хотя я не могла различить лицо, по фигуре, по позе, по голосу мужчина напоминал Верона.

Это как понимать? Мое подсознание освещает его в худшем свете? А если этот сон, эти видения — нечто большее, чем кажется? Что если я вижу то, что было в действительности, и Верон не только предатель, но и всерьез преследует бедного мальчика?

В груди заныло от мысли, как жестоко могут поступить пришельцы с маленьким волчонком. Поэтому, когда я снова посмотрела в сторону мальчика и не обнаружила его перед собой, на душе полегчало.

Если все это происходило взаправду... может, бедолаге удалось сбежать. Может, он все еще ходит по земле и вынашивает план мести Верону?

Тогда я бы с радостью ему помогла!

В районе солнечного сплетения неприятно заныло. Так бывает, если бессовестно врешь, особенно самому себе.

Стоически проигнорировала это чувство.

Невольно мотнула головой и, моргнув, вдруг почувствовала, как нечто твердое и холодное упирается мне в лицо.

Отчетливо запахло мхом и влагой. Приятное вечернее тепло обволакивало кожу, голоса людей стали тихими и почти что убаюкивающими.

Проснулась.

Слава тебе, Господи.

Впрочем, радость продлилась не дольше секунды. перевернувшись на спину, увидела рядом хмурую Грагшу, которая неразборчиво шептала что-то помятому и какому-то усталому Рэйну.

Заметив, что я пришла в себя, старшая мать замолкла, а парень с сочувствием натянул губы.

— Все сложнее, чем я думала, — сказала внезапно старуха.

Сложнее? да неужели?! Всплеск злости был похож на пчелиный укус: меня сначала будто уколело, а потом ядовитый жар побежал по телу.

— Как же меня все это достало! — вспыхнула, вскакивая.

— Дарина! — Рэйн подался ко мне и схватил за локоть, — успокойся! — нежность в его голосе резко заменил повелительный тон.

Это лишь подлило масло в огонь. Выдернув руку, я отчеканила:

— Что?! один раз меня трахнул и теперь решил, что можешь приказывать? — Рэйн отшатнулся, изумленный, и оскорблено на меня уставился, — а не пойти ли тебе... — вдруг я вспомнила про Грагшу, и моя внутренняя истеричка, которой дали, наконец, волю выплеснуть накопившееся, решила, что отдуваться должен не только Рэйн, — да пошли вы все! Со своими трансами, смесями и вуду! Вы у меня уже поперек горла стоите! Вы... — тут я осознала, что уложили меня посреди стойбища, возле общего костра, где собиралась по

вечерам стая. И хотя до этого часа еще было далеко, и все пока занимались другими делами, любой и каждый видел и слышал меня сейчас, — все... — стоило бы остановиться, но истеричка решила иначе, — вы все меня достали! Ненормальные дикари! Я и духа вашего больше не выдержу, — понимала, что говорю лишнее, и никто, кроме Грагши да Рэйна, даже примерно не представляет, что происходит и чем они провинились... Но время остановиться, извиниться и взять слова обратно упущено. Я пошла до конца, — ноги моей больше не будет в этой стае! — рыкнула, как итог, и, развернувшись на девяносто градусов, метнулась прочь со стойбища. Я успела дойти до границы лагеря и скрыться под тенью опушки, прежде чем чья-то сильная рука меня поймала и заставила остановиться.

— Ничего не хочу слушать, Рэйн, — ответила, не оборачиваясь! почему-то не было сомнений, что это он. Кто еще б кинулся за мной?

— Не надо слушать, — ответил альфа, — лучше сама скажи.

— Что сказать? — огрызнулась я и посмотрела на него грозно. Рэйн глядел с подкупающим добродушием.

— Все, что хотела сказать, но не позволяла себе, — он качнул плечами и признался с сожалением, — ведь ты немало пережила. А никто из нас даже не удосужился послушать спросить, что ты хочешь, что ты, именно ты, собираешься делать.

Стало совестно от того, как я взбесилась и наорала на него.

— Мы только и делали, что думали за тебя и решали за тебя, — тем временем продолжал Рэйн, — а с тобой так нельзя, — он усмехнулся, его взгляд еще больше потеплел, — теперь я вижу. Ты настоящая альфа, как и я.

Мы с Рэйном отошли подальше от стойбища. Никто не мешал нам, разве что в самом начале пути из-за старого поваленного дерева выглянула пара взволнованных женщин, но вожак дал им знак рукой, что все хорошо, и те молча ушли.

Я не сразу начала говорить.

Все чудилось, будто кто-то за нами следит и бессовестно подслушивает. А стоило убедить себя: это ерунда и лишь плод воображения — в горле вырос твердый ком, будто бы забаррикадировавшей дорогу словам. Как я ни силилась, выдавить из себя хоть звук не получалось. Выходило только вздыхать и порой сердито прочищать горло. Рэйн не давил, не подгонял. Медленно шел рядом и молчал.

Однако его лояльность даже немного подбешивала. Ощущение, будто я зря тяну время и заставляю его так долго ждать, лишний раз выводило из себя. Первая фраза никак не выстраивалась в голове. Казалось, что каждое произошедшее со мной событие неописуемо важное, и одной непродолжительной прогулки не хватит, чтобы все описать, однако стоило только раскрыть рот — и все эти важные события начинали казаться чепухой.

Я боялась, что Рэйн посмеется надо мной, пусть и не со зла... наверное, если он посмеется не со зла, снисходительно, будет хуже всего. Я почувствую себя еще более слабой, испуганной и одинокой. Представать перед ним такой не хотелось, он назвал меня альфой, и я почему-то заиклилась на мысли, будто отныне должна этому волчьему "званию" соответствовать. невозможность начать рассказ начала потихоньку сводить с ума. Взгляд заметался из стороны в сторону, будто от вида камней, деревьев, старых пней и коряг, у меня развязался бы язык, и, когда раздражение и злость на себя переросли в почти что панику, когда от кома в горле не то что говорить — дышать стало сложно, плотину прорвало.

"Укротители"...", — произнесла я чуть слышно и тут же автоматной очередью посыпались предложения. Они шли одно за другим, быстро и неразборчиво. Казалось порой я не заканчивала слово, чтобы поскорее перейти к другому. Мой голос то и дело срывался, начинал дрожать, я заикалась, прерывалась на всхлипывания и вздохи... Но все это уже было не важно. Я говорила.

А Рэйн меня слушал. Слушал с подкупающей внимательностью и участливостью. В выражении его лица, во взгляде не читалось ни скептицизма, ни усмешки, только искреннее сочувствие, а порой и ужас. Это подстегивало рассказать больше, подробнее, я поделилась даже тем, что не хотела говорить. Заявила, что в какой-то момент решила окончательно переметнуться к укротителям, ведь волки не вызывали доверия. Рассказала, что долгое время плевать хотела на судьбу народа, к которому я невольно относилась, и хотела только вернуться поскорее домой. Любым способом и любой ценой. И, наконец, призналась (это было и для меня самой большой неожиданностью, ведь последнее рьяно отрицала даже в мыслях), что прониклась симпатией, а может и чем-то большим, к укротителю, а потом была жестоко им предана.

О том, как мне разбили сердце, я, конечно, сказала в последнюю очередь, и, сказав, сразу замолкла и задумалась. То ли из-за смущения перед Рэйном, то ли от воспоминаний о Вероне, в горле ужасно защипало, а лицо вспыхнуло жаром.

Ничего не говорил и альфа, и какое-то время мы шли по инерции дальше по лесу.

Однако возле размашистой голубой ели парень вдруг остановился и, резко развернувшись, уставился на меня. Я замерла и невольно скукожилась. Больно уж пронзительно смотрел Рэйн.

— Этот укротитель... — спросил вожак тихо, — как его звали?

Удивило и даже немного обидело то, что первый его вопрос именно такой.

Но я все же послушно ответила:

— Верон.

Тут с Рэйном произошло нечто странное: он неестественно дернулся, оголил, как взъяренный зверь, зубы, но тут же сжал губы крепко. В его глазах вспыхнул огонь, а виднеющиеся сквозь тонкую рубашку мышцы груди напряглись и стали еще заметнее.

Почему имя верховного укротителя вызвало у него такую реакцию?

— Ясно, — отрезал Рэйн и, вдруг смягчившись, Осторожно, как если бы одно его касание могло меня разбить, взял за руку, заглянул прямо в глаза и прошептал, — мне жаль, что тебе пришлось все это пережить... Я должен был позаботиться о тебе, не спускать с тебя взгляда, а в итоге тебя увели эти гады у меня прямо из-под носа!

Почему-то от слов: «Я должен был тебя защитить», — передернуло. Неужели я настолько привыкла быть сильной, что теперь уже и заботу принимаю негативно? Хотя за спиной Верона пряталась с радостью...

В сердце защемило, и стало ясно: эта рана заживет нескоро, и также нескоро я научусь снова кому-либо доверять.

Так или иначе это свое раздражение удалось скрыть от альфы.

Мягко улыбнувшись в ответ на его слова, шепотом проговорила:

— Спасибо, что выслушал, мне это было нужно, — кажется, голос так устал от рассказов с надрывом, что я долго не смогу не то что громко, а хотя бы нормально говорить.

Рэйн легко кивнул и качнул плечами, как бы говоря: "Ничего особенного я и не сделал", — потом подступил ближе и взял меня уже за две руки.

— Пошли обратно, — попросил парень, — вечереет, а Грагша хотела с тобой поговорить.

От упоминания старшей матери, я невольно фыркнула и закатила глаза.

Альфа усмехнулся, обхватил меня за талию и как бы невзначай повел в сторону стойбища.

— Знаю-знаю, — пролепетал он, — она тебя раздражает своими трюками. Она и меня раздражает, только ты, пожалуйста, никому не говори. Вожак должен уважать старшую мать, — ненавязчиво прижимая меня к плечу, Рэйн усмехнулся.

На душе стало легче, и как-то потеплело в груди. А ведь Рэйн, оказывается, может быть и чутким, и заботливым, да и в постеле он... щеки загорелись румянцем от воспоминания о нашей совместной ночи. Сейчас даже получилось не думать о том, какое сумасшествие последовало после нее, и насладиться сладким и томительным желанием все повторить.

Есть надежда, что он поможет мне начать новую жизнь? Теперь уже очевидно, что к старой я при всем старании не вернусь: слишком много случилось, а и так призрачная вероятность попасть домой становилась все недостижимее.

Подойдя к лагерю, Рэйн стал чуть более нервным. Он резко потускнел, перестал говорить и то и дело покусывал нижнюю губу.

Его волнение передалось и мне. Приятные и глупые мысли заменили беспокойства, я вдруг вспомнила, что Грагша ведь хотела о чем-то поговорить... Да и ко всему прочему я устроила в стае полный кавардак, разрушила пару вожака (ну или, по крайней мере, приложила к этому руку), по-моему, даже ранила кого-то, а вдобавок, когда меня удалось утихомирить и привести в человеческую форму — устроила истерику.

Мда. может, после такого и не следует возвращаться?

А с другой стороны, что мне делать? Верон предал, с рыжей Рикс, которая одна из немногих знала дорогу в храм, пути разошлись... Видимо, только и остается, что опять следовать по течению.

Как же меня это взбесило! Среди волков я была самой неопытной, самой нелюдистой и совершенно не вписывалась в их картину мира, и вроде как не было в этом ничего удивительного: всю свою жизнь я прожила человеком в мегаполисе, — конечно, все в мире оборотней кажется диким и ненормальным, наверняка в их глазах я еще больший фрикс.

Но, кажется, я так поверила в свою исключительность, что признать свою слабость и измениться станет еще сложнее. А все этот Верон, чтоб его! Наплел мне, какая я вся особенная и способная, а потом как-то слишком просто эту особенную и способную застрелил. И глазом не моргнул! Да я тоже молодец, развесила, как дура, уши...

Мотнула головой, осознав, что снова думаю об укротителе. И почему большинство моих размышлений приводят к нему? Век бы этого гада не вспоминать! когда впереди показался просвет, знаменующий, что стойбище совсем близко, всего пару шагов и ты там, сердце заколотилось быстрее, а ладони вспотели. Сейчас, стоит выйти из леса, все примутся на меня смотреть. Будут пилить взглядами, цокать языками да качать головами.

Попыталась убедить себя, что это неважно, плевать, что думают какие-то там дикари, но кого я обманываю? Эти, так грубо называемые мной дикарями, люди, скорее всего, теперь единственные, кто согласится принять меня к себе, стать моими друзьями, а, может, и семьей.

"Прикуси язык, Дарина! — приказала себе, — может, раньше одиночество и значило для тебя свободу, то здесь оно смертельный приговор, так что молчи и дай им сказать все, что хотят, хоть последними словами тебя назовут, лишь бы не прогнали".

Какая-то часть меня нашла нечто унижительное в этой мысли... Но эта мысль была правдивой. К черту гордость. Она мне сейчас не подруга.

Стая встретила меня намного лояльнее, чем я себе нафантазировала. Многие даже сделали вид, будто и не заметили наше с Рэйном появление. Сыграли, конечно, плохо, но

спасибо им за старание.

Остальные не тупили взгляды и не пытались вести себя, как ни в чем не бывало. Смотрели на меня... Но без осуждения и злости, а больше с интересом, страхом, а иные даже с каким-то восхищением.

Тогда стало ясно, что я многое, очень многое не знаю.

Рэйн вывел меня на центральную площадку, где у уже подготовленного к вечеру костра, на переносном стуле сидела Грагша. Ее веки тяжело наплыли на глаза. Она казалась спящей. Тем не менее, когда мы приблизились, Главная мать прохрипела:

— Что ты ходишь за ней, как щенок за мамкой? — видимо, обращалась она к Рэйну, — боишься, что убежит от тебя, также просто, как ты убегаешь от своих избранниц?

Альфа побагровел и суксился.

— Ты не имеешь право меня судить, — парень, скорее всего, хотел сказать это грозно, но получилось по-ребячески обиженно, отчего он еще больше смутился, но как бы назло этому чувству расправил плечи и напряг мышцы, напоминая Грагше, стае да и самому себе, что он здесь главный.

— Не имею право и не хочу, пусть твои избранницы тебя судят, — не дав Рэйну возможности ответить, старшая мать сразу переключилась на меня, — переполох ты нам устроила, утаенная, — проскрежетала старуха строго, и я тут же почувствовала себя провинившимся ребенком, которого отчитывает воспитательница в детском саде,

— Но знаешь ли ты сама, что устроила?

— Я... не знаю, что на меня нашло... прошу прощения, — выдавила с трудом. Грагша смерила меня тяжелым взглядом, чем дольше она молчала, тем дурнее мне становилось, вот и голова закружилась, и стало душно, и пальцы затряслись, одна часть меня приказывала держаться, а вторая уверяла, что я все это заслужила.

— Поистине, настоящее лицо волка открывается лишь тогда, когда он почует запах крови, — вдруг произнесла старуха, и многие вокруг закивали многозначительно.

Я иступленно оглянулась, будто надеялась понять, что происходит, и о чем толкует Грагша, по лицам членов стаи.

Если бы все было так просто!..

— Когда ты в первый раз рассказала свою историю, я поняла, что ты утаенная, — старуха устало оперлась о посох, — но сегодня ты показала мне... всем нам... Что ты намного большее.

Большее? куда уж больше?! Сердце затрепетало. Неужели сейчас все прояснится?

— Настолько большее, что даже я не до конца понимаю, кем же ты являешься, — отозвалась Грагша, и внутри у меня все оборвалось.

— То есть как это? — взвизгнула я. Вся эта подводка, все это многообещающее вступление было ни о чем?!

— Ты знаешь, кто ты, Дарина? — Грагша оглянула меня исподлобья.

— Серьезно? вы спрашиваете это у меня?! — обещание самой себе проглотить гордость как-то забылось, и я снова вышла из себя, — это ведь не я здесь старая мудрая волчица. Или что? должность старшей матери теперь за мной?

Старухе эти слова явно не понравились, а вот среди наблюдающих даже раздалась пара смешков.

— Ты остра на язык, утаенная, и один раз ввиду твоей исключительности, я это тебе прощу. Но плюнешь в меня ядом еще раз — пеняй на себя, — в ее речи не слышалось ни желчи, ни ярости, однако мурашки пробежали по спине. Может, потому что старуха произнесла все это совершенно хладнокровно и совершенно серьезно, без смеха, без злости, без лишних эмоций, и оттого верилось, что она действительно не побоится ответить на колкость.

Потому я покорно потупила взгляд в землю и невольно закусила нижнюю губу, будто боялась, что едкости сами собой выскочат наружу, если не закрыть чем-то рот.

— Истории гласят, что некоторые из утаенных умеют принимать истинную форму. И лишь единицы из них, как ты, могут превратиться в совершенного волка сразу. Однако... — Грагша грузно вздохнула, — я никогда не слышала, чтобы утаенный обладал такими способностями, превосходный нюх, удивительная сила, зрение, острее, чем у орла, раны, заживающие за день... Утаенные могут превзойти обычных волков во многих вещах, но все это вещи, данные нам природой, но ты... То, что делаешь ты — это уже сверхприроды.

Я напряженно в нее смотрелась. О чем она вообще толкует?!

— Ты превратилась в белую волчицу. Сразу, одним махом, а сейчас далеко не полнолуние. Более того, ты завыла, — показалось, что здесь Грагша запнулась, но разве эту старуху может хоть что-то настолько поразить, что она, пускай и на миг, потеряет дар речи? — ты завыла так пронзительно, так... Особенно... И все, кто находился рядом, обратились в волков, — она взглянула на меня, и ее глаза заблестели, то ли с восторгом, то ли с разочарованием, она спросила, — неужели ты не помнишь, как сделала это?

— Я... — рассказ Грагши удивил меня, и это мягко говоря. Превратила всех в волков? Своим воем? Что-то мне это напоминало, где-то я это слышала... — я ничего такого не помню, может... — захотелось чуточку обнадежить старуху, — может, разве что какие-то неясные фрагменты остались в памяти...

— У тебя совсем нет связи с внутренней волчицей, — прервала старшая мать и закачала неодобрительно головой, — и наладить ее у меня не вышло. Я бы попыталась еще раз, но не сильно верю в успех.

— У укротителей я познакомилась с другой старшей матерью. Она пыталась мне помочь, много раз. Но ничего не вышло, — согласилась я.

Грагша кивнула с таким видом, будто не было ни малейшего шанса, что если не получилось у нее, то вышло бы у кого-то другого.

— Нет сомнений, тебе следует отправиться в храм, туда приходили все утаенные, туда их призывали, — старуха вдруг наморщилась и зачем-то встала. Наблюдавшие беспокойно закопошились, Рэйн, хоть и обиделся на нее, подскочил к Грагше и подал ей руку.

Старшая мать же положила жилистую ладонь мне на плечо и виновато призналась:

— Но я не могу отвести тебя, и не представляю, кто может, дорога в храм в наши дни известна немногим.

Меня пронзила злость, но не на Грагшу, а, скорее, на судьбу, которая вдоволь надо мной поиздевалась и точно не собиралась останавливаться.

Не хотелось доставлять коварной фортуне больше удовольствия и показывать обиду, потому я благодарно сжала лежащую на моем плече старческую ладонь, прошептала: "Спасибо, старшая мать. Я постараюсь что-нибудь придумать". И, поджав губы, развернулась кругом да направилась в сторону вигвамов.

Мне действительно нужно было подумать, и побыть с собой наедине.

Я не знала, куда пойти, чтобы окунуться в блаженное одиночество. Казалось, в стае невозможно остаться без компании: на границах стойбища обязательно повстречается пара дежурных, вдоль вигвамов то и дело прошмыгнет ребенок, играющий с товарищами в прятки, да и взрослые все мельтешили перед глазами, куда ни повернись, везде пересечешься с чьим-то любопытным взглядом, даже в шалаше, где я спала, были соседи, одна из них — беременная на позднем сроке, которую мне не хотелось зазря беспокоить.

Я двинулась на границу стойбища, в противоположную сторону от того места, где гуляли мы с Рэйном.

Потихоньку соплеменники собирались на общий ужин. Женщины уже разносили еду больным, слабым и старым в вигвамы, чтобы тем не приходилось лишний раз выходить. Остальные волки медленно направлялись в сторону главного костра.

Когда я добрела до границы лагеря, где дежурил хмурый и наверняка голодный дозорный, округа знатно опустела, а с дымом из центра стойбища доносился запах жареного мяса.

Есть совсем не хотелось.

Я отпустила вожжи мыслей, и те помчались галопом. Они обгоняли одна другую, отчего сложно было сфокусироваться на чем-то одном. Впрочем, одна из них вырвалась вперед и захватила внимание: я опять столкнулась с храмом.

В голосе Грагши не было ни нотки сомнения, когда она говорила, что следует отправиться именно туда.

Об этом говорила Бринела, об этом говорила рыжая Рикс, об этом говорила даже моя внутренняя волчица!

Внутренняя волчица, с которой я в разладе... Грагше явно не доставляла удовольствие мысль, что она, опытная и мудрая старшая мать, неспособна мне помочь. Но почему... Почему тогда рядом с Вероном я всегда с такой легкостью обращалась? Он даже не волк! Ему-то откуда знать пути и способы?!

То, что размышления опять привели к нему, разозлило. Сердцебиение ускорилося, кровь в жилах запульсировала, и тут же стрельнуло в боку, где была уже почти затянувшаяся рана, а затем, неприятно, как укус насекомого, в шее.

Я сильно хлопнула по этому месту, надеясь прибить мерзкую тварь, которая решила пососать мою кровь, но, видимо, насекомое успело скрыться.

— Что б тебя... — выругалась вслух.

— Все в порядке? — послышалось сзади.

Даже оглядываться не надо было, чтобы понять: это Рэйн. Невольно вспомнились слова Грагши, что он таскается за мной, как щенок за мамкой. Да, наверное, в этом была толика правды.

— Нормально, — ответила на его вопрос, растирая шею, — укусила какая-то гадина, вот и все.

— Дай посмотрю, — он в мгновение ока оказался рядом, убрал с плеча мои длинные волосы и, схватив за кисть, отвел ее от покрасневшейся кожи.

Я глядела на него с легкой растерянностью. Конечно, приятно было, что он так заботится... Но сейчас это уже чересчур.

— У тебя здесь отметина, — отстраняясь, сказал Рэйн, — на укусе не похоже... Больше на затянувшуюся ранку. И большой синяк. Неужели ты только сейчас заметила?

Я недовольно скривилась.

— За всеми моими увечьями теперь и не уследишь, — сказала ему.

Альфа усмехнулся:

— Такова жизнь свободного волка.

Натянуто улыбнулась ему. Дикость, опасность, никаких удобств... Жизнь волка не так уж хороша.

Неужели, теперь это и моя жизнь?

— Что ты думаешь теперь делать? — спросил Рэйн, странно нагибая голову, будто хищник, готовившийся подскочить к жертве.

— Разве у меня есть хоть один вариант?! — воскликнула, раздраженная этим вопросом и тем, как он был задан.

Рэйн смотрел неприятно пронзительно, будто ждал от меня что-то. Пришлось нехотя прибавить:

— Все, кого бы я ни встречала, посылают меня в храм! Да я и сама начала верить, что мне туда и нужно... Но единственный, кто знает дорогу, остался в этом проклятом тренировочном центре!

— Ты нашла кого-то, кто знает дорогу до храма? — удивился Рэйн.

— Да... Волчица по имени Рикс. Ее брат должен был стать угаемым... В общем она знает дорогу. Она предлагала мне помочь им с братом сбежать, а взамен отвести меня в храм, но... не срослось.

— Постой, Дарина! — радость в голосе Рэйна насторожила. По блеску в глазах видно было: он что-то задумал. И я сомневалась, что его идея придется мне по душе, — но ведь это замечательно! Если она согласна показать дорогу в обмен на свободу, то мы ей это устроим.

— В смысле? Рэйн... Что ты задумал?! Ты хочешь устроить ей побег?

— Побег? — он самодовольно улыбнулся, — нет смысла устраивать побег, когда можно стереть тренировочный центр с земли!

Это прозвучало так по-детски уверенно, что я не сдержалась и скептически усмехнулась.

— Дарина, ты просто послушай, — альфа схватил меня за локоть и притянул к себе, — никогда еще у волков не было такого козыря... Сейчас у нас есть шанс, реальный шанс, поставить укротителей на место.

— Какой еще шанс?

— Ты. Ты наш шанс.

— Брось это, Рэйн, — выдернула руку из его хватки.

— Я серьезно, — несмотря на мое хмурое выражение лица, он снова взял меня за руку, — ты можешь обращать остальных. В любое время. Укротители такого не ожидают.

— Только вот я в разладе со своей волчицей, — стало не по себе. Рэйн, кажется, не собирался расставаться со своими намерениями.

— Грагша сказала, что может сделать смеси, которые помогут контролировать ее, пока мы не добрались до храма.

Так и Грагша сюда вписалась? Ладно Рэйн, молодой и горячий парень, но старуху-то

что потянуло в драку?

— У нас есть реальный шанс что-то изменить, — альфа все напирал, — мы не будем ничего делать одни, Дарина, — он нежно обнял меня за талию, — мы решимся на это, только если другие стаи к нам присоединятся. Пойми, Дарина... Ты нужна нам. Ты нужна мне...

Он знал, как надавить на слабые места. Я чувствовала себя потерянной, и ужасно хотела найти свое место. К тому же, если есть шанс попасть в храм и окончательно во всем разобраться...

Рэйн, конечно, смелый, но вряд ли он поведет на смерть своих соплеменников...

Я решила дать его идее шанс. Дать ему шанс. Возможно, я недооцениваю альфу, и он совершит невозможное.

И, в каком-то смысле, он действительно это сделал. Волки из его стаи уже на следующее утро разошлись по всей округе, чтобы найти соседние стаи и передать им о намерении молодого альфы подняться против укротителей.

Ответы приходили молниеносно, будто уже не в первый раз все это обсуждалось, обговаривалось и решалось.

И хотя наверняка это было правдой, и волки уже не единожды искали возможность объединиться для противостояния захватчикам, не верилось, что все это происходит взаправду.

Ежедневно приходили вожаки новых стай, чтобы поговорить с Рэйном, узнать, в чем состоит его план, и решить, принимать ли участие или уйти подальше от этих земель, чтобы не ощутить на себе гнев укротителей.

Последних было немало, и их можно понять. Помимо меня у Рэйна не было козырей, помимо открытия дороги в храм не было наград, а помимо захвата тренировочного центра не было шагов.

Своими друзьями, своими близкими мало кто готов был рискнуть, а на таких условиях — тем более, мне частенько становилось совестно во время разговоров альф, на которых приходилось присутствовать. Глубоко в душе я надеялась, что кто-то из чужаков вдруг скажет: "А зачем сражаться? кое-кто из моей стаи знает путь в храм!". О, каким бы хорошим это было исходом!

Ведь не может быть так, что одна только Рикс знает!

Но все складывалось наперекор моим желаниям. Ни один волк не заговаривал о дороге в храм. По лицам многих становилось ясно, что они и вовсе не верят в существование этого места.

А Рэйн безуданно говорил о борьбе ради борьбы, о высших целях и свободе, которая стоит любых жертв. Его глаза горели, от пылких речей звенело в ушах, и хотя что-то юношеское и максималистское прослеживалось в его заявлениях, некоторые альфы, в основном тоже молодые, зажигались его идеями.

У Рэйна появлялось все больше последователей, все больше молодых волков и волчиц соглашались встать под знамена нового войска.

Рэйн был не в себя от радости. А мне с каждым его успешным шагом становилось страшнее, ведь каждое новое согласие альфы из другой стаи приближало день штурма.

Я представляла, сколько могут погибнуть, сколько могут быть ранены и изувечены до конца жизни... И все эти жертвы из-за меня? Из-за моего предположения, что в храме мне помогут что-то понять? Мало того, что никто не знал наверняка, существует ли еще храм, так и сама я не представляла, что именно должна о себе понять. Ко всему прочему вся эта мысль о посещении сакрального места зародилась у меня во сне. Во сне!

Нет, это безумие. Безумие!

Нужно было донести свои мысли до Рэйна, отговорить его или хотя бы урезонить... Застать его теперь было непросто. Роль полководца и лидера волков-мятежников так

полюбилась молодому альфе, что он стал ужасно занятым и разговаривал со всеми чуть ли не по записи.

Я пришла к нему как-то ранним утром, когда свет еще едва-едва рябил на горизонте, с расчетом, что вряд ли кто-то будет с ним в столь ранний час. Может, я даже разбужу его и буду первым посетителем. Но нет. Стоило подойти к вигваму вожака, я наткнулась на молодого волка, охранявшего вход. Он осмотрел меня немного взволнованно и нервно покрутил плечами.

Кажется, он был среди тех, кого я случайно обратила в волка... Видимо, паренек теперь меня боится и, тем не менее, к Рэйну не пустил, заявив, что вожак занят важным разговором. Он попытался произнести это уверенно, низким мужественным басом, но получился высокий детский писк, прерывающийся на нервный хрип.

Аж сердце защемило при виде его тонких дрожащих губ и выпученных глазок, и я решила его пожалеть, качнула плечами, будто говоря: «Не очень-то и надо», — и, развернувшись, двинулась прочь.

Можно было бы снова лечь спать, но на душе стало беспокойно да в груди протяжно ныло. Опять захватили мысли о последствиях грядущего штурма и степени моей вины в происходящем.

Нет, с такими мыслями не заснешь.

К счастью, уже почти рассвело, и члены стаи лениво и сонно выходили на улицу, в воздухе запахло едой: женщины готовили для всех завтраки из остатков ужина.

Тихие, перебиваемые зевотой голоса, мало-помалу становились громче, звонче, веселее, дети начинали шалить, но пока еще слушались осекающих их взрослых. Спокойствие и идиллия немного утихомирили бушевавшую в душе бурю, ничего не говорило о том, что эти люди готовятся к тяжелой битве.

Понимали ли они вообще, что такое битвы? Что такое война?

Вскоре у главного костра, на своем любимом месте, появилась Грагша и я, не раздумывая, подсела к ней.

Последние дни я частенько проводила возле старухи, слушая ее истории, ворчания и порой бессвязное бормотание. Удивительно, но и бормотание, и ворчание, и, особенно, истории мне нравились.

Грагша довольно забавно бубнила себе под нос, и только в эти моменты казалась обыкновенной пожилой женщиной, вроде тех, что сидят на лавочках у подъездов. От того, как она отчитывала и ругала соплеменников и вообще можно было расхохотаться. А легенд и преданий волков старуха знала несметное количество, и народ оборотней после этих рассказов открывался с совершенно удивительных сторон.

Так она как-то поведала, что задолго до появления великого волка, когда черный волк и белая волчица ежесекундно боролись за главенство на небесах и земле, жили люди, которые не умели обращаться. Многие из них были лишены дара Черным волком, иные были детьми этих проклятых и родились без способности превращаться, многие неустанно молились Лунной волчице, умоляя ее явиться и вернуть им дар, иные вовсе посвящали всю жизнь самостоятельным поискам светлой богини, но большинство, впрочем, до конца дней оставались простыми людьми, жили небольшими уединенными поселениями, боялись темноты и леса, ведь, потеряв внутреннего волка, потеряли и связь с природой.

Число этих поселений множилось, увеличивалось количество людей, боящихся Черного волка, больше смерти, и почитающих Лунную волчицу, как вселенское добро. Грагша

говорила, что именно эти люди строили храмы, ведь, в отличие от оборотней-кочевников, как они, овладели, по необходимости, многими ремеслами.

А затем появился Великий волк, сокрушил черного и возвысил Лунную волчицу. С ее благословения он вернул всем на земле дар и стал навеки главными над волками. Сложно сказать, была ли эта история правдивой. Уж больно много мифического и религиозного вплетала в свой рассказ Грагша... Но даже если есть хоть крупица правды — этого хватало, чтоб искренне восхититься.

Из головы у меня не вылезала, в особенности, мысль, что даже освоив строительство, наладив быт и хозяйство, лишённые дара все равно продолжали молиться Лунной волчице и мечтать о возвращении к диковатой, но свободной кочевой жизни в стае.

Может, даже без связи с внутренним волком, во всех нас оставалась его частичка, проявлялась ли она в особом мышлении, в тяге к чему-то, в вовсе неопишемом внутреннем желании, но в любом случае не позволяла жить спокойно, побуждала искать, искать безуданно эту связь.

После того рассказа Грагши я долго думала. Вспомнилась прошлая жизнь, на Земле... Вспомнилось, как я металась из стороны в сторону, как не могла задержаться на одной работе, не могла находится долго с одним человеком, и все что-то искала-искала-искала...

Может, этот мир я и искала? Искала свою стаю, своего волка... И свою волчицу.

— Тихая ты последние дни, Дарина, — сказала мне Грагша с некоторым осуждением, когда после неудачной попытки встретиться с Рэйном я пришла к ней.

Первые минуты мое молчание старуху не смущало. Она с азартом рассказывала, какая Нинэла непутевая: носит под сердцем ребенка уже восьмой месяц, а как нужно еду приготовить или вещи перетащить — первая в рядах!

Обычно, если Грагша принималась осуждать соплеменников, в конце следовал многозначительный вывод о внутреннем наполнении этого соплеменника, либо же предсказание-предупреждение. А сейчас вдруг без заключений — претензия ко мне.

Потому это прозвучало неожиданно, и потому я невольно дернулась.

— Знаешь, кто так вздрагивает? — тут же заметила старуха, — тот, кто что-то скрывает или нагло врет, и ты знаешь меня, Дарина, пока я не выясню, в чем дело — не отстану.

И тут правда, в молодости, наверное, Грагша была постервознее даже меня.

— Я просто... — немного замялась и заерзала ногой по песку, — вся эта идея сражаться с укротителями...

— Так? — Грагша наклонилась ближе и испытующе в меня всмотрелась.

— Стоит ли оно того? ведь многие пострадают. А ради чего? храма? Меня?

Старуха фыркнула:

— Ты делаешь себе много чести. Ты особенная, не спорю, но весь мир не на тебе одной сошелся.

— Тогда зачем это все? Зачем развязывать войну?!

— Оглянись по сторонам, Дарина. Что ты видишь? Кого ты видишь? — я озадаченно обвела лагерь взглядом, но не нашла ничего необычного (кроме очевидно необычного для пришельца с другой планеты).

— Я вижу... лагерь, стаю...

— Вот именно. Стаю. А из кого эта стая состоит? Из детей, стариков и подростков. Среди нас лишь парочка зрелых мужчин и женщин и только один из них, больно молодой да неопытный — альфа, — который может по законам предков быть вожаком... и я хочу спросить тебя, Дарина: где же все остальные? Где сильные волки? Где бойцы, где охотники? Где одиночки, что временами к нам прибиваются? — Грагша развела руками и сама ответила, — их нет. Правда в том, Дарина, что война с укротителями уже идет, и мы в ней уже потеряли самых лучших волков, как Старшая мать я желаю своей стае благополучие и процветание, но как волчица я не могу смотреть, как вымирает наш род, не давая отпор, и как стремительно все мы превращаемся в цепных псов на привязи у чужаков.

К концу своей речи Грагша чуть заметно задрожала, ее глаза заблестели и на щеки даже капнула пара слез, которые тут же спрятались в глубоких морщинах.

— Мы можем сражаться, а можем и сдаться, так и так мы умрем, и если кто-то из нас решил погибнуть в борьбе — не тебе и не мне его отговаривать.

Я не могла с ней согласиться. Нет, нет! Жизнь дорога, любая жизнь дорога! Хоть жизнь волка, хоть, как выразилась старуха, пса, хоть укротителя. Война не имеет смысла, смерть — тем более.

У меня заболело сердце, от внутреннего протеста. Кружилась голова и белело в глазах,

но я не посмела возразить Старшей матери. Сделать это — нанести ей глубочайшее оскорбление.

Если б была возможность, я бы сама встала во главе людей, не готовых сражаться, я бы собрала всех этих детей, стариков, матерей и увела как можно дальше от назревающей войны... Но в плане Рэйна я, утаенная, способная вызывать у волков превращение в любое время, была единственным козырем.

Ведь укротители не знают о такой способности. Они уверены (и не беспочвенно), что оборотни превращаются только в полнолуние. И, конечно же, усилят охрану в этот день, а вот в остальные будут следить за заключенными-волками, а выискивать диких предоставят охотникам.

Стратегия Рэйна зыблилась на неожиданности. А устроить ее могла лишь я. Вдруг укололо мыслью: а что если просто отказаться? Взять и сказать альфе, что я не буду принимать в войне участие, не буду его тайным оружием, что мне плевать уже и на храм и свою недостаточную связь с внутренней волчицей.

Уверенна, Рэйн взбесится. Грагша будет недовольна, как и все те, кто загорелся желанием бороться, ну и пусть, мое присоединение к мятежным волкам не будет отправным пунктом войны. Пускай хоть выгоняют из стаи и не принимают ни в какую другую. Буду одиночкой, разберусь как-нибудь. Зато оттяну назревающую катастрофу, а может и переубеждю кого из настроенных на войну своим решением. Да и совесть останется чиста...

— Что ты там опять себе придумала? — вдруг окликнула меня пронизательная Грагша, — по глазам вижу — замыслила что-то.

— Ничего, — отозвалась я сухо, совершенно не пытаюсь переубедить старуху словами или хотя бы интонацией.

— Дарина.

Сделала вид, будто уже ее не слышу, и медленно поднялась.

— Дарина!

— Мне нужно поговорить с Рэйном.

— Нужно ли? Подумай, не станет ли этот разговор большой ошибкой?

— Он станет большой ошибкой, — отозвалась я так уверенно, что даже Грагше пришлось смириться, — если не совершится.

Наверняка старуха недовольно сжала губы, покачала головой, может, даже ударила посохом по земле, как делала, если злилась, но я этого не знаю. Отходя от Старшей матери, я не обернулась, не смотрела и по сторонам, ничего не слышала, и даже если бы кто-то прямо над ухом выкрикнул мое имя — не заметила бы. Все внимание сошлось на виднеющемся впереди вигваме Рэйна, а все мысли — на том, что именно и как именно я собираюсь ему сказать.

У входа все так же стоял боящийся меня молодой волк, он нахмурился и задрожал, завидев, как я приближаюсь. Дождался, когда я подошла почти вплотную ко входу, и только здесь одернул названную посетительницу:

— К нему нельзя! важный...

Бедолага недоговорил, ведь на этот раз я жалеть его не стала, толкнув паренька плечом, не сильно, но со страху он неуклюже повалился набок и едва устоял на ногах, зашла внутрь.

В слабо освещенном душном помещении ужасно пахло болотной тиной. Эта вонь на миг остудила мой пыл и заставила озадаченно замереть у входа, наверное, выглядело это так, будто я сама не знала, зачем сюда пришла, и сейчас пыталась придумать, как выпутаться из неловкой ситуации, либо просто Рэйн так решил.

Как бы то ни было, он, оглянув меня удивленно и чуточку раздраженно, произнес:

— Дарина? Что ты здесь делаешь? У нас с Нарром важный разговор, — и подтверждении своих слов он кивнул на сидящего напротив бородача в грязной одежде и с чуть заметным косоглазием.

— Нам нужно поговорить, — ответила я, вероятно, недостаточно уверенно и грозно, ведь Рэйн тут же перечил:

— Давай позже? Я скоро освобожусь, обещаю, — выговорил он это так приторно-нежно, что внутри у меня все задрожало.

Некоторым девушкам нравится, когда мужчины разговаривают с ними, словно с непутевыми детьми, но сейчас меня это просто взбесило. Войдя в вигвам, я по рассеянности потеряла свою решительность, но Рэйн очень быстро пробудил замес нее во мне ярость.

— Нам. Нужно. Поговорить. — Проскрежетала я, представляя, как страшно, наверное блестели сейчас мои глаза.

Бородачу происходящее явно не понравилось, и он рад был бы отойти с моего пути, но не решался без команды Рэйна.

Тот, хоть и проявлял недавно поразительную чуткость, сейчас почему-то стал по-старому слеп к чужим эмоциям и, разведя руками, возмутился:

— Да что такого неотложного может у тебя быть?

Чего-чего?! то есть я тут баклуши бью? То есть у меня никаких дел нет? Отличненько!

— У меня? А у меня никаких важных дел нет, — прорычала злобно, — как, собственно, и у тебя. Если ты, конечно, не собираешься идти на укротителей без моей помощи!

Бородач скривился и недоверчиво покосился на молодого альфу, даже в полумраке было видно, что Рэйн побагровел от злости и стыда.

— Дарина, ну что ты такое говоришь? — вожак постарался сделать голос максимально доброжелательным и удивленным, хотя видно было, что он едва сдерживается, — Нарр, — вдруг обратился он к гостю, — не оставишь нас ненадолго?

Бородач согласился молча и с задумчивым выражением лица двинулся на выход, когда он исчез, запах тины стал значительно слабее, а Рэйн прошипел:

— Зачем эти сцены?! Я все утро уговариваю его присоединиться к нам и привести стаи с болот. Их меньше всех потрепали укротители! Там столько сильных молодых волков, что чужакам и не снилось!

— Сцены? То есть ты так это называешь?

— Дарина... — Рэйн, видимо, решил побыстрее исправиться: подошел ко мне, взял за руки, нежно осмотрел, — если тебя что-то волнует — просто скажи, не надо сразу начинать ссориться.

Вот если бы он сразу так сделал — никаких ссор и не было бы!

Но по-щенячьи округлившиеся глаза альфы заставили меня сменить гнев на милость, и я сказала уже без злости в голосе, а даже с искренними беспокойством и усталостью:

— Эта война... Я не хочу принимать в ней участие, я не хочу, чтобы кто-то погиб или пострадал.

Рэйн кивнул, хотя по потупившемуся взгляду я поняла, что он совершенно не согласен.

Но хоть пытается не выказывать это. Учится на своих ошибках, впрочем, помолчав, он завел ту же шарманку, что и Грагша:

— Но если мы не дадим отпор — нас продолжают убивать и порабощать. Разве такая жизнь лучше?

Я судорожно закачала головой. Ну почему, почему мне так противна мысль о войне, но когда ее необходимость начинают оправдывать — я не могу сказать ни слова возражения? Почему не могу доказать свою точку зрения? Неужели даже я, глубоко внутри, понимаю, что иного выхода нет?

— Я понимаю, тебе непросто. И мне тоже, всем нам непросто, но это нужно сделать. Я знаю, что этот мир ты еще считаешь чужим, но... Однажды он станет твоим, как ни крути. Может быть, война действительно не принесет нам счастье, и, скорее всего, так оно и будет, но она может подарить счастье и свободу нашим детям и потомкам. Твоим детям и потомкам, Дарина.

Я прикусила нижнюю губу чуть ли не до крови, осознавая, что не могу возразить Рэйну, что он говорит верно.

От этого почувствовала себя глупой, беспомощной и почему-то немного обманутой.

— Мы справимся, мы победим, — прибавил Рэйн тихо, улыбнулся, обнял меня и нежно поцеловал в шею.

Я в это не верила, но у альфы, кажется, не было сомнений. Ужасно хотелось, чтобы это было именно так. Тогда у Рэйна, возможно, действительно все получится...

Было решено выдвигаться малыми группами и рассеяться по лесу вокруг учебного центра в часовой доступности к точке начала наступления.

Стаи разделились, и отряды один за другим отправлялись в путь. Под началом Рэйна было не так много волков, особенно в сравнении со стаями, пришедшими с болот, поэтому мы составили всего лишь две группы.

Одну из них должна была вести я, но альфа в последний момент переменял решение и настоял, чтобы я выдвинулась с ним.

Может, он боялся, что я передумаю, что опять усомнюсь в целесообразности войны?

Конечно, хотелось бы считать, будто Рэйн просто не хочет со мной расставаться, но саму себя обманывать не получалось. Начинало казаться, что его больше интересует моя внутренняя волчица, нежели соседствующая с ней личность...

Все думалось, будто мной нагло пользуются, но отчего-то я не решалась высказать это Рэйну и обсудить все как взрослые люди.

Несмотря на мои способности и надежды волков, я понимала: мое положение в этом обществе еще совсем шаткое и держится больше на энтузиазме Рэйна.

Может, мы оба друг другом пользовались, просто замаскировали под некое подобие отношений?

Он был нежен со мной и мил, когда это требовалось: когда я была не в себе, когда на нас смотрели другие, когда сам он хотел близости...

Но чем дальше в лес — тем яснее становилось: у него все исходит не от сердца. Как, впрочем, и у меня. Но со мной все понятно: сломанная и слабая, я забыла о гордости и уцепилась за первого попавшегося. Совсем этим не горжусь, однако хотя бы признаю.

А вот зачем все это нужно Рэйну?

Было одно предположение: если так подумать, то его прошлая девушка предала стаю, а он, хоть поступок Ланы нельзя было оправдать, все же слишком быстро, в первую же ночь, оказался в постели с другой. Перед своими людьми ему не на руку выглядеть ветреным и импульсивным. Он не может просто разойтись со мной — должен до последнего показывать, что это вовсе не юношеская неразборчивость, а чуть ли не сама судьба.

Чудилось, будто все силы Рэйну приходилось отдавать именно на преподнесение себя взрослым и опытным волком, настоящим вожаком.

Еще чудилось, хотя я ужасно не хотела так думать и молилась, что мне это только кажется, будто войну с укротителями молодой альфа воспринимает, как возможность поиграть в героя. Думает ли он о последствиях своих действий? Думает ли, что ведет соплеменников на смерть?

Может, Грагша была права, когда говорила, что многие из волков предпочтут умереть в бою, погибнуть во имя свободы. Наверное, я не так много времени провела в этом мире, чтобы ощутить этот надлом в душах волков, но...

Но я не видела его и в глазах Рэйна.

Эти дурацкие мысли вклинились в голову, когда я тихим шагом двигалась на встречу с Грагшей.

За спиной послышался треск и шелест, а по затылку ударило тепло: шатер Рэйна

разобрали, ткань распласталась по земле, давая место горячим солнечным лучам.

Стоянку потихонечку снимали. Кто-то из стаи собирался отправиться за своим вожаком в бой, остальные (и большинство) — пойдут с Грагшей дальше от тренировочного центра, к болотам, чтобы там укрыться от укротителей и дожждаться соплеменников.

Или не дожждаться...

Боже, я совсем не верю в успех! Заставляю себя, но не пересиливаю убежденность в провале.

Грагша разместилась на любимом месте у костра. Как обычно, она орлиным взором наблюдала за соплеменниками и не упускала возможность пожурить их за несобранность и неуклюжесть.

Впрочем, ее лицо резко переменилось, когда я подошла. Стало напряженным и хмурым, как у человека, который собирается предложить тебе сомнительный план и заранее знает, что ты, скорее всего, не согласишься.

— Здравствуй, утаенная, — такое ее обращение насторожило еще больше. Куда снова делась «Дарина»?

— Ты обещала мне какие-то снадобья, — напомнила ей, опасаясь, что старуха действительно что-то замыслила.

Грагша коротко кивнула и достала, уже не с посоха, а из внутреннего кармана куртки крохотный мешочек.

— Это поможет тебе прийти в согласие с внутренней волчицей. На короткое время. Так что прими перед самым боем.

Переняв мешочек, я задумчиво покрутила его в руках. Легкий. Внутри — порошок. Наверняка из толченых трав и засушенных земноводных. Гадость.

— Мне это не нужно было, когда я была с... — чуть не сказала: «С Вероном», но укол в сердце заставил осечься и быстро найти другое слово, — ... с укротителями.

Старшая мать на это ничего не ответила, но как-то раздраженно отвернулась.

— Если ты сможешь попасть в храм, — через мгновение буркнула старуха, — то тебе не понадобятся больше ни мои травы, ни укротители, — казалось, она хотела сказать еще что-то, но остановила себя, махнула рукой, как бы приказывая себе удержаться от ненужных ссор и нравоучений.

Хорошо, что хоть в одной из нас порой просыпалась мудрость.

— Скоро тебе пора будет уходить, — Грагша взглядом указала на голые каркасы вигвамов и шатров.

В ответ я качнула плечами. Не знала, что сказать.

Старшая мать немного помолчала, а потом вдруг поднялась и прошептала подозрительно тихо:

— Есть одно дело, которое ты должна решить.

— Я? Почему я? — удивилась искренне.

— Вероятно, такая у тебя судьба, — то, что должно звучать как шутка, у Грагши вышло за упрек.

Не дожидаясь моего согласия или хотя бы ответа (впрочем, как и всегда), Старшая мать поплелась прочь от незажженного костра.

«Делать нечего», — сказала сама себе и последовала за ней.

Хотя, говоря честно, мне стало даже любопытно. Сердцебиение ускорило от предвкушения разгадки одной из многих тайн старухи, а это со мной в последнее время

случалось нечасто: моторчик в груди уж привык набирать обороты только в экстремальных ситуациях, и, кажется, забыл, что подвластен еще и каким-никаким, но положительным эмоциям.

Я совсем растерялась, когда Грагша дошла до границы лагеря и двинулась еще дальше.

Куда она лыжи наострила?!

Невольно уставилась на нее так пристально, что старуха, наверное, затылком ощутила, как я сверлю ее взглядом.

Но виду не подала.

Впереди, меж двумя поваленными соснами, показался небольшой кривенький вигвам. Хотя, наверное, и вигвамом его назвать сложно. Скорее, большая палатка.

У входа в нее стоял очень уж скучающий подросток, который с надеждой встрепенулся, завидев нас.

Боже, а я и не знала об этом месте. Что здесь?

Этот вопрос я задала Грагше, но в ответ получила только неразборчивое, но, определенно, раздраженное бормотание.

— Иди-ка погуляй чуток, — приказала Старшая мать юнцу, и тот не без радости послушался.

Когда он скрылся с глаз, старуха медленно, будто боясь, подошла ко входу и одернула ткань, преграждавшую путь внутрь.

Заходить она не стала и мне не позволила. Когда солнечный свет пробился внутрь палатки, я поняла почему: внутри едва ли хватало места для одного человека... И это место уже было занято.

Растрепанная, связанная старыми веревками на голой земле сидела Лана...

Так вот где ее держали все это время... Видно, из-за своих наполеоновских планов Рэйн совсем позабыл о предательнице. А, может, сделал вид, будто забыл, чтобы не принимать по отношению к ней никаких решений.

Глаза Ланы вспыхнули в полумраке, злобный взгляд упал на меня.

— Что? — прошипела она совсем как змея, — пришла поглумиться над грязной предательницей?!

— Нет, я... — встречи с ней я не ожидала, а потому растерялась и непонимающе уставилась на Грагшу.

Какого черта старуха нас столкнула?!

— Законы волков жестоки к предателям. Особенно к тем, кто помогает охотникам и укротителям, — протянула Грагша монотонно, будто молитву.

— Все что я делала, я делала ради стаи! — огрызнулась Лана яростно. Она выглядела такой отчаявшейся, что, чудилось, изо рта вот-вот забрызжет пена, — укротители не трогали нас взамен на мою помощь! — она вдруг снова посмотрела на меня, и холодок пробежал по позвоночнику, — я не горжусь тем, что делала. Я страдала, когда это делала и страдаю до сих пор. Но все это ради тех, кого я люблю. Ради стаи, ради Рэйна... Ты... — она обращалась ко мне, — а ты готова была бы поступить так ради него? На что ты вообще готова ради нас и ради него?!

Она попала в самую цель. Губы задрожали, а руки похолодели. Вопрос, который я задавала себе же, теперь прозвучал вслух. И прозвучал голосом той, с кем я меньше всего хотела бы говорить.

— Я не предательница, а ты — не волчица. Мы обе не на своих местах, — подытожила Лана и вдруг притихла, сделалась хмурой и покорной.

Не сразу догадалась, в чем дело, но когда поняла — сама остолбенела.

Грагша достала невесть откуда длинный острый кинжал.

Это еще что такое? Это еще зачем?!

Когда Старшая мать одним движением развернулась ко мне, все еще протягивала кинжал и как бы предлагала его мне.

Я тут же отшатнулась от нее, как от огня.

— Ты пострадала от ее предательства и ты же раскрыла его всей стае, — со строгостью заявила Грагша, — тебе же решать теперь ее судьбу.

— Мне? Нет! С какой стати?!

Я не собираюсь вершить самосуд! И уж тем более не собираюсь ее убивать!

— Ты уже решила мою судьбу, — Лана чуть ли не оскалилась, — когда вернулась сюда и настроила против меня Рэйна.

— Я не настраивала его! Он сам сделал вывод... И выбор, — огрызнулась, но тут же голос сделался тихим, — да... это его выбор. И сейчас ему решать. Ему, а не мне!

— Он потерял Лану, когда узнал о ее предательстве. Теперь ты хочешь, чтобы он еще и убил ее? Сделал это на пороге битвы, когда ему нужны все силы и решительность? — упрекла меня Грагша.

— Битвы? — Лана нахмурилась и напряглась, — какой битвы?!

Черт, да она ничего не знает! Ее в действительности вычеркнули из жизни стаи, даже о

такой важной вещи не сказали.

— Сделай, что должно, — Грагша проигнорировала вопрос пленницы и еще раз предложила кинжал, — раз уж ты решила встать рядом с вожаком — помогай ему, бери на себя его обязанности и заботы.

— Волки объединяются против укротителей, — почему-то захотелось сказать Лане правду.

Я все еще не простила ее. Она подставила меня, обманула, когда я была в столь шатком положении... Но в ее взгляде виднелось искреннее беспокойство за Рэйна и стаю, в ее словах слышался надрыв.

Верилось, что она действительно работала на укротителей ради тех, кого любит. И хотя это не умаляло ее вину передо мной, вырисовывало ее не таким ужасным человеком, как казалось раньше.

— Это... — Лана опустила взгляд, услышав новость, — я должна быть рядом с ним... Я должна его защитить... — зашептала она сама себе, но вдруг, подняла взор и вздрогнула, будто забыла о нашем присутствии и сейчас удивилась, что мы тут делаем. Посмотрев еще раз на кинжал Грагши, предательница обратилась ко мне, — обещай, что позаботишься о нем... Дарина.

Что за?.. Откуда эта покорность, откуда это смирение?

Минуту назад она винила меня во всех своих невзгодах, а сейчас вдруг чуть ли не преподносит своего любимого Рэйна на блюдечке!

Так смутилась, что и не заметила, как Грагша снова протянула мне кинжал, и на автомате, а не по желанию, я, наконец, взяла его.

Одна мысль не давала мне покоя и жужжала в голове оглушительно с того момента, как появилась. Лана по-настоящему любила Рэйна. Глядя на двух женщин, которые пришли ее казнить, она забыла об угрозе в тот же момент, как узнала, что ее любимый, хоть и отвергший ее, собирается на войну, где его жизнь подвергнется угрозе.

Она мгновенно забыла о себе и хотела сейчас только одно: удостовериться, что о Рэйне кто-то позаботится, раз она не сможет.

Я же... Я же все еще была бы не прочь сбежать и от альфы, и от затеянной им войны.

Кого я обманываю? Себя в первую очередь.

Я не готова беспрекословно следовать за Рэйном, не готова глядеть ему в рот, не готова быть помощницей во всех его делах, особенно в тех, с которыми я не согласна.

Наше с Вероном приключение в особняке того высокопоставленного укротителя вспомнилось само собой, но я, раздраженно поморщившись, отогнала его.

Сжала в руке рукоять кинжала с особой силой.

Я знала, что делать.

Подошла к Ланне так уверенно, что она зажмурилась и отвернулась. У волчицы не было ни тени сомнения, что сейчас я с ней расправлюсь.

Когда кинжал приблизился к ее горлу, Лана странно расслабилась, словно вмиг приняла свою судьбу.

Что ж. Придется ее разочаровать.

У старой веревки, связывающей ее и держащейся в том числе не шее, не было ни шанса против острого лезвия.

Одно легкое движение, потом еще два — веревки были и на ногах, и на руках, и Лана была свободна.

Ощувив, видимо, что теперь ее ничего не сковывает, волчица широко распахнула глаза и изумленно уставилась на палача, который вдруг помиловал ее.

Не менее удивленно, но при том и с недовольством на меня посмотрела Грагша.

— Что ты делаешь? — выкрикнула она раздраженно, — предателей не отпускают!

Лану так и перекосило. Можно ее понять. Грагша была Старшей матерью. Наверное, когда девушка была ее совсем малюткой, старуха уже тогда занимала эту должность и заботилась о соплеменниках. Считай, родная бабушка... И сейчас стоит во главе тех, кто ратует за казнь.

— Ты сказала мне решить, я и решила, — ответила Грагше, смотря при этом на Лану, — уходи. В стае тебе не найдется место, — сказала девушке и, — но, думаю, ты найдешь шанс его себе вернуть... Мы выступаем на учебный центр укротителей прямо сейчас.

— Ты просто так еепустишь, утаенная? — Старшая мать все не могла успокоиться.

— Я поняла тебя, — Лана нарочно сделала вид, что не замечает старуху и смотрела прямо мне в глаза, — я... Я этого не забуду.

— Я не прощаю тебя. Учти это, — предостерегла ее.

В ответ Лана понимающе кивнула и двинулась к выходу из шатра.

Грагша уж порвалась перекрыть ей дорогу, но я грозно выговорила:

— Пускай кто-нибудь только посмеет ей помешать...

Удивительно, но это сработало, и Лана беспрепятственно вышла наружу.

Когда мы со Старшей матерью через минуту покинули шатер, девушки уже и след простыл.

Глава 25. Битва начинается — 1

Понятия не имею, зачем Грагша все это устроила. одно точно: она не собиралась оспаривать мое решение отпустить Лану. Иначе по пути к стойбищу давно бы загрызла вербально и не вербально.

Может, старуха хотела что-то доказать? Или показать? Как-то воздействовать на меня? Не знаю. Так или иначе, разговор с Ланой не переменял мое отношение хоть к чему бы то ни было. Напротив, я уверилась, что они слишком просто смотрят на вещи, не видят полутона, только черное и белое. Им не хватает гибкости ума, они живут по простым законам, законам природы. И... В этом нет ничего плохого. Это их культура. Но в противостоянии укротителям такое мировоззрение сыграет с ними злую шутку.

Ведь противников не сковывают традиционные уклады и заветы. Они способны на любой маневр, любой удар, любое, выходящее за рамки морали, решение.

А разговоры о чести, законах предков и свободе, пускай и обретенной только после смерти... Они кажутся истиной, пока не прольется первая кровь, а там... там уж война, которую никто не захочет, но которую никто не сможет остановить.

Когда мы вернулись, и я увидела Рэйна, отдающего последние распоряжения соплеменникам, разглядела искорки в его глазах, в голову пришла мысль: и все же они с Ланой созданы друг для друга. Я никогда не смогу также слепо и преданно идти за ним.

— Сейчас никто не заметит, что ее нет, — слова Грагши не то что прозвучали — проскрипели у уха, — а когда заметят — нам уже нужно будет выходить, я убежу остальных, что искать ее нет смысла.

— Зачем все это было? — спросила у нее одновременно сердито и несмело, как обманутый ребенок, который в глубине души подозревает: ему просто преподали ценный урок.

А, может, это я преподала Грагше урок?

— Затем, что ее судьбу нужно было решить, — Старшая мать качнула плечами, как ни в чем не бывало, — с твоим решением я не согласна. Но правильно это или нет — вопрос сложный, и не нужно его поднимать, ни сейчас, ни когда-либо. Но... По крайней мере, я теперь знаю, что, в отличие от женщины и волчицы, твои мысли и действия находятся в полной гармонии. Ты говоришь, что думаешь, и поступаешь так, как сама считаешь нужным.

— Как-то это совсем не по-волчьи, — буркнула в ответ, стараясь скрыть, что слова Грагши мне польстили.

— Волки бывают разные. Но ты, определенно, не из тех, кто создан для жизни в стае.

Голос старухи вдруг стал тоскливым, будто сейчас она окончательно уверилась в мысли: я не задержусь ни с Рэйном, ни с его людьми, — и ужасно об этом пожалела.

Мне хотелось что-то сказать ей напоследок, но слова не приходили в голову. Чудилось: что бы я ни сказала, Грагша уже давно это знает.

Она медленно кивнула, как бы говоря: все сказано и нечего повторяться. Почему-то это устроило нас обеих, и мы разошлись. Она отправилась дальше наблюдать, как собираются впопыхах соплеменники, я же — к Рэйну. Вот-вот пора было выступать.

Альфа сиял, как ребенок перед раздачей подарков на Новый год.

А я не могла перестать сравнивать его с ребенком, отчего на душе становилось еще

тягостнее. Разве способен он вести остальных в бой? Почему никто из других альф не оспорил его первенство в этой войне?

— Мы на пороге новой эры, — этим возгласом встретил меня Рэйн, — чувствуешь это Дарина?

Я неуверенно качнула плечами, но альфа не распознал мои чувства, подскочил и, обхватив за талию, поднял в воздух и прокружился со мной на руках.

Сердце упало в пятки. Еще парочку дней назад, это развеселило бы меня и размягло: у Рэйна была какая-то особенная способность располагать меня к себе нежностью и игривостью. Но теперь и эти фишки не работали. Действия парня вызвали только раздражение, и я крикнула сердито:

— Рэйн! Отпусти! Отпусти сейчас же!

Пришлось стукнуть его кулаком по плечу, чтобы он послушался.

— Ладно, тебе, ладно! — пробурчал альфа то ли шутливо, то ли по-настоящему обиженно, — чего ты в последнее время такая злая? — он прижал меня к себе, надеясь задобрить все теми же старыми способами, — мы скоро совершим самый важный шаг в истории нашего народа. Ты должна гордиться, Дарина!

«А ты должен беспокоиться, Рэйн», — тут же подумала, но вслух не сказала. Парень все равно не поймет.

— Когда выдвигаемся? — спросила вместо того.

— Сейчас. Проводим племя в болота, — он говорил о тех, кто не шел на битву, — и выступим сами.

Я вздохнула и отвернулась. Сейчас, совсем скоро, я пойду на войну. Господи, как я до этого докатилась?! Почему согласилась?

Сердцебиение отдавалось в ушах. По телу бежали мурашки, в груди ныло. Я была напугана до смерти, но не смела никому это показать.

Когда соплеменники начали друг с другом прощаться, все словно бы окутало туманом. В памяти отразились лишь маленькие фрагменты происходившего. Беременная женщина плакала, ее возлюбленный ее успокаивал. Подросток возмущался, что его не берут на битву, его старший брат, которому «повезло», дразнил его и называл малышом. Рэйн произнес речь, громкую и пафосную, и остальные искренне ему аплодировали.

Потом Грагша повела соплеменников прочь, и мы некоторое время наблюдали за ними. В тот момент у меня в голове все более-менее прояснилось. Я очень четко запомнила, как фигуры растворяются вдаль, исчезая среди деревьев и камней.

Те из воинов, что мгновение назад аплодировали Рэйну и со спокойным лицом прощались с близкими, вдруг притихли, словно начали что-то осознавать.

Даже закралась надежда, что сейчас они передумают... Но команда альфы: «Пора! Наше время настало», — вернула всех в изначальное безнадежно самоуверенное настроение.

Чтоб тебя... Неужели я одна понимаю, какой опасности мы себя подвергаем?

Или я сумасшедшая и, как и все безумцы, не осознаю, что вижу мир искаженным. Может, все на самом деле обстоит иначе, раз все так решительно настроены?

Мы выдвинулись в путь. По плану, волки нападут сразу, как возле тренировочного центра соберется девять групп из тринадцати. Остальные будут присоединяться к бою сразу, как подойдут.

Нам нельзя было ждать, ведь укротители быстро заметили бы, как вокруг них собирается толпа оборотней.

Группе Рэйна, впрочем, особенно нужно было спешить, ведь все зависело от нее. Все зависело от меня.

Даже если на месте уже окажутся все волки всех стай, они не смогут начать атаку, не обратившись.

Потому мы бежали очень быстро. Я запыхалась и чувствовала себя так, будто прохожу самый длинный в истории человечества спринт. Но усталость хотя бы заставляла фокусироваться на своем теле, на движении ног, на дыхании, и это отвлекало от мыслей. Самым главным сейчас было не позволить себе паниковать.

Спешка оправдала себя: когда наша небольшая группка пришла на место, разведчики доложили, что собралось пока что только пять отрядов.

— Переведем дух, а дальше будем действовать по плану, — распорядился Рэйн и, когда соплеменники согласно закивали, подошел ко мне, — ты как?

Я с трудом выдавила из себя: «Нормально», — рот был занят глотанием кислорода.

— Все зависит от тебя сейчас, — сказал альфа.

Спасибо! Ведь именно этих слов мне сейчас и не хватало! А то градус ответственности недостаточно высокий!

В ожидании мы провели недолго, впрочем, это время показалось мне вечностью. Даже Рэйн как-то притих и, хотя ни на минуту не отходил от меня, молчал, понурился.

Хотелось придушить его за это!

Но я понимала, что просто перекладываю на него свои тревоги. Если бы он говорил без умолку, я бы точно так же сидела и злилась.

Наконец, пришло сообщение, что волков собралось достаточно для штурма. Бойцы и, невольно, и я, посмотрели на Рэйна. Молодой альфа словно бы колебался секунду, и мне уж показалось, что он сейчас может отказаться от безумной затеи... Но не тут-то было.

— Значит, пора, — он взял меня за руку и заставил подняться вместе с собой, — выходим к границе леса. Там и обратимся.

Хотелось выдернуть руку, а то чувство, будто меня принуждают к этому, усилилось. Начало неприятно подсасывать в районе солнечного сплетения.

Впрочем, выдернуть руку словно не было сил... Наверное, мне просто хотелось думать, что меня заставляют развязывать войну. Снять с себя ответственность.

Но... Это все отмашки. Следует признать это. Раз уж впряглась — иди до конца. Хотела я этого или нет — другая история. История, которую уже не изменишь.

Пути назад нет. Я четко это осознала, выступив на границу леса. Впереди виднелась высокая, почти крепостная, стена — учебный центр, где держали волков. Рядом, за парковкой, располагалось центральное здание, так хорошо мне знакомое.

Верон где-то там.

Отовсюду доносился шелест и шепот. Отряды были готовы и ждали, когда я дам им силу.

Что ж. Пришло время. Еще немного промедления, и укротители почувствуют неладное.

Я высыпала в руку содержимое мешочка, который дала мне Грагша и, зажмурившись, вдохнула в себя.

В носу защебетало, во рту возник пряный, как от корицы, привкус. Тепло обьяло гортань и медленно поползло вниз, к сердцу. То сразу отреагировало участвующимся ритмом, и вскоре по всему телу прошелся мощный импульс, закололо в руках и ногах, заныли мышцы...

Я обратилась стремительно быстро, и уже через минуту тихий полуденный лес пронзило громким воем белой волчицы.

Это не осталось незамеченным: охранники на вышках, укротители на парковке всполошились, но было уже поздно.

Наделенные силой волки с ревом метнулись вперед.

В ушах у меня загудело, а перед глазами все поплыло. Я не представляла, что нас так много. Оборотни, один за другим, выныривали из леса и быстро, храбро, стремительно бросались в бой.

Когда несколько из них с разбегу попытались взобраться на стену — слышались первые выстрелы.

Меня передернуло и потянуло неопишимо сильно побежать за всеми.

Все тогда смешалось. Могучие волки, грозные укротители, лес, стены тренировочного центра. Удалось прорваться к баракам, сломав решетчатый проход.

Укротители заняли здесь позицию, и я увидела, как наступление превращается в бойню. Свист пуль, рычание, ругательства.

Появились волки-ученики. Некоторые из них, хоть и не были обращены, попытались присоединиться к борьбе с укротителями. Другие же прятались.

— Это ты... — вдруг из гула боя я чудом выхватила обращение и чутьем поняла: оно адресовано мне.

В тот момент я стояла возле дорожек для боя. Из-за скамеек, на которых собирались члены «стай», выглядывало испуганное, еще детское лицо.

Рукс?!

Брат рыжей волчицы Рикс, который по ее словам тоже был утаенным.

Взгляд мальчика просиял. Он тоже узнал меня:

— Ты вернулась за нами? — Рукс хотел спросить что-то еще, но вдруг его лицо перекосило от боли, руки и ноги быстро задергались, и он упал на землю.

Я увидела, что лампочки на его ошейнике мигают — кто-то привел в действие шоковый удар.

Ощутила на себе чье-то пристальное внимание и резко обернулась. Передо мной стоял укротитель. Шерсть встала дыбом: он направил в мою сторону ружье.

Но жизнь не успела пронестись перед глазами. Следовало ожидать: если мне повстречался Рукс, то опекающая его сестра должна быть рядом.

И рыжая волчица не заставила себя ждать. Она выскочила не пойми откуда и молнией бросилась на укротителя. Повисла на нем, обхватив ногами, и принялась бить, царапать, кусать, оставаясь при этом, как и прочие заключенные ученики, в человеческом обличье.

Противник оторопел и позволил волчице нанести несколько болезненных, но неопасных ударов, затем пришел в себя и одним уверенным движением сбросил ее.

Я уж припала к земле, готовясь тут же напасть на укротителя, пока он не навел ружье на меня или брата и сестру... Но на лице Рикс вдруг просияла хитрая улыбка.

Оба, укротитель и я, кажется, поняли все одновременно. В руке рыжая сжимала вытянутый и похожий на колбу прибор. Пульт управления ошейником. Он послал сигнал ударить нерадивого волка электричеством, либо... Впрыснуть ему вещество, заставлявшее обращаться не в полнолуние.

— Думаю, мой брат хочет дать сдачи, — прошипела Рикс довольно и нажала на боковую кнопку пульта с такой силой, что, почудилось, по корпусу прошла трещина.

Через мгновение за спиной раздалось ворчание, будто кого-то пробуждали ото сна, затем звук стал походить на осторожное рычание, которое с каждой секундой становилось все более грозным и громким и под конец превратилось в яростный рев.

Мурашки пробежали по телу, и даже мне стало страшно оборачиваться на Рукса. Укротитель же, который стоял к мальчику лицом, побелел, его лицо перекосило страхом и, чем дальше вытягивалась громоздкая тень под моими ногами, тем заметнее дрожали его коленки.

— Что за... — выговорил он чуть слышно, и в ту же секунду нечто огромное, но невероятно быстрое метнулось к нему, сверкнули в воздухе длинные острые когти, последовал удар, всего один, и укротитель отлетел на несколько метров в сторону, гулко ударился о пыльную землю, прокатился еще дальше по инерции, а, остановившись, замер.

Я же теперь видела перед собой могучего исполина, двуногого зверя с красными глазами, массивной волчьей мордой, что скалила длинные клыки, и вытянутыми

мускулистыми лапами, как, наверное, у гориллы, только еще и вооруженную когтями.

Глядя на этого зверя, никогда бы не подумала, что под толстой шкурой и яростным взглядом скрывается тихий и милый парнишка.

Обращенный Рукс глянул на меня, фыркнул и мигнул, будто признавая другом, помотал головой и уверенным шагом двинулся к ближайшей потасовке между волками и укротителями.

— Я должна следить за ним, — раздался за спиной поспешный голос Рикс, — но мы будем рядом, — она приблизилась ко мне и, не останавливаясь, чтоб не отстать от брата, прибавила, — я... Я очень рада видеть тебя, Дарина.

Эти слова вызвали радость, хотя мы с рыжей не были близки, но в груди затеплилось чувство, как при встрече со старым товарищем.

Может, у нас даже был шанс стать подругами... Но не следовало думать об этом сейчас.

Битва шла в самом разгаре.

На подмогу приходили отряды диких волков, некоторые, как Рикс, сумели стащить пульта управления, и тоже обратились, иные ломали свои ошейники, и тогда... Тогда им на помощь приходил мой вой.

Я рвала глотку, обегая периметр лагеря. Волки то и дело присоединялись ко мне, и это поднимало в нас новые силы. Я избегала битву, но пару раз встряла в серьезную схватку с укротителями.

Была ли я ранена? Не знаю. Чувствовала лишь то, что от запаха крови и страха уже начинает мутить. В глазах мерцало, и с трудом удавалось различить знакомые очертания и образы среди мутных белых пятен.

Все расплывалось, и я далеко не сразу заметила, как битва начала замедляться и оканчиваться.

Гул боя стих, но шум в ушах стал невыносимо сильным. Теплая и тяжелая кровь замарала шерсть. Все чувства притупились, о существовании физической боли я в принципе забыла, хотя должны были тянуться мышцы, ломить кости, ныть раны... Ведь без увечий точно не обошлось.

Тяжело дыша, я встала как вкопанная, жмурясь и приплюсываясь, пытаюсь сориентироваться, понять, что происходит.

Крики вдали, звуки визжащих шин и затихающих моторов — кому-то удалось сбежать на машине. Пока еще одинокие победоносные возгласы тех, кто первый осознал победу и уже обратился снова в человека, нервные повизгивания, волков, которые, как и я, пытаются разобраться.

Быстро возгласы начали возрастать, радующихся победе стало больше, слышали оклики — кто-то искал товарищей и родных, резкие голоса альф раздавали какие-то приказы, но мало кому удавалось их распознать.

Тут вдруг до слуха дошла фраза: "Есть еще несколько! Вон там, в большом доме!".

Почему-то я сразу поняла, о каком месте идет речь, и повернулась к главному зданию, где располагались укротители, был лазарет, администрация и... Кабинет Верона.

Верон! Я не видела его на поле боя, не видела, чтобы он стрелял по волкам. Что же это? Выстрелить в безоружную доверившуюся ему девушку — легко, а как перед ним свора яростных волков — прячется у себя под столом?

Злоба одолела меня, заставила стремглав броситься к дверям главного корпуса, где уже стояло несколько волков и трое учеников-заключенных центра, которые из-за ошейника не

смогли обратиться, но все же желали побороться.

Что ж, верховный укротитель. Господин Верон... Я иду за тобой.

Глава 26. Ну здравствуй, верховный укротитель

И не заметила, как за мной последовало еще несколько бойцов с поля боя. Видно, уверенность, превратила меня в их глазах в вожака нового наступления.

Разумеется, главное здание учебного центра было прекрасно укреплено. Тяжелые двери, запирающиеся на массивные замки, решетки на толстых окнах, по которым сейчас в довесок пустили ток...

Но волков это не останавливало. Они наваливались на двери всей гурьбой, кидались на окна, цеплялись за решетки, получали электрический удар, визжали от боли, но все равно продолжали нападать на неприступное, как крепость, здание.

Я атаковала его вместе с ними. Бросалась на двери, бросалась на окна, визжала от боли, но жажда увидеть Верона, посмотреть ему в глаза, показать, что вот она я, живая, сильная и свободная, не позволяла мне отступить.

Вдруг за спиной послышался хлопок, громкий гул и шипение.

Интуитивно я поняла, что это важно, и оглянулась. Из-за крыш барачков виднелся столб черного дыма. Тусклый свет в вытянутых окнах лачуг один за другим погасал, как и фонари на улице. Кажется, кто-то додумался вывести из строя местную электростанцию.

Дверь в главный центр, впрочем, продолжала стоять неподвижно. Наверняка у этого здания был резервный генератор. Но на электрические решетки теперь уже бесценную энергию не тратили, и волки, как один, взялись их разламывать.

Несмотря на всю нашу яростную упорность, окна едва поддавались давлению, и мы бы никогда не взяли центр, если бы вдруг поблизости не оказался Рукс.

До сих пор не верилось, что застенчивый братик нахальной Рикс в своем волчьем облике превращается в такого могучего исполина. Казалось, одной лапой он может обхватить человека и выжать его начисто... Но на то он и был утаенным, как и я. Перед Руксом все податливо расступились. Его глаза горели свирепым огнем, и не было сомнений, что сейчас его разумом полностью главенствует волк.

Была уверена, что исполин вырвет решетки, а затем разобьет стекло... Но я недооценила силу Рукса. оборотень размахнулся тяжелой передней лапой, которая больше походила на руку, и со всей силы ударил по решеткам и окну. Стальные стержни искривились и врезались в стекло. Оно покрылось похожими на паутину трещинами.

Рукс ударил еще и еще. Он бил то левой, то правой, пока решетка не превратилась в груды металлолома, стекло разлетелось во все стороны, а рама искривилась и уже держалась на соплях.

Не обращая внимания на изрезанные осколками лапы, Рукс рыкнул гордо и устрашающе и влетел через открывшийся проход в главное здание. Остальные ринулись за ним. Я не стала исключением.

Оказавшись внутри, надеялась сразу учуять Верона. Хотелось, чтоб в его запахе, остро-сладком, ощущался страх.

Но... Не удавалось его уловить. Слишком много других укротителей и волков.

Те, кто пришел вместе со мной, рассредоточились по коридору, чтобы обнаружить спрятавшихся противников. Я же направилась напрямик к Верону.

Рукс шел со мной, и я была несказанно этому рада. Почти никто из оставшихся

укротителей не решался на нас напасть — наверняка спрятались по углам, только завидев. А те немногие, что решались... Один взмах громадной лапой, и утаенный устранял угрозу.

Особенно он пригодился возле дверей в кабинет верховного укротителя. Тяжелые высокие, они были захлопнуты наглухо.

Раньше думалось, что их и танк не снесет, но перед Руксом они пали быстро. Даже подозрительно быстро.

Хозяин кабинета уже был готов к нашему приходу. Нутром почуяла неладное и со всей силы оттолкнула Рукса от открывшегося прохода.

Не зря.

В тот же миг раздался оглушительный выстрел, и пуля, которая грозилась серьезно ранить утаенного лишь оцарапала мой бок.

«Верон! лучше сдавайся!», — хотела крикнуть, позабыв, что все еще в звериной форме. Вместо этого из груди вырвался грозный рык, и я влетела в комнату, готовая растерзать своего главного врага.

Все и сейчас было, как в тумане. Тусклый красноватый свет ламп резервного питания, запах гари и крови, крики за окном, рычание и вой на нижних этажах, его кабинет, фигура в знакомой черной форме...

Не думая, кинулась на нее и повалила на пол, придавив мощными передними лапами. Вот он! Вот он тот час! Я посмотрю ему в глаза и...

Сердце екнуло.

На меня глядели не пронзительно-голубые глаза, четко окаймленные по краям, а карие. И в них не было искорок безумия и раскаяния, которое я до последнего надеялась в них увидеть. Нет, эти глаза смотрели на меня с ненавистью и злобой.

Шелла. в кабинете Верона. В форме верховного укротителя.

Что здесь случилось, пока меня не было?

Так растерялась, что, кажется, выветрилась вся спесь, а вместе с ней — звериная ярость. Тело само собой начало трансформироваться в человеческое. Через мгновение я уже сидела на ней, озадаченная, все еще злая и совершенно голая.

К счастью, внимательность еще оставалась звериной. Пистолет, из которого Шелла по нам стреляла, она выронила, когда я ее уложила. Пока к противнице не вернулась жажда борьбы, я схватила его с пола, вскочила и направила на нее. Шелла медленно приподнялась на локтях.

— Ты не выстрелишь. Храбрости не хватит.

— Снимай свой плащ, — я проигнорировала ее слова.

Кажется, Шелла тоже сделала вид, будто и не говорила про мою трусость. Она послушно выполнила приказ, поглядывая на пистолет.

Неуклюже, стараясь ни на секунду не ослабить руку, держащую оружие, я оделась. Форма пахла резким женским парфюмом. Совсем не как Верон, но я все равно почему-то вспомнила первый день нашего знакомства, когда он выскочил на арену, чтобы отогнать от меня оборотня, а затем укутал в свой плащ.

— Ты даже не представляешь, какую кашу вы заварили, — прошипела Шелла, — раньше мы терпели диких волков, но после такого... Клянусь, мы сотрем все стаи с лица земли!

Она всегда была агрессивной и амбициозной, но сейчас... угрожала, будучи под дулом пистолета и под надзором оборотня-исполина.

Элементы мозаики начали выстраиваться в подозрительную картину. Я задала вопрос,

который все это время вертелся на языке:

— Где Верон?

Шелла хитро оскалилась — я напонила ей свое слабое место, и теперь укротительнице было за что ухватиться.

— Ха! А ты не знаешь? Я была уверена, что ты видела, как его повязали.

— Повязали? — вверху живота заболело.

— Да. когда он отпустил тебя на глазах у Председателя совета.

— Он не отпускал меня! Он выстрелил в меня! — закричала я, ужасно разозленная ее словами.

Она манипулирует мной. Она врет. Нагло все врет!

— Стрелял в упор и промахнулся? Да еще и позволил тебе дать деру? Как так, Дарина?

— Дарина! — знакомый голос, произнесший мое имя почти сразу после Шеллы, показался эхом ее слов, и я не сразу поняла, что в комнату влетел взбаламученный Рэйн.

— Где он сейчас? Где Верон? — я не замечала ничего вокруг себя.

— О, боюсь, ты его больше не увидишь.

— Дарина, — Рэйн подскочил сзади, схватил за плечи и шепнул, — укротители присылают подкрепление, нам пора уходить.

Но его слова звучали в моей голове, как назойливое жужжание. Я даже и не поняла, о чем он говорит, и пренебрежительно отмахнулась.

— Говори прямо! Или застрелю! — рыкнула я Шелле.

— Мы уходим, — отрезал Рэйн, поняв, что я ничего не соображаю.

Он обхватил меня сильной рукой, приподнял и поволок прочь из кабинета.

— Нет! — я начала сопротивляться. Я должна узнать! Все узнать!

Верон... неужели Верон...

— Мы заберем ее собой, — вдруг заявил Рэйн, и по твердости в голосе я поняла, что он не врет, — нам нужны пленные. Особенно высокопоставленные, как она.

Он кивнул Риксу, давая ему безмолвное указание.

Тот не послушался, пока не посмотрел на меня и не увидел в моем взгляде одобрение.

Исполин легко схватил Шеллу, которая отчего-то и не стала сопротивляться. Задумала что-то, без сомнений. Но я с ней разберусь. И все узнаю.

А пока... Пока нам нужно уходить. И чем быстрее, тем лучше.

Глава 27. Пора взять власть в свои руки — 1

Удивительно, как быстро удалось волкам уйти. Но на то и природное чутье с отточенными до совершенства навыками выживания в лесу. Разве что освобожденные из тренировочного центра чувствовали себя немного не в своей тарелке и двигались как-то воровато, будто были перед всеми виноваты или чего-то стыдились.

Но ведь не по своей воле они оказались в тренировочном центре! И не по своему желанию подчинялись укротителям.

Были, конечно, и такие... Но они остались на бывшем поле битвы — дожидаться хозяев.

Рэйн тащил меня за руку почти впереди всех. Наверное, это правильно, что альфы ведут волков, только как я затесалась в ряды лидеров — непонятно.

Многие оставались в форме зверей. Может, стеснялись наготы? Не каждый догадался припрятать свою одежду, как Рэйн и его соплеменники, не всем повезло, как мне, раздобыть новую одежду. Впрочем, попадались и настоящие нудисты, бежавшие по лесу в чем мать родила. Их не смущали ни острые ветки и усыпанная иглами да мелкими камнями земля, ни чужие взгляды. Казалось даже, что они гордятся своим внешним видом.

Что интересно, голыми шли лишь волки с болот. Вероятно, так у них принято. Полное единение с природой и все такое... Можно было бы их и упрекнуть, но бойцы из этих стай оказались самыми рьяными и беспощадными. Настоящие волки, а не люди. Можно было подумать, что у них звериная сущность превалирует.

Не верилось, что битва осталась позади. Что все это кончилось. За спиной все еще будто бы слышались звуки битвы: крики, выстрелы, звериный рев. Чудилось, что стоит обернуться, и я снова там окажусь.

Но, наверное, к счастью, я мало помнила о произошедшем. Все воспоминания принадлежали волчице, с которой, без снадобий Грагши, я по-прежнему чувствовала разлад.

Может, это и плохо, и мне следовало бы сохранить этот опыт, сделать выводы, но... Не сейчас.

Сейчас есть другие проблемы, которые потребуют много сил на решение.

Мы отошли от тренировочного центра достаточно далеко, чтобы выхватить фору и скоординировать свои действия прежде, чем укротители оклемаются и решат взять реванш.

Только сейчас, на короткой стоянке, я поняла, как много среди нас раненных. Странно, все шли так одинаково быстро, и складывалось впечатление, будто все волки совершенно здоровы, полны энергией и готовы штурмовать еще несколько таких центров...

Видно, они двигались по инерции и только сейчас, остановившись, поняли, как много ушло сил, как много потеряли крови, как сильно ноют свежие раны.

Те из волков, кто остался невредим, принялись помогать остальным с перевязкой. У кого-то нашелся целый мешок с целебными смесями, которыми снабдила его Старшая мать.

Я чувствовала себя виноватой перед этими людьми. Из-за меня они пострадали... Потому присоединилась к числу тех, кто помогал раненым.

Мне не нравилось, как смотрят волки. С почтением и даже благоговением. Неужели они не понимают, во что я их впрягла?!

— Они позаботятся о себе, — я вдруг услышала голос Рикс, — а тебе надо бы посмотреть, что там происходит.

Рыжая оказалась рядом со мной, когда я помогала одному обращенному волку перебинтовывать ногу — его звериные лапы едва справлялись с такой простой задачей.

Возле Рикс стоял ее брат, уже вернувшийся в человеческий облик. Он тупил взгляд в землю, будто стеснялся чего-то, его же сестра напряженно смотрела в сторону.

Проследовав за ее взором, увидела, что на отдалении столпились волки, окружив нескольких альф, которые бурно что-то обсуждали.

Кажется, Рикс права. Нужно выяснить, что там происходит.

Я подошла к толпе тихо и немного неуверенно, но волки, тем не менее, расступились передо мной, и к альфам удалось пробраться совершенно беспрепятственно.

Когда увидела, о чем, точнее, о ком они говорят, в груди заныло.

Шелла. Я будто бы специально забыла о ней.

Альфы рьяно спорили, что же делать с укротительницей. В плане штурма не было речи о пленных, и многих это беспокоило. Они считали, что Шелла замедлит их, что из-за нее противники точно бросятся в погоню, и лучше от нее избавиться. Другие же убеждали: это козырь, который нельзя так просто выбрасывать.

Шелла сидела со скучающим видом, но я чувствовала: она напугана. От нее так и смердело страхом, и вряд ли нашелся бы хоть один волк, который это не заметил.

— Это кто это к нам пришел? — завидев меня, выкрикнула Шелла, и альфы разом замолчали — удивились наглости пленной, — кто ты теперь? Их предводительница? Нет... Наверное, быстренько легла под кого-то из них, как под Верона когда-то.

Ударил в больное место, сволочь.

— А ну заткнись! — рыкнул на нее Рэйн, которого слова Шеллы почему-то тоже задели.

— А, значит ты легла под него? Гора мышц и ни одной извилины в голове? — она закачала головой и цокнула, — бедолага Верон, пожертвовал собой ради какой-то маленькой шлюшки.

— Я не верю тебе. Ни одному твоему слову! — пальцы сжались в кулак, мышцы задрожали от переполнявшей меня злобы.

Нет, нет, нет! Она нагло врет! Манипулирует мной!

— Верись ты или нет, не имеет значения. Верон сейчас очень далеко, в какой-нибудь тюрьме... Или дурдоме. Да, он всегда был сумасшедшим, а ты вконец довела его. Но тебе ведь плевать, даже не притворяйся, что что-то чувствуешь. Ты просто безмозглое животное, к которому он умудрился привязаться. Сам виноват.

Ее слова жужжали в голове, как назойливые жирные мухи.

Она ничего не знает! Ничего!

Живот свело и я растолкала окруживших пленницу бойцов и выскочила из их кольца.

Надеялась, что за высокими крепкими спинами не так душно, не так мало воздуха.

— Дарина? — Рэйн последовал за мной.

Его лицо выражало беспокойство и заботу, но от того, как впились в меня округлившиеся глаза, стало еще дурнее.

— Это неправда, — только и смогла выдавить из себя.

Альфа встрепенулся и ободрено воскликнул:

— Конечно, это неправда! Ни в жизнь не поверю, что этот подлец мог сделать что-то хорошее!

Уже привыкла думать о Вероне, как о главном враге, но тут вдруг разозлилась и набросилась на Рэйна:

— Не говори так! Ты ничего не знаешь! Его не знаешь!

Все перевернулось вверх дном. Я уже не понимала, кому верить, кого поддержать, чью сторону выбрать. Все снова стало сложным, запутанным и совершенно непонятным.

— Я знаю его и его породу наизусть, — прорычал Рэйн, опасливо и одновременно с этим грозно оглядываясь по сторонам. Он боялся поссориться со мной, но не мог показать себя слабым перед всеми этими волками.

Стоило ему это сказать, внутри все словно бы разорвало, затянуло в вихрь и перемешало. Губы задрожали, язык судорожно зашевелился, готовясь дать форму бессвязным звукам и превратить их в слова. Но эти самые слова не приходили на ум. Простейшему предложению не удавалось протиснуться сквозь неразбериху в моих мыслях.

Больше на автомате, как будто это был своеобразный механизм защиты, я закачала головой, развела руками, намекая, что не хочу ничего слушать и ничего обсуждать,

Как ошпаренная дернула прочь от скопища людей.

Рэйн за мной не последовал.

Наверное, к лучшему — в одиночестве я соберусь. Но отчего-то хотелось, в самой глубине души, чтобы он пошел со мной. Чтобы показал всем: мое мнение имеет значение, и он готов обсуждать со мной вопросы, если не на виду, то хотя бы наедине.

Глупость, конечно. Рэйн молод, но даже ему хватило ума и дипломатичности, чтобы понять: именно сейчас негласно решается, кому быть вожаком всех стай, всех волков в войне с укротителями, и если он хочет победить в этих "выборах" (а он, определенно, хочет), то ему следует показать себя сильным, ни от кого не зависящим. Но, думаю мне, рискни он и пойдя за мной — я бы совершенно иначе взглянула на Рэйна и на наши с ним неоднозначные отношения.

Глава 27. Пора взять власть в свои руки — 2

Не обращая внимания на взволнованные взгляды волков (они все еще пристально за мной следили), я отошла в сторонку и, когда на глаза попало покореженное дерево, присела на него, закрыла глаза и изо всех сил напряглась. Нужно было думать. И думать быстро.

Рэйн и остальные вряд ли собираются ждать, когда я разрожусь гениальной идеей. Да никому из альф мои идеи и не интересны. Я их уникальное оружие, а не один из лидеров.

Но сердце подсказывало: если не единогласно, то большинством голосов альфы решат избавиться от пленницы. И сделают это прямо здесь и сейчас. А я тогда не смогу более подробно, более досконально расспросить Шеллу о Вероне, не смогу ничего ей предложить, ведь смертный приговор уже вынесен. В общем... Так и останусь в этом мучительном состоянии запутанности.

А я должна узнать правду. И если Верон меня не предавал...

Сердце екнуло, и я поняла, что безумно этого хочу, что забуду обиду, гнев, отвергну месть и возьму назад все проклятия в тот же миг, как убедюсь в его невиновности. И сразу после этого — пушусь во все ноги ему на выручку, костями лягу, но спасу.

Боже... и чем он меня так зацепил? Чем свел с ума? Неужели и вправду не нужно что-то особенное, и между двумя незнакомцами вспыхивает нечто такое, что заставляет его отречься от всей своей жизни, предстать предателем в ее глазах, лишь бы спасти, а ее... Заставить ее ненавидеть до закипания крови, а потом также неистово жаждать его вернуть.

Маленькая надежда, одно ничем не подтвержденное слово, и я уже готова все бросить, забыть о войне, на которую зачем-то подписалась, и бросить Рэйна.

— В тренировочном центре ты не казалась мне такой размазней. И во время боя — тоже, — едкое замечание заставило отвлечься от мыслей.

Быстро бросила сердитый взгляд в сторону говорившего, но у внезапно появившейся передо мной Рикс был иммунитет и на сердитые взгляды, и на какие-либо колкости.

Поэтому пришлось ограничиться хмурым:

— Ты пришла надо мной поиздеваться?

— Я пришла вправить тебе мозги, — не без раздражения отозвалась та.

Невольно закатила глаза. Еще нравочений от рыжей мне не хватало!

Мое молчание Рикс восприняла как призыв к действию:

— Они сейчас всю решают судьбу Шеллы, а ты просто ушла и забила в угол! Это не та волчица, которую я знала.

— А что, по-твоему, я должна делать? Они альфы, а я кто? — больше всего в словах Рикс бесило то, что она права, и что говорит о вещах, о которых я все это время думала.

Шелла еще нужна мне. Нужна живой.

— А ты — утаенная. Причем утаенная такой силы, что мало кто поверит в твое существование, пока не увидит! Ко всему прочему ты смогла сбежать от укротителей, а потом разгромить их в пух и прах. Ты ведь не думаешь, что волки из учебного центра пошли за альфами, которых видели впервые в жизни? Нет! Они пошли за тобой. Да и сами те альфы никогда бы не решились на войну, если бы не ты и твои способности. Теперь у всех вожаков нет выбора. Они сделали шаг против укротителей. Если раньше могли плюнуть на тебя, то сейчас не могут. Ты их единственное оружие, и они будут плясать под твою дудку.

Сердце забилось быстрее, а вверху живота появилось неприятное жжение. Рикс все говорила верно. И в глубине души я знала все это еще раньше, даже могла выкрикнуть это в сердцах, но умом до конца не осознавала. Если Рэйну вдруг обретенная власть ударила в голову и он внутренне провозгласил себя вожаком вожаков, хотя по факту был еще далек от столь высокого звания, то я свою власть не могла признать, отнекивалась от нее и делала вид, будто ее и нет вовсе.

Но, черт возьми, она была! Как и причина, наконец, признать ее и принять ее.

Пора расставить все по местам. Пора снова собраться, обрести цель и пойти к ней широким уверенным шагом.

— Мы с тобой договорились, — слезая с дерева, обратилась я к Рикс решительным голосом, — что если я вытащу вас с братом на свободу, ты отведешь меня в храм.

— Я всегда держу слово, — лицо волчицы просияло.

Кивком приказала ей идти за мной и двинулась обратно к альфам. Кажется, они уже устали говорить, и вот-вот одна из сторон спора должна была сдаться.

Когда волки снова пропустили меня (но на этот раз смотрели с подозрительностью — после того, как я дала слабину, видно, начали сомневаться в силе утаенной), я вышла в центр толпы, остановившись прямо напротив Шеллы, и проговорила громко:

— Это моя пленница. Я нашла ее, и я ее победила, мне и решать, что с ней делать.

— И что же ты решаешь с ней делать? — спросил один из альф с болот. Старый и хмурый.

— Я заберу ее с собой, — удивительно, но голос даже не вздрогнул, — эта волчица, — я показала на Рикс, — отведет нас в храм. И Шелла пойдет туда с нами.

Несколько вожаков начали сердито переговариваться меж собой, Рэйн недовольно насупился, а старик альфа, помолчав, вдруг вскинул руку, заставил тем самым всех остальных заткнуться (видно, его уважали по праву старшинства), и проговорил:

— Она — твоя добыча. Твое право поступать с ней по собственному желанию. Моя стая не собиралась идти с тобой в храм, — Рэйн скривился, когда альфа сказал мне «с тобой», а не «с вами», — и если ты потащишь туда ее... Мы тем более не пойдем. Но если у тебя все получится... Мы с радостью снова послушаем твой вой и встанем против укротителей.

Своей короткой речью он поставил жирную точку. Кто хочет, мог вернуться к прежней жизни в стае, избегать укротителей и просто ждать, когда придет время нанести новый удар. Остальные же могли пойти с нами... Со мной. Извлечь выгоду из пленения высокопоставленной укротительницы и встать в числе тех, кто будет решать судьбу волков.

А мне... Мне нужно были при этом еще как-то решить свою судьбу.

Глава 28. Воссоединение

Мы бы двигались намного быстрее, если бы не пленница. Порой казалось, что она специально то и дело спотыкается, замедляется и даже падает. Хотя... Может, и действительно специально.

Не стоило упускать из виду вероятность, что за нами гонятся. Из жажды спасти укротительницу или же из мести — неважно. Наши противники ничего не спустят с рук. Это знала Шелла. Это знали и волки.

Потому настроение среди них было удрученное. Возможно, многие только сейчас осознали, что на самом деле сделали и во что вписались.

Но негласно решили об этом не говорить. Кажется, неумение признавать свои ошибки — общая для оборотней черта. Я точно принадлежу к этому народу...

Рэйн на протяжении всего пути оставался хмурым и неразговорчивым. Чудилось, что он еще и обижен. Но на что? По-моему я сделала все, что он от меня ждал, и даже чуть больше.

Но, если уж быть честной, я мало сейчас о нем думала. То и дело в голове всплывали мысли о Вероне, заявление Шеллы, что он отпустил меня и жестоко за это поплатился, и я пыталась понять, возможно ли это.

Сердце хотело верить, и вряд ли была надежда переубедить его... Но пока удавалось сдерживать порыв чувств и заставляя себя хоть немного думать.

Я двигалась почти впереди, вместе с Рикс и ее братом. Оба почти всегда молчали, потому рядом с ними было комфортно.

Рыжая лишь изредка задавала короткие вопросы, касавшиеся нашего плана, и, уже под вечер, предупредила, что нужно будет устроить ночную стоянку через пару часов.

Я тогда легко кивнула, но только получив в ответ долгий испытующий взгляд Рикс, поняла, что должна передать это остальным.

Чувствовала себя неловко, когда раздавала приказы. И как я оказалась во главе всех оборотней? Даже альфы не пытались со мной спорить... Да ко всему прочему сразу принимали мои распоряжения и выполняли их.

Стоянку организовали быстро. Впрочем, мы не расставляли вигвамы, даже простые шалаши. Все было рассчитано так, чтобы в любой момент сорваться с места и скрыться в чаще.

Волки разделились на группы. Все стаи и те, кто сбежал из учебного центра. Я по привычке расположилась рядом с Рэйном, хотя его обиженная мина (теперь я уже не сомневалась, что это обида) все больше раздражала.

Уже под конец ужина я не выдержала и спросила:

— Что с тобой?

Он качнул плечами и, чтобы не отвечать, пригубил чашу с водой. Кажется, он готов был держать эту чертову чашу у рта до тех пор, пока от воды у него все лицо не распухнет.

От ссоры (я уже готова была высказать все свои претензии) спасли волки из тренировочного центра. Я услышала, как меня позвал Рукс, сказав осторожно, что я должна кое-что увидеть.

Что ж. Наверное, это важно. Да и с Рэйном, пожалуй, лучше не ругаться сейчас, а для этого придется держаться от него подальше.

— Пойду проверю, — сказала, не глядя на него.

— Конечно, — пробурчал тот, — ты ведь здесь главная.

От сердитости у меня лицо перекосилось, но я все силы приложила, чтобы пропустить его бормотание мимо ушей.

У костра освобожденных волков меня ожидал сюрприз. Сложно сказать, приятный или нет.

Во главе их небольшого круга я обнаружила Бринелу.

Он поднялась, только мы с Руксом приблизились, и смерила пронзительным взглядом.

— Я не знаю, что тобой движет... Но я рада, что мы теперь свободны, — сказала она мне вместо приветствия.

— Если так ты говоришь «спасибо», то не за что, — ответила ей сухо и чуть раздраженно. Бринела даже не думала что-либо добавлять, потому я сразу обратилась к вставшей возле меня Рикс, — что-то случилось?

— Мы с Бринелой кое-что заметили. Подумали, тебе стоит знать.

— Что такое?

— За нами кто-то идет, — ответила за рыжую Бринела.

— Укротители? — я сразу напряглась.

— Нет, — категорично отозвалась старшая мать моей прежней стаи, — идет слишком тихо и ловко. Да еще и в одиночку. Это какой-то волк.

— Я услышала его спереди, но подумала, что мне кажется... — подтвердила Рикс, — но Рукс тоже слышал, и Бринела говорит, что он и ей мерещился в лесу.

— Он то сбавляет ход, то прибавляет. И идет в тени. Боится подойти достаточно близко, чтобы его заметили.

- Это может быть... Какой-нибудь одиночка?

— Таких сейчас мало... Но если это так — нам повезет, — заявила Бринела, — но, Дарина... Ты должна знать: это может быть псина.

Сначала от этого слова передернуло, уж больно резко оно прозвучало. Но потом вспомнила, кого им обозначают: волков, переметнувшихся к укротителям.

Если это так, то ничего хорошего, но... Почему-то мне вспомнился совсем другой оборотень. Тот, который давно не появлялся в моей жизни, хотя, чудилось, всегда был где-то рядом и словно бы следил за мной. Черный волк.

Мог ли это быть он? Тот, кто перенес меня сюда? Ведь я натворила дел, это не могло не привлечь его внимание.

Заметив, видимо, что я глубоко задумалась, Бринела поспешила поделиться своим мнением:

— Пока ничего не ясно и лучше не говорить остальным. Не устраивать панику. Но если наш «спутник» совершит ошибку — лучше будет сразу его схватить.

Я согласно кивнула. Не очень нравилось, что Бринела берется командовать... Но, будем объективны, сама я не очень с этим справлялась. Полагаю, статус «волка-одиночки», которым наградил меня Верон в самом начале нашего знакомства, идеально описывал мой стиль жизни.

Не хотелось возвращаться к Рэйну и весь оставшийся вечер наблюдать его кислую мину, потому я осталась с освобожденными волками. Не сказать, что мы прямо сдружились, но вечер прошел довольно приятно. Без тяжелых разговоров и решений.

Так что когда мы снова выдвинулись ранним утром, я чувствовала себя довольно бодрой

и, не то чтобы готовой к новым подвигам, но хотя бы к решению неожиданных проблем.

Впрочем, я точно не готова была к тому, что ждало впереди...

Рикс вела нас на удивление уверенно, будто проходила этими тропами сотню раз. Но, впрочем, она же говорила, что укротители схватили их, когда они пытались добраться до храма. Не удивлюсь, если рыжая каждую свободную минуту прокручивала в голове путь до сакрального места, где Рукса бы защитили.

Но через час-полтора пути я заметила, что провожатая начала ступать чуть менее уверенно и то и дело замедлялась, выискивая глазами ориентиры. Возможно, мы уже были в том месте, куда им с братом не удалось добраться в прошлый раз...

В груди у меня все сжалось, и моторчик, гоняющий по телу кровь, будто бы заглох. Чувство, что мы на пороге чего-то неопишимо важного, накрыло с головой, пересилив даже размышления о Вероне и его настоящем отношении ко мне.

Лес начал редеть. Стали попадаться огромные красные камни практически идеальной квадратной и прямоугольной формы — их явно кто-то высек, хоть и очень давно.

Волнение охватило и остальных волков.

Даже Рэйн забыл о своей обиде, поравнялся с нами, чуточку виновато мне улыбнулся и спросил у Рикс:

— Мы близко к месту, да?

Она уж кивнула в ответ, как вдруг дернулась, что-то осознавая, и ответила:

— Нет. Мы уже на месте.

Впереди выростала высокая рыжая гора, покрытая кое-где колючими кустарниками и тоненькими деревцами. Она удачно примыкала к еще не кончившемуся лесу и пряталась в тени его деревьев. На ней можно было увидеть старую почти полностью сколотую резьбу, остатки колонн, лестницы и, что более всего привлекало внимание, двух больших статуй мужчины и женщины с волчьими головами. Они как бы охраняли квадратный полуразрушенный проход, за которым ничего не было видно.

Все встали, как вкопанные, и минуту рассматривали гору. Потом начали слышать шепотки: «Мы пришли», «Это то самое место», «Он существует». Чудилось, что волки искренне восхищены руинами, а я же... Я не видела в них ничего особенного.

Более того, я была разочарована. И это и есть то самое место? Храм, снившийся мне все это время? Призывавший меня к себе? Место, где я должна была найти ответы на все свои вопросы, а заодно и найти способ освободить волков от укротителей?

Не похоже, чтоб здесь вообще кто-то жил последние лет сто!

Но не успело разочарование отразиться на лице, как судьба преподнесла очередной сюрприз, и мне пришлось кардинально изменить мнение об этом месте.

В глубокому проходе, защищаемом двумя статуи, возник огонек. Он рос, увеличивался, свет уж упал на потрескавшиеся стены, на которых виднелись старые фрески, и вскоре на пороге входа очутились три фигуры в черных плащах.

Один из незнакомцев держал в руках факел.

Так странно...

Они появились очень быстро, будто бы не только ожидали нас, но и знали точное время нашего прихода.

Мгновение троица смотрела на нас — я чувствовала их пристальные взгляды, хоть лица были скрыты под капюшонами. А затем один из незнакомцев, тот что был впереди их всех, выступил к нам навстречу.

Он или она (походка была, скорее, женской) подошел.

Я увидела мягкую улыбку на лице незнакомца, но почему-то насторожилась.

— Мы ждали вас, — проговорил подошедший женским голосом.

До ужаса знакомым голосом.

Женщина опустила капюшон, и как только ее лицо открылось, меня словно бы шарахнуло молнией.

— Я рада, что ты добралась, Дарина, — женщина мягко улыбнулась, а ее глаза заблестели от слез радости.

Я не могла поверить своим глазам. Все встало с ног на голову. И само собой с языка сорвалось удивленное:

— М... М-мама?..

Голова шла кругом. Мама! Это действительно она! Здесь, в храме, среди волков! Причем выглядела она здесь так органично, так прекрасно вписывалась в этот мир, в это место, в число этих людей, будто всегда и была здесь.

Но разве это возможно?!

Ей не удалось объяснить все на месте. Волкам, которых я привела, нужна была помощь. Вместе с двумя другими женщинами средних лет, которые вышли вместе с мамой, она провела прибывших в храм, пообещав кров и пищу.

Видимо, лицо у меня так преобразило изумление (наверняка в худшую сторону), что даже ослепший в отношении ко мне Рэйн это заметил, легко дернул меня за плечо и оглянул вопросительно.

— Это... Это моя мама, — выдавила из себя с трудом.

Глаза альфы округлились, рот приоткрылся, словно он хотел что-то сказать, но сдерживал себя. Он прекрасно помнил мою историю, и мать, находящаяся в этом же мире, в нее не вписывалась.

Мы долго двигались по темному узкому коридору, по которому вширь едва помещалось три человека. Из-за этого все теснились, к душноте прибавилось ощущение нехватки воздуха, и чудилось, что я вот-вот грохнусь в обморок.

Вспомнилось, как мы ездили с подругой в Египет и взяли экскурсию в гробницу. Но там я хотя бы знала, что ежедневно по этому же пути проходит тысяча туристов и благополучно возвращается наружу, здесь же... Черт знает, куда нас ведут.

Можно было успокоить себя мыслью, что это же мама, но... Она ли это? В этом мире? Да, мне снились сны, в которых она звала меня в храм, но что с того? К тому же я точно помню, как в день моей первой встречи с Черным волком, перед самым моментом перемещения в этот мир, мама позвонила мне. Значит, она была на Земле...

Однако она позвонила, чтобы предупредить о нападении волка. Как мама вообще могла это знать?

Даже если бы я трехкратно увеличила производительность своего мозга, все равно не смогла бы разобраться и расставить все по местам. Ничего не сходилось, ничего не склеивалось, абсолютно ничего!

Удалось чуточку выдохнуть, когда проклятый туннель со всеми его поворотами, перекрестками и разветвлениями кончился, и нас вывели в просторный атриум. Здесь не было места солнцу: кажется, мы уже находились под землей или глубоко внутри скалы, но здесь горели факелы, и по сравнению с почти полной темнотой коридоров, их тусклый свет казался сравнимым со светом самого яркого солнца.

На полу здесь лежали шкуры животных, заменявшие собой ковры, стояло несколько статуй все тех же людей с головами волков, в центре расположился широкий колодец с, как я надеялась, чистой водой.

Из атриума выходило еще несколько проходов, не хотелось даже думать, что придется снова идти в душную тесноту одного из них, но, будем честны, это была бы меньшая из моих текущих забот.

Почти сразу по нашему приходу, в атриум вышло еще несколько женщин в плащах,

которые принялись приглашать прибывших пройти с ними и увидеть место, где они могут устроиться.

Все так сложено и подготовлено. Нас точно ждали.

— Здесь не все, — увидев, что волки начали потихоньку разбредаться по коридорам, буркнул Рэйн, — старики и дети из стай ждут проводников к себе.

— Конечно, — мама кивнула, — мы снабдим ваших проводников и будем ждать остальных.

— Я... — Рэйн нервно вздрогнул и словно бы хотел посмотреть на меня, но не позволял себе, — я сам отправлюсь за своими. Не буду ждать остальных.

И чего это вдруг? Довести стаю будет несложно, к тому же спрячутся они совсем в другой стороне от тренировочного центра, и там вряд ли встретятся укротители.

А вот мне поддержка сейчас не помешала бы...

Но Рэйн выглядел категоричным и своим суровым выражением лица демонстрировал, что не будет менять решение, а своим опущенным, избегающим меня взглядом, показывал, что боится спорить об этом со мной.

Но я и не собиралась спорить. Даже и не хотела.

Вдруг все стало очень понятно, ясно как день. Мы с Рэйном совсем не подходим друг другу. Мы можем только играть в отношения, как дети, но за пределы игры это не выйдет. Я могу сколько угодно оставаться его парой, сколько угодно служить его оружием в бравой битве за свободу, но только между нами встанет вопрос из реального мира, проблема, которая не вписывается в фантазии молодого альфы, он забывает о нас, как ребенок об игрушке, когда приходит время спать, кушать или гулять.

Я не злилась на Рэйна за все это. И тот факт, что я не злилась, стал, пожалуй, решающим. Ведь если что-то чувствуешь к человеку — никогда не остаешься равнодушен. Гнев, любовь, все плохое и все хорошее переполняет тебя, с Рэйном было не так.

Но вот с Вероном...

Махнула головой, отгоняя эти мысли. Нашла время думать о личной жизни! Тут бы для начала с родственниками разобраться...

Рэйн ушел и одновременно с этим разошлись по углам и другие волки.

Я как неприкаянная душа стояла посреди атриума и лишь тупо смотрела на маму, ожидая, когда та заговорит со мной, то, что она должна начать, не оставляло сомнений. У меня мысли в слова не формировались, а она же весьма бодро командовала всеми. Говорила, кого где разместить, сколько подготовить еды, как встречать остальных волков, за которыми уже начали отпрапляться члены их стаи, а в конце распорядилась, что хочет встретиться со всеми прибывшими в храм старшими матерями.

И все слушались ее, выполняли распоряжения, причем охотно, с радостью.

Это точно моя мама? Мало того, что здесь, так еще и не обделена властью!

Когда к ней не осталось больше вопросов, и все указания были разданы, мама тяжело вздохнула и на мгновение затихла, замерла. Она не решалась обернуться ко мне.

Но вскоре она дернулась, как бы собираясь с силами, и, наконец, посмотрела на свою растерянную, чуть испуганную и сердитую дочь.

— Дарина... — она развела руками, будто намериваясь подойти и обнять меня, но, только осознала собственный жест, спешно сложила их перед собой. Мама никогда не отличалась нежностью, — я рада, что ты добралась до меня. Значит, ты смогла услышать мой призыв и все было не напрасно.

Призыв? И что это «все»? Не знала с чего начать расспросы, и на ум пришло только воскликнуть:

— Как я должна все это понимать?

Мама резко подалась ко мне, схватила за обе руки, как делала это, когда я в детстве пугалась или капризничала.

— Давай сядем, Дарина, — она потянула меня к колодцу в центре атриума, — мне нужно все тебе объяснить.

Да уж, черт возьми!

— Мне... Мне жаль, что тебе пришлось столкнуться с такими сложностями, — мама выглядела виноватой и говорила искренне. Это чуть остудило мой пыл: она всегда была гордой и никогда не признавала свои ошибки, — а сейчас готова была пойти на это. Я постаралась придержать злость, порожденную смятением, и мама тихо продолжила:— Я рассчитывала, что ты вернешься позже, когда мне удастся подготовить все для тебя. У нас еще было много месяцев на это.

— Много месяцев? О чем... О чем это ты? — вдруг мурашки побежали по спине. Я догадалась, — ты знала, что я окажусь здесь? В другом мире?!

— Да. Я знала об этом с момента твоего рождения, — ответила та.

— Как? И ты... — я вскочила, — и ты даже не удосужилась меня предупредить? Подготовить?

— Дарина, сядь, пожалуйста, — она снова схватила меня за руки, потянула к себе, но на этот раз я не послушала и вырвалась.

— Ты хоть знаешь, что мне пришлось здесь пережить?!

— Знаю! — она вспыхнула, огонь вспыхнул в ее глазах, но мама постаралась вернуть себе самообладание, — знаю, потому что все волки, каждый из нашего народа, переживал такие же беды. Я хотела оградить тебя, и здесь я не вру. Но кто-то вмешался в твою судьбу и

провел сюда раньше времени. Я никак не могла этому противостоять, могла только предупредить, но я не всеильна...

Она вроде бы говорила о том, что я помню, о том, что я знаю, но ничего все равно не складывалось.

— У меня просто не умещается все это в голове, — пришлось признать, и эти слова успокоили нас обеих.

— Я понимаю... Но... — помолчав мгновение, мама заявила, — ты сильная, Дарина. Всегда была такой. Еще когда ты была маленькой девочкой, я знала, что ты осилишь все испытания, которые подкинет тебе судьба.

Ее слова тронули. От мамы сложно было получить похвалу, она растила меня в строгости (и, кажется, теперь ясно почему — хотела закалить характер). Мне всегда хотелось двигаться вперед, учиться, работать, что-то достигать (пускай и в ущерб личному счастью). Хотя мама никогда этого не просила, но я, как и большинство недолюбленных детей, верила, что успех растопит ее сердце.

Странно, что я забыла об этом, когда попала сюда, когда стала больше плыть по течению, больше думать о себе и о своих чувствах. Может, так на меня подействовал этот мир, может, еще большое отдаление от матери (ведь когда я съехала от нее — поняла, что мне кто-то нужен, что одной карьерой сыт не будешь), а может, знакомство со своей волчицей открыло мне, что я для чего-то предназначена, что у меня есть важная цель, к которой стоит идти, без мытарств и попыток кого-то ублажить...

Я лишь чуть замедлилась, чтобы попытаться понять, в чем же заключается это предназначение. Стала искать его в собственной душе, практически игнорируя события, развивающиеся вокруг меня.

Однако найти свою судьбу оказалось непросто. Может, впрочем, у мамы есть ответы? Ведь не зря именно сюда, в храм, к ней, вела меня внутренняя волчица!

Глава 29. Немного правды — 3

Мама дала мне минутку, чтобы обдумать все. Она молча смотрела в сторону, и вся как окаменела. Даже когда я заговорила снова, она не повернулась, будто и впрямь стала одной из статуй, украшающих храм:

— Ты говоришь о моей судьбе... Как будто все о ней знаешь.

— Не все, — ответила она, вздохнула и, наконец, глянула на меня тяжело, но решительно, — за то время, что ты здесь... Ты успела узнать об утаенных и о Великом волке, да?

Я кивнула.

— И ты знаешь, что тоже утаенная?

— Да.

— Что ж... Это правда. Отчасти. Когда началась война с укротителями, мы, последователи Великого волка, прятали самых сильных, уникальных детей, по его велению. Их надо было скрыть от противника, дать им возможность вырасти, чтобы потом встать на защиту нашего народа. Местоположения укрытия было тщательно скрыто ото всех, и по стаям ползли слухи, будто утаенных вовсе переводят в другие миры.

— Но это не так? — я нахмурилась, — как же тогда я? И... И ты?

— С нами все было иначе. Остальные утаенные были спрятаны силами последователей Великого волка, жрецам его храмов. Но я же... Меня он спрятал самолично. Я... Я не знаю, почему он выбрал меня. Возможно, или даже скорее всего, я просто случайно попалась ему под руку. Он передал мне часть своей силы, но завещал ее моему ребенку. Тебе, Дарина. И почти сразу после этого погиб от пули тогдашнего верховного укротителя, — от изумления у меня вытянулось и напряглось лицо, и мама поспешила продолжить, — я знала, что вернусь сюда. Он так сказал. Частичка его души притянет меня обратно ровно через двадцать пять лет после того дня, как я получила его силу. То же случится с тобой, однако... Ты получила его силу позже на девять месяцев. В момент своего рождения.

— Но я очутилась здесь раньше...

Мама закрыла глаза, будто эта часть истории причиняла ей боль:

— Я не знаю, как это случилось. Как только я вернулась — сразу пришла сюда, в храм. Он пришел в упадок без нашего повелителя, но жрицы остались и не растеряли свои умения. Между матерью и ее дитем всегда остается связь, и с помощью жриц, я постоянно пробуждала ее, следила, чтобы у тебя все было хорошо, пока мы подготавливаемся к твоему приходу. Но... В один день я почувствовала, как над тобой нависла угроза, пыталась связаться с тобой через тонкие миры, однако это не помогло. Совсем скоро я почувствовала твое присутствие в этом мире. Все пошло не по плану.

Услышь я такой рассказ при других обстоятельствах — решила бы, что она бредит. Но вспомнились те трасны, в которые вводили меня Бринела и Грагша, вспомнились странные сны и тот звонок от мамы, за секунду до встречи с Черным волком.

Если возможно перемещение между мирами, возможно превращение людей в волков, то почему бы не поверить, что мама действительно могла почувствовать, что я в опасности, и мысленно со мной связаться?

Но, видно, она не знала, какая это была опасность, и я решила рассказать:

— Это был Черный волк. Черный волк с устройством укротителей, которое

переместило нас с ним сюда.

Мама посмотрела на меня, как на сумасшедшую, но уже через секунду, кажется, поверила и переспросила:

— У укротителей есть такое устройство?

— Да... Но теперь оно, кажется, в руках Черного волка. Мы с Вероном выяснили, что он угаенный, — не заметила, как моя речь убыстрилась, я затараторила, не удосуживаясь даже объяснить, — он тоже принимает третью форму, как я, и умеет лишать волков дара превращаться.

Что-то промелькнуло в глазах мамы. Какая-то идея, все проясняющая.

Я уж взбодрилась, обрадованная тем, что сейчас все разъяснится, но мама не стала озвучивать эту мысль.

Почему она решила скрыть это от меня?

— Надо обдумать все это. Я поговорю со жрицами и старшими матерями, — проговорила мама, стараясь сделать голос сухим. Но нечто вроде изумления или даже восторга все равно слышалось в ее интонации и виделось на лице.

Неискренность злила. Я напряглась. Но... Сколько можно видеть во всех врагов? В родной матери умудрилась его разглядеть! Может, стоит позволить ей сначала самостоятельно разобраться. Может, она еще не уверена до конца в своей догадке!

— Думаю, тебе стоит отдохнуть, — мама прервала затянувшееся молчание, — ты многое перенесла и... К сожалению, впереди еще больше.

Да, мама, ты всегда знала, как утешить!

Но правда есть правда. Нужно сделать хоть и небольшую, но передышку.

Когда мы уже встали и направились к одному из чернеющих проходов, куда уже давно увели остальных волков и где, видимо, располагались спальные места, одна из жительниц храма (видимо, все они и были теми самыми жрицами), окликнула маму.

— Нэла, — странно было слышать ее имя таким. Сколько себя помню, мама была Неллей, — мы обнаружили кого-то возле храма. Кажется, он следовал за прибывшими.

— Это укротитель? — мама нахмурилась, а ее руки сжались в кулаки.

— Нет. Волк. За ним уже вышли наши... — девушка не договорила — со стороны коридора, отводившего к улице, донеслись торопливые шаги.

Вскоре вырисовались фигуры. Две в плаще спереди, одна — сзади, а промеж них кто-то еще.

Я со всей силы всмотрелась в этого человека, пытаюсь разглядеть его за спинами жриц.

Вспомнилось предостережение Рикс и Бринелы о том, что кто-то следовал за нами...

Кажется, покой мне только снился...

Но не остается ничего, кроме как собрать последние крупницы сил и приготовиться к очередной неожиданной встрече.

Понутив голову, между жрицами шла чумазая, с взлохмаченными волосами, девушка. Она двигалась медленно, чуть похрамывая, и выглядела изнуренной и ужасно нервной. И хотя сейчас она абсолютно отличалась от той версии себя, к которой я привыкла, не узнать ее было сложно.

Лана.

Неужели это она за нами следовала? И зачем? Ради Рэйна? Если так — бороться с ней не буду, но... Ясно, что после всего случившегося так просто она ни ему, ни другим своим соплеменникам не покажется.

Так что она могла прийти сюда только с невероятно важным делом. А, значит, это приведет к ощутимым изменениям в нашем положении.

Чувство, будто я стою на пороге либо полного краха, либо триумфа, взбудоражило, и удалось на короткое время забыть об усталости.

Жрицы подвели Лану поближе, и как только мы пересеклись взглядами, та вздрогнула.

Ей явно было неуютно рядом со мной. Впрочем, это чувство я разделяла.

— Кто ты? — спросила мама у девушки, а потом сожиданием поглядела на меня — догадалась, что мы знакомы.

— Лана... — сказала я, но тотчас вспомнила, что ее имя ни о чем присутствующим не скажет. С другой стороны, и объяснять, кто она, очень долго и легче сначала самой разобраться, — зачем ты здесь? После всего, что случилось...

— Я хочу все исправить, — вдруг девушка подняла лицо и решительно на меня посмотрела.

В этом взгляде почувствовался какой-то вызов, и мои и так расшатанные нервы дали сбой:

— Что именно ты хочешь исправить? То, как подставила меня? Как предала Рэйна и всю свою стаю, работая на укротителей?

Мама схватила меня за локоть и легонько дернула, призывая успокоиться.

Я раздраженно оттолкнула ее руку, но, впрочем, попыталась совладать с собой.

Сжала пальцы в кулак, преобразовывая злость в физическое напряжение, заставила дыхание стать тише и глубже.

Лана, да и все остальные, догадались не трогать меня те несколько секунд, что я успокаивалась.

— Как ты собираешься все исправить? — вздохнув, спросила у нее.

— Я знаю... — она тяжело сплотнула, заставила себя расправить плечи и уже более уверенно заявила, — я знаю, кто тебе нужен. Верон. Я помогу вернуть его.

В груди екнуло.

Откуда?..

Как?..

— Это громкое заявление, — мама поступила мудро, не стала задавать вопросы, поняла, что Лана подцепила ее дочь на крючок, и сделала вид, что прекрасно осведомлена о наших с Вероном взаимоотношениях, какими бы они ни были, — как ты можешь давать нам гарантии? На чем они основываются?

— Я все вам расскажу, но... — Лана с показанным недоверием окинула взглядом зал и находившихся в нем жриц, — где-то в более укромном месте.

Я раздражено стиснула зубы. Она еще и диктует?!

Мама же вопросительно глянула на волчиц, что привели незваную гостью, и одна из них, постарше, тут же доложила:

— У нее нет никаких устройств и хвост она за собой не привела. Мы тщательно все проверили.

— Что ж, — шепнула мне мама, — решение за тобой.

А что я могла решить? При всем моем недоверии, раздражении и усталости, стоило прозвучать имени Верона, в голове все перевернулось, и я не могла думать ни о чем другом, кроме как о его спасении. Чертов укротитель!

— Хорошо. Хочешь укромное место, будет тебе укромное место. Но я надеюсь, что ты не врешь мне, Лана. Опять.

— Я не вру.

Что ж. Мы еще посмотрим.

Наверняка, когда Лана говорила: «Наедине», — она имела в виду только нас двоих. Но когда мама отвела нас в небольшую комнату с лежанкой из мехов на каменной плите, которая, вероятно, предназначалась мне (хорошо, что я уже давно отвыкла от комфорта), она и не подумала оставлять Лану со своей дочерью.

Я была крайне благодарна ей за это. Да, у меня были детские обиды на родительницу, но сейчас я вспомнила: какой бы холодной и строгой она со мной ни была — никогда не давала в обиду.

И сейчас, когда силы уже были на исходе, а конца борьбе и не предвиделось, ее поддержка стоила дороже всего на свете.

— Вот. Здесь только мы. Теперь говори, — сказала мама Лане.

Той не очень-то нравилось, что мы не в полной мере выполнили ее условия, но девушке хватило ума понять, что она не в том положении, чтобы диктовать нам что-либо.

— У вас в плену верховная укротительница, и остальные укротители хотят ее вернуть. Они готовы на обмен.

Лана проговорила это быстро, уведя взгляд в сторону, как провинившийся ребенок.

Говорит от лица укротителей? Значит, как только я ее отпустила, она побежала сразу к ним...

— Я знаю, как это выглядит, но все не так, — будто прочитав мои мысли, поспешно прибавила Лана, — я пришла к ним только для того, чтобы помочь волкам.

— В прошлый раз ты говорила то же самое, — отрезала я.

Эти слова ее огорошили, и Лана некоторое время молчала.

— Я правда делаю все это во благо, — в ее голосе послышалась дрожь, — правда.

В сердце кольнуло. А ведь она, кажется, не врет.

Подумалось, что я несправедлива к ней. Нет, я все еще была зла и считала, что Лана заслуживает наказание (впрочем, не настолько жесткое, какое предписывали ей заветы предков и Грагша), но в то же время, она заслуживала и милосердие.

— Ладно, Лана, — я протянула руку и положила ее на плечо девушки, — расскажи, что ты выяснила у них.

Волчица посмотрела на меня растерянно, удивленная этим жестом примирения:

— Я... — она запнулась сперва, но через мгновение заговорила уже твердо и громко, —

я не сказала им, что меня выгнали из племени. Сделала вид, что все нормально, и все еще могу работать на них... Они отправили меня выследить вас, разузнать, где пленница, и как ее можно выволить. Они очень хотят вернуть ее. Готовы пойти на все. Если ты предложишь обмен — они точно согласятся.

Это сомнительно... Укротители считают нас зверями, а со зверями не договариваются. Но, с другой стороны, зачем им Верон? Лишенный положения и авторитета? Он не знает военные тайны, и с легкой руки укротителей потерял малейшую возможность разведать что-либо теми способами, какими он пользовался.

— Они следят за тобой?

— Нет. Я убедила их, что будет надежнее, если я пойду одна и без технологий. Сказала, что все на взводе и не доверяют друг другу.

— Но ведь ты не знала, куда идут волки... Как ты нашла дорогу?

Хороший вопрос. Мы много петляли, разделялись, запутывали следы, чтобы нас не выследили ни укротители, ни их псы.

— Я... — она чуть смугилась, — я шла за запахом Рэйна.

Вдруг со стороны прохода донесся голос, так внезапно и громко, что я невольно вздрогнула:

— Тебе стоило его забыть.

Синхронно мы трое посмотрели в сторону говорившего.

Рэйн вернулся в храм. И, конечно же, ужасно не вовремя.

Лицо Ланы посерело от обиды и сожаления.

— Рэйн, я... — она метнулась к нему, но тот вскинул вперед руку, приказывая девушке не приближаться.

Ее глаза заблестели, но она послушалась.

То есть после всего, Лана все еще хочет быть с ним? Я бы так не смогла. Я бы не простила его, даже если бы была виновата.

Кажется... Эти двое друг друга стоят. Молодой альфа, который ужасно хочет стать великим. И глядящая ему в рот девушка, которая уже считает его таковым.

— Ты уверена, что укротители пойдут на сделку? — сделала вид, что не замечаю напряжения между этими двумя.

Лана кивнула, а Рейн резко выступил вперед.

— Что? Ты действительно собираешься это сделать?! — в глазах у него горела такая ярость, что стало не по себе, и даже мама прильнула ко мне и взяла за локоть, как бы защищая.

— Я... — я не была уверена. Все выглядело, как подстава. Причем не самая хитроумная. Но мне нужно было вернуть Верона, и не только потому, что я хотела этого. Я понимала, что он реально может помочь волкам. У него мозги работают быстро и совершенно непредсказуемо. Он прекрасно знает повадки и оборотней, и укротителей. Знает слабые и сильные стороны и тех, и других. Шелла не приносит нам пользы. Напротив, чем дольше мы ее держим у себя, тем больше укротители хотят нас найти. Их Верховная в плену у волков! Конечно, это позор, который они хотели бы поскорее смыть. Впрочем... Отрицать, что мы вполне можем попасть в засаду, я не могла. И в таком случае... Не видать мне Верона, не видать победы волков. Укротители вернут Шеллу, а потом найдут храм и всех перебьют.

То, что я оторопела с ответом, выглядело почти как признание неправоты.

Однако прежде чем Рэйн успел насладиться победой, в разговор вступила мама:

— Мы обменяем пленников. Рискнем.

Молодой альфа раскрыл рот от изумления, а его брови так нахмурились, что лоб покраснел. Я же не справилась с удивлением, посмотрела на маму ошарашено и переспросила:

— Что?!

— Да. Он нам нужен.

— И зачем это он нам нужен? Вы хоть знаете, кто он такой?! — зарычал Рэйн.

— Знаю, — мама посмотрела на него сверху вниз, шагнула навстречу, и прибавила холодно и строго, — и я знаю о нем больше, чем ты, и даже больше, чем Дарина. Он нам нужен. И мы рискнем.

— Я несогласен.

— Я не знаю, что ты о себе возомнил, мальчик, но ты тут ничего не решаешь.

Эти слова заставили меня мотнуть головой и часто заморгать. Вот это да. Кто-то жестко поставил Рэйна на место.

Его губы задрожали, лицо стало красным.

— Ты собираешься расплакаться или побежишь жаловаться всем вокруг? — мама всегда

умела быть жестокой и бить по самым больным местам. Рэйна она жалеть не стала, — или, может, ради разнообразия ты поведешь себя, как взрослый волк и последуешь совету старшего, который смыслит в деле куда больше твоего?

Его пальцы сжались в кулак, а на руках и шее на мгновение показалась жесткая волчья шерсть — свидетель того, что молодой альфа в ярости.

Мама не шелохнулась и смотрела на него пронзительным ледяным взглядом.

На собственном опыте я прекрасно знала: никто не в силах выдержать этот взгляд.

Резко выдохнув, выругавшись и хлестнув рукой по воздуху, Рэйн развернулся и нарочито громким широким шагом выскочил из комнаты.

Лана проводила его изумленным взглядом, и мне на мгновение показалось, что что-то в ней переменялось.

Может, глаза открылись?

— Ты организуешь нам обмен заложниками? — бросила ей мама.

— Да. Да, конечно, — протараторила девушка, всем видом показывая, что совсем не намерена злить старшую.

— Хорошо. Тогда иди обратно в атриум. Волчицы отведут тебя в место, где ты сможешь отдохнуть. А затем сразу отправляйся к хозяевам и передай им, что мы согласны на обмен. Но примем только Верона. Только его, ты поняла?

— Да... Да. Да я поняла.

— Тогда иди.

Лана подпрыгнула на месте. В мгновение ока ее уже не было перед нами.

Несколько секунд мы стояли в полной тишине. Тело ныло от усталости, голова болела от тысячи мыслей и вопросов.

— Мама, почему... — я решилась спросить, отчего она согласилась со мной, но та не дала мне докончить:

— Я уже сказала причину Рэйну. Я знаю, кто такой Верон. И он нам нужен.

— А еще туманнее ты говорить можешь?

Она вздохнула и потупила взгляд.

— Нет. Прости, Дарина, не могу. Не потому что хочу скрывать это от тебя, а потому... Если я отвечу тебе, то тебе будет сложнее провести обмен удачно.

— Да, а сейчас твои слова добавляют мне уверенности!

— Дарина, — она схватила меня за плечи, посмотрела в глаза, и стало ясно, что мама говорит искренне, — я бы не сделала ничего, что могло бы тебе навредить. Прошу. Доверься мне.

Было тяжело справиться с беспокойством и утихомирить непонимание. Но все же, подумав недолго, я согласилась.

— Хорошо, — она похлопала меня по руке, — значит, мы все решили. Как только Лана вернется от укротителей, и если они согласятся на наши условия, мы отдадим им Шеллу и вернем Верона.

Я кивнула. Но, скорее, растерянно, чем радостно.

Мне хотелось увидеть его, вернуть его, поговорить с ним и выяснить, что же случилось на самом деле, но мама... Какие тайны она хранит? И как с ними связан Верон?

Кажется, даже несмотря на ужасную усталость, меня ждала долгая бессонная ночь...

Переговоры об обмене заложниками надолго не затянулись. Уже через два дня после нашего решения Лана вернулась от укротителей с согласием на все условия.

Они обязались прийти группой не больше четырех человек в выбранное нами место — чащобную поляну вдали от храма, и после совершившегося обмена уйти первыми. Они обещали не выслеживать нас, не устраивать засаду.

Они многое обещали, но черта с два мы им верили. Однако решение уже было принято, менять его я не собиралась, особенно с такой горячей поддержкой мамы. Мы вытащим Верона из плена, а дальше... Станет яснее, и не без его помощи, что можно сделать и что мы будем делать.

Разумеется, идти на встречу неподготовленным никто не собирался, но и оставить храм без охраны нельзя.

За два дня ожидания вестей от Ланы и за день после ее возвращения мы продумали весь план до мелочей. Решили, кто пойдет со мной за Вероном, а кто останется в храме. Для каждого из моих спутников была придумана отдельная дорога для отхода: сразу после обмена мы разойдемся и будем блуждать по лесу вплоть до пары дней прежде, чем вернемся в храм. Нельзя дать укротителям ни шанса выследить местоположение нашего убежища.

Единственное, что меня беспокоило, это то состояние, в котором мне придется отправиться на встречу.

По очевидным причинам безопаснее будет прийти в форме волчицы. Если укротители не сдержат слово, я смогу обратиться к соратникам. Но наша с волчицей связь так и не улучшилась. По правде, у меня не было даже времени вспомнить об этой проблеме. Каковы гарантии, что я справлюсь, что поведу себя правильно, что звериная часть не покорит человеческую? К тому же, если я буду находиться в звериной форме, переговоры с укротителями придется вести кому-то другому. Рейн изначально отказался принимать участие в операции, и единственной, кто шел со мной и кому я могла хоть чуточку довериться, оказалась рыжая Рикс. Но эта волчица была повспыльчивей меня...

Впрочем... Кто говорил, что все будет идеально?

В назначенный день мы собрались у выхода из храма. Старшие матери вместе со жрицами приготовили мне смесь, вроде той, которую дала мне Грагша перед атакой на тренировочный центр. Правда, в отличие от нее, она оказалась довольно приятной на вкус, а ее действие было более мягким, что ли.

Рикс забрала с собой мой комплект одежды на тот случай, если на обратной дороге я обращусь в человека. Хотя лучше было бы проделать весь путь в образе волчицы — уж где-где, а в лесу это лучший вид.

Порция снадобья досталась и Шелле. Но совсем другая. Не знаю, чем накачали ее жрицы, но укротительница стала молчаливой и податливой, как пациент после лоботомии.

Однако, когда мы попрощались, когда я обратилась, и когда группа выдвинулась в дорогу, глаза Шелле на всякий случай завязали. Еще не хватало, чтобы она запомнила дорогу в храм.

Я шла от основной группы на некотором отдалении. Иногда выдерживала дистанцию такую большую, что не видела соратников, только чуяла.

Но так даже лучше. Если ни я их не вижу, ни они — меня, то затаившимся где-то в стороне укротителям — и подавно.

Смесь, которую дала мне мама, действовала намного лучше порошков Грагши. Я не чувствовала, чтобы волчица сопротивлялась мне, чтобы пыталась отобрать власть над телом. Нет. Полная гармония. Неужели так и чувствуют себя остальные в звериной форме? А ж зависть берет...

Однако чувство блаженного единения с самой собой улетучилось, только послышался новый, резкий, будто бы несущий опасность, запах. Укротители.

Я не могла определить, сколько их было, но запах концентрировался в одном месте, видно, на той поляне, куда мы направлялись.

Неужели они сдержали слово?

Что ж. Даже если их больше десяти — они все в одном месте.

В груди затеплилась надежда, что все пройдет спокойно и гладко. Ведь может хоть раз в жизни мне повезти?!

Вдруг, как только я почти поравнялась с соратниками, нюх определил еще один запах. Слабый, почти забытый, но невероятно знакомый.

Сердце екнуло. Верон. Он был здесь! Укротители не обманули!

Господи, пускай все получится, хоть раз позволь всему сложиться!

Поляна, на которой вот-вот должна была состояться встреча, утопала в тишине. Ни птичьего крика, ни шелеста кустарника под лапами кролика или мышки.

Возможно, виной тому стал тяжелый вездеход, припаркованный прямо здесь. От него, видимо, к дороге, шли глубокие борозды. Это давало надежду, что они действительно собираются уехать сразу по окончании обмена.

Я остановилась на отдалении, но так, чтобы видеть и слышать, что творится вокруг.

На поляне ожидало семь-восемь человек. Все мне незнакомы. За ними, в зарослях, я пару раз уловила движение, но слишком быстрое для укротителя и осторожное для оборотня в звериной форме.

Кажется, все в норме.

Только Верона нигде нет. Наверное, он в машине... Станным образом я почувствовала одновременно сожаление и облегчение. Было страшно снова его увидеть, но вместе с тем ужасно этого хотелось.

Рикс в сопровождении остальных вышла на поляну, но, как мы с мамой ей наказали, остановилась от укротителей на отдалении.

Шелла все еще находилась под действием маминой смеси и не создавала никому проблем. Однако при ходьбе она мотала головой, как умалишенная, и встречающую сторону это насторожило.

Что ж, не стоит забывать: они тоже могут ждать от нас подставу. Особенно после того, как мы разгромили учебный центр.

— Что с ней? Чем вы ее накачали? — видно, главный в этой операции кивком указал на Шеллу, когда «делегация» волков остановилась перед ними. Он, скорее, невзначай, чем осознано, выступил вперед.

Рикс дернулась, а за ней и остальные.

— Только приблизься, и со своей подружкой можешь попрощаться, — рыкнула рыжая.

Черт, она нервничает. Вкупе с ее характером это может привести к беде.

Я напряглась всем телом, опустила голову, готовясь, в случае чего, выскочить на поляну.

— То же самое можно сказать в отношении предателя, — ответил укротитель сурово.

— Где он? — Рикс задала вопрос, который сидел у меня в голове все эти дни, а сейчас

— особенно.

Переговорщик усмехнулся, и это мне ужасно не понравилось. Я застыла, вцепилась в него взглядом. Что не так? Все условия выполнены с обеих сторон.

— А где ваша предводительница? Не обижайся, но ты не похожа на лидера.

— Мы здесь для обмена людьми, а не твоего с ней свидания, — рыкнула Рикс.

Я недовольно мотнула головой. Укротители могли и не знать, что я главная, а сейчас рыжая подтвердила, по крайней мере, что всеми командует волчица. А это хорошенько сужает круг подозреваемых.

— Хотелось бы, конечно, увидеться с ней. Зря мы что ли тащили предателя в такую даль?

— Еще хоть слово и обмен отменяется, — заявила Рикс сложно и подала жест сопровождающим, чтобы те были готовы к отступлению, — ты же не хочешь потерять дорогую Шеллу?

— Она потеряла себя, когда позволила вам нанести удар, — последовал резкий ответ.

Прежде чем смысл его слов дошел до меня, рука укротителя метнулась к карману своего кожаного плаща, сверкнула сталь пистолета.

Грохот разнесся по поляне и заставил содрогнуться лес. Вздрыбились где-то в небо птицы, дернули как можно дальше зайцы и мелкие звери.

В ушах зазвенело, в голове все спуталось, но когда я увидела, что произошло, внимание вернулось, и я полностью сконцентрировалась на том, что произошло на поляне.

Шелла, которую держали по обе руки, вдруг обмякла, ее ноги подогнулись. Ужас и смятение вспыхнули в груди, когда я увидела огромное кровавое пятно на ее животе.

Он... Он застрелил ее?

Остальные укротители схватились за оружие, мои соратники разметались по сторонам, но тут же из зарослей выскочило несколько... Сначала я подумала — собак, но сразу стало очевидно, что это волки. Оборони. В третьей форме. Либо мы что-то не знали о псинах укротителей, либо за последнее время методы их дрессировки значительно улучшились...

Ведь я даже не заметила их! Только движение в зарослях, на которое не обратила внимание. А запах? Почему я их не учуяла?!

Но все вопросы следовало отложить на потом. Обмен покатился к чертям собачьим, нужно немедленно уходить и, не думая ни секунды больше, я взвыла.

Соратники начали обращаться, и укротители так и остолбенели в ужасе и недоумении. Что ж, теперь наша тайна раскрыта...

Однако не успела шерсть пробиться сквозь кожу оборотней, как прозвучал другой вой, громкий, оглушающий, знакомый.

Мурашки пробежали по телу, я почувствовал слабость, меня будто бы вывернуло наизнанку — такие ощущения бывали, если резко начать трансформироваться. Но я удержалась в звериной форме. А вот остальные...

Взглянув снова на поляну, увидела, что не только Рикс и ее спутники не обратились — псин пронзила судорога, они заскулили от боли, повалились на землю и начали обращаться.

— Какого... — различился выкрик главного в делегации укротителей, — его ведь накачали!

Будто специально, опровергая его слова, по двери багажника тяжелой машины громко стукнули. Изнутри.

Потом еще раз. Еще. И она не выдержала, раскрылась настежь, освобождая пленника.

Я застыла, напряженно вгляделась внутрь машины, попыталась различить знакомую фигуру.

Верон, ты ведь там?

Но меня ждал неожиданный сюрприз.

Быстрой, стремительной, словно бы невесомой тенью наружу выскочил черный зверь с ярко-желтыми глазами. Он набросился на ближайшего к себе укротителя, вцепился длинными клыками ему в шею и за секунду повалил наземь.

— Стреляйте! — приказал главный и сам направил в сторону беглеца пистолет, но тот был намного быстрее.

Он запрыгнул на него, разодрал руку, и когда противник с криком упал, разомкнул пасть, отступил на шаг назад чуть неуклюже, и тут стало видно, что при всей его стремительности, он изнурен и слаб.

Зверь не собирался играть роль мишени для оклемавшихся укротителей и метнулся к зарослям, чтобы скрыться в лесу.

Рикс и остальные воспользовались замешательством и уже ушли. Псины обратились и, нагие, катались по земле в каком-то странном, почти эпилептическом припадке.

Я должна была пойти по условленному маршруту и вернуться в храм. Особенно с учетом того, какой катастрофой обернулся обмен, но...

Это был черный волк.

Без сомнений.

Я не могла его упустить.

Он привел меня в этот мир, с ним были связаны легенды волков и мои сны, в конце концов, как выяснил Верон, он обладал похожими на мои способностями и безуданно ими пользовался! От кого, если не от него получить все ответы?

Обойдя осторожно поляну (хотя раненым укротителям и лишенным своих сил псынам было уже не до сбежавших оборотней), я бросилась по следу.

Перед глазами все словно бы плыло, было сложно сконцентрироваться из-за тысячи мыслей. О волках, об укротителях, о Вероне и о том, кого я пыталась догнать.

Тело двигалось, считай, само, без участия разума. Возможно, на долю секунды верховенство забрала волчица, я могла просто это не заметить.

Однако, когда совсем рядом раздались громкий скул, затем глухой удар и хруст веток, все отошло на второй план. Я резко затормозила и чуть не зарылась когтями в вязкую лесную землю.

— Дарина! — раздался оклик Рикс.

Ее появление не столько удивило, сколько разозлило меня. Рыжей следовало отправиться по своему маршруту в храм, а она стояла здесь, возле поваленной осины и иступленно пялилась на меня!

Но стоило вспомнить: сама-то я не последовала плану и точно не смею ее осуждать. Главное, чтобы это не вышло нам боком.

— Я знала, что ты пойдешь за ним... — пролепетала она, — черный волк, — ее голос вдруг сорвался. Кажется, она знала больше моего, — кто бы мог подумать...

Я глядела на нее прямо, испытующе и почти не шевелилась. В голове вихрились вопросы, но ни один из них не получилось бы озвучить в волчьем облиии.

— У меня есть запасная одежда, — продолжила Рикс, — тебе придется превратиться, чтобы донести... его.

Так она его нашла! И неужели поймала? Нет, Рикс, конечно, боевая... А может, он и сам себя вымотал. Судя по его виду, у укротителей черный волк не шиковал, а после короткой схватки должен был растратить последние силы.

Я трансформировалась так быстро, что заныли кости. Но нетерпение и взволнованность позволили не обратить на это внимание. Рикс бросила сверток штанов и майки и, пока я солдатски быстро одевалась, успела сказать лишь:

— Ты только не паникуй.

— Почему я должна паниковать? Он в сознании?

— Нет, он... — я уже прошла мимо нее, когда Рикс говорила, поэтому свое объяснение ей пришлось бросить мне в спину, — он отключился сразу после того, как обратился.

Он обратился?

Пройдя вперед, за поваленную осину, где, видно, решил затаиться главный герой моих кошмаров, я остановилась. Он лежал меж двумя кустарниками. Худой, весь в ссадинах, гематомах и синяках.

В горле засвербело. Очевидно, все это — сувениры от укротителей.

Я шагнула ближе, чтобы рассмотреть его получше, и Рикс вдруг снова заговорила взволнованно:

— Я не знаю, как это может быть. Но клянусь, Дарина, я видела, как он обратился. Это он. Точно.

И почему она так переживает?..

Мысль не ушла дальше, стоило шагнуть к нему ближе, и недоумение рыжей стало не только понятно, но и перекинулось на меня.

Ноги вдруг стали ватными и чуть не подкосились, в руках закололо, дыхание перехватило, но все тело сковал внезапный паралич, и я не могла заставить себя наполнить легкие новой порцией воздуха.

Исхудающий, истощенный, побитый, но, по всей видимости, так и не сломленный, на земле перед нами лежал Верон.

— Как... — сорвалось с языка, но не нашлось сил закончить вопрос.

— Я не знаю. Но мы ведь за ним и пришли?..

— Да! Но за ним — это за укротителем, а не... — я резко выдохнула, ощущая резкий наплыв паники.

— Мы разберемся, Дарина, — Рикс схватила меня за плечи и потрянула. Удивительным образом это вернуло мне чуточку самообладания, — старшие матери сумеют что-то понять, но для этого... Его нужно принести в храм. Так что решай, хочешь тащить его за ноги или за руки?

Я медленно качнула головой, говоря этим жестом: «Мне все равно».

— Ладно, — рыжая кивнула, — давай. Пора уходить, пока ублюдки не оклемались.

Новости о Вероне были неутешительными. Мы с Рикс долго объясняли, что именно случилось, но поверить в это было слишком сложно. Что уж говорить, я сама не до конца верила! Единственной, кто воспринял все быстро и подозрительно спокойно, стала мама. Этим она вызвала немало новых вопросов. Волчья сторона Верона ее словно бы не убедила, хотя у остальных, очевидно, плавилась мозги. Еще бы! Верховный укротитель — оборотень. Да еще и черный волк! Как такое возможно?!

Мы с Рикс долго несли его в храм. Хотя Верон был ужасно истощен, тащить его сквозь чашу — стало той еще задачкой. К тому же... Все это время я была на грани истерики. Хотя понимала, что слезами и криками делу не поможешь, смотреть на его искалеченное тело, понимать, что он так долго остается без сознания и почти не подает признаки жизни — было невыносимо.

Всю дорогу я даже и не думала особо о черном волке, о том, знал ли Верон об этой своей стороне, водил ли меня за нос. Мне просто хотелось как можно скорее привести его к тем, кто сумеет помочь.

К счастью, жрицы храма знали свое дело. Они быстро и слаженно приняли его, обработали раны, даже сумели на короткое время привести в себя... Он открыл глаза, забормотал что-то несвязанное, потом увидел меня... И я клянусь, он узнал меня! В глазах вспыхнула какая-то искорка, пускай и на короткое время — Верон быстро отключился.

Причиной тому могло быть ужасное изнурение, либо... Какое именно «либо» мне не объяснили. Мама заявила, что его нужно хорошенько осмотреть, и собрала для этого всех жриц и старших матерей.

Не знаю, что они с ним делали, мне не разрешили присутствовать. Рикс и ее брат поочередно дежурили возле меня, пока я сидела в атриуме в ожидании новостей. Один раз даже пришла Лана.

Рэйн и не думал появляться.

Но мне было уже плевать. Меня волновало только самочувствие Верона.

Несколько часов ожидания превратились в целую вечность. Волнение так изматывало, что даже плохой исход ощутился бы, как груз с плеч.

Но исход оказался... Неоднозначным.

Единогласно старшие матери пришли к выводу, что Верон угаенный или, по крайней мере, обладает способностями угаенного.

Одному Богу известно, откуда они у него взялись!

Также Грагша и мама были подати полностью уверены, что Верон находится в огромном разладе со своим внутреннем волком. Даже в большем, чем я. Вполне вероятно, что он вовсе не догадывался о своей звериной сущности. Та, в свою очередь, временами брала над ним верх и превращала в черного волка.

В голове не укладывалось. Если Верон оборотень, как он оказался в стане укротителей и продержался среди них так долго, что умудрился занять, высокий пост, даже если допустить тот невероятный вариант, что он не знал о своих превращениях — почему остальные не вычислили его? Бьюсь об заклад, за такой компромат на конкурента та же Шелла продала бы душу.

Но во всем этом можно разобраться. Главное — другое... Я не знаю, что случилось с ним после нашего непростого расставания. Как сказала Шелла, его обман раскрылся, и он лишился должности за спасение меня от пули. Но а дальше?

Синяки и ушибы по всему телу не внушали надежду. Мама, взявшаяся передать заключение старших волчиц, предположила, что внутренний волк Верона проявился когда он был арестован, а учитывая его уникальность... Скорее всего, увечья бывшего укротителя — следы исследований и экспериментов. А может, пыток.

Невольно вспомнились слова Верона, когда он только привез меня в тренировочный центр. Он сказал, что укротителям легче разрезать меня на кусочки и изучить каждый в отдельности. Если в этом есть хоть толика правды... кровь стынет в жилах от мыслей, как с ним там обходились.

— Не знаю, удастся ли нам его разбудить, — сказала мама, когда заключила рассуждения о злоключениях Верона, — похоже, он давно уже в таком состоянии. Разве что волк иногда прорывается наружу, — она потупила взгляд, и прибавила тихо-тихо, — он уже дважды пытался обратиться. Скоро Грагша изведет на него все свои травы.

— Почему это с ним происходит? Как вообще такое могло получиться?! — стоило услышать свой осипший голос, и я поняла, как безумно устала. Горло заболело и стало тяжело дышать — кажется, я вот-вот разрыдаюсь.

Мама похмурила, напряглась, как натянутая струна, и мгновение словно бы решалась сделать нечто безумное. Но вдруг она дернулась, ее взгляд приобрел необычное выражение: встретить его достаточно сложно, оно появляется на лицах врачей, спасателей, солдат, когда они принимают решение исполнить свой долг, пускай во вред себе.

Этот взгляд одновременно пугал и обнадеживал.

— Я знаю, как это случилось, — сами собой у нее сжались кулаки, отчего мама стала казаться еще более решительной, — я расскажу тебе. Иди за мной.

Почему нужно куда-то идти?

Хотя я изрядно удавилась — спрашивать не стала. В отличие от меня, растерянной и изнуренной, мама точно знает, что делает.

В коридоре храма было темно и душно. Изредка из пустых дверных проемов просачивался тусклый свет — то тут, то там находились небольшие очаги. Волки рассредоточились не по стаям, а по семьям, по компаниям, а порой и поодиночке. Здесь забывали об альфах, старших матерях и иерархии. Все стали частью храма, частью долгой истории волков, перед лицом предков, глядевших с потрескавшихся фресок, все были равны.

Пугало, как много здесь разместилось детей, подростков, стариков. пугало, что взрослые, способные сражаться, волки негласно решили забыть о нападении на тренировочный центр, и делали вид, будто всегда так и жили.

Неужели никто не понимает: укротители уже знают, где мы. Может, сейчас им и не найти дорогу по туннелям, но это исправимо. У них есть технологии, и вытренированные подчиняться им волки, опытные бойцы, которые не прочь отплатить за нападение в тренировочном центре.

Это не долгожданное спокойствие, это затишье перед бурей.

Поглощенная мыслями, я не обратила внимания, что мы ушли в самую глубь храма. Уже не попадались островки света, не слышались тихие голоса группок. Мы оказались там, куда никто не заходил, где было так темно, что и волчье зрение не справлялось, так душно и тесно, что я едва сдерживала острый приступ клаустрофобии.

Видно, не мне одной стало неуютно. Мама вдруг остановилась, начала шуршать по карманам своей куртки, потом раздался щелчок, и коридор пронзило бело-синим светом.

В руках у мамы оказался фонарик. Не укротителей. На нем большими буквами было написано Samsung. Вот тебе и привет с Земли! Как-то странно во мне в тот момент смешались горечь и радость.

— Мы почти на месте, — сказала мама, наверное, чтобы хоть на мгновение избавиться от гнетущей тишины.

Но она и не наврала. Всего пара новых поворотов и спуск по полу обвалившейся лестнице, и мы пришли к цели.

Ею оказалась внушительного размера фреска. Она сильно потрескалась, но по краю, где шел декоративный узор. Главное изображение же осталось почти невредимым. Мамин фонарик едва ли мог озарить его полностью, и световое пятно появлялось, то справа, где видна была спокойная, преисполненная нежностью мордочка Лунной волчицы, то слева, где виднелась окалившаяся голова грозного Черного волка, то по центру на изображении прекрасного мужчины, охваченного золотым светом.

— И это ты хотела мне показать? — удивилась я. Нет, не спорю, фреска красивая, но как она поможет Верону или волкам в борьбе с укротителями?

— Это история. Настоящая история о Лунной волчице, Черном волке и Великом Волке, — проговорила мама чуть слышно, — когда-то ее знал каждый ребенок, а сейчас... даже я узнала лишь недавно. По обрывкам преданий, росписям, древним таблицам, — она обернулась. Слабого света фонарика все же хватило, чтобы я увидела ее напряженное лицо, — ведь долгое время я, как и все, считала Черного волка воплощением зла. Боже... да я чуть не отравилась травами и отварами, чтобы следить за тобой отсюда и предупредить, если он сумеет найти дорогу к тебе на Землю...

Мама ухмыльнулась, а я оторопела. Неужели, когда я возвращалась с того треклятого свидания, и мама позвонила мне... Он в тот момент была здесь, в глубочайшем, до смертельной опасности, трансе?

Ну и дела.

— Но когда он настиг тебя и при этом не убил, я задумалась. Я поняла, что что-то не так.

Кусочки мозаики начали выстраиваться в невероятную картину. Вспоминая прошлое, я поняла: это Верон привел меня в этот мир! Он выкрал то удивительное устройство, а потом начал расследовать преступление, которое сам и совершил.

Он хитроумен, но не настолько, чтобы все это разыграть. Верон действительно не представляет, что является Черным волком.

— По преданиям... Черный волк и Лунная волчица были врагами, — я нервно сглотнула.

— Эти предания ошибочны, — мама сказала это так уверенно, что тотчас обратила на себя все мое внимание, — они были друзьями. Они были семьей. Великий волк не спас Лунную волчицу от Черного волка. Он состоял из них, — маме словно бы было тяжело произнести это, — он произошел от них. Он был их ребенком.

Наверное, оттого, что эти легенды и предания открылись мне лишь недавно, я не выросла на них, как другие, мамино заявление не сильно меня обескуражило. Но я все равно глядела на нее с предельной внимательностью, жажда узнать, как все это касается нас с Вероном.

— Все это легенды про древних богов, как это связано со мной и Вероном? Ты же не хочешь сказать, что мы боги?

— Не бери на себя слишком много. Конечно, ты не богиня, Дарина, — на секунду мама замолчала, а потом продолжила тише и серьезно, — но в тебе и в нем — частички их духа. Частички, которые унаследовал от них Великий волк. Дарина... Ты понимаешь, почему он такой особенный?

Я уж раскрыла рот, но вдруг поняла: не знаю. Я слышала легенду про его победу над Черным и покровительство Лунной, но, как выяснилось, все совсем не так.

Видно, по задумчивому лицу мама распознала мою растерянность и поспешила ответить:

— Он принес гармонию в наш мир. Лунная волчица давала людям безграничную власть над превращениями. Черный волк же полностью лишал всех этой способности. А Великий волк привел наш дар в то состояние, в котором мы живем до сих пор. Полностью мы можем превратиться только в полнолуние, в остальное время мы довольствуемся улучшенным слухом, нюхом и зрением. И самое главное — Великий волк уравнил всех. Тех, кто жил жизнью волка, и тех, кто давно с этой жизнью распрощался. Тех, кто был просто человеком.

Уравнил всех? Даже людей?

— Представляю, если бы кто-то вроде Шеллы стал волком. Вряд ли она продолжила бы называть их безмозглыми животными.

Я сказала это в шутку, но взгляд мамы просиял, она схватила меня за плечи и, посмотрев прямо в глаза, проговорила:

— Вот именно, Дарина! Вот именно. Укротители вторглись в наш мир, воспользовались нашим гостеприимством и жестоко предали. Если бы... Если бы они оказались в нашей шкуре, если бы стали одними из нас — все бы изменилось. Если они хотят жить на нашей планете, то пусть будут одними из нас, и пусть следуют нашим правилам.

Я нахмурилась. Вряд ли пришельцы с большой радостью откажутся от жизни в комфорте ради свободы в дикости. Вряд ли они станут тем же, чем были волки, однако... Даже если вдруг обретенный дар не заставит их изменить привычкам, он вынудит их сотрудничать с волками.

Потому что им необходимо будет знать, что делать в полнолуние, как исцелить тех, кто потерял связь с внутренним волком, как контролировать звериные инстинкты. Если они решат сохранить свой уклад — без советов и помощи «дикарей» ничего не выйдет.

А получить помощь от озлобленного врага невозможно. Они будут вынуждены заключить мир.

— Значит... Нужно помочь Великому волку вернуться? — в ответ на мой вопрос мама кивнула, и я продолжила, — и как это сделать?

Она стиснула губы, вздохнула и отстранилась.

Несколько виновато, она проговорила:

— Есть только один способ. Когда-то давно Великому волку дали жизнь Лунная волчица и Черный волк. Полагаю, сейчас мы можем сделать лишь то же самое.

Я оторопела, мотнула головой, не веря, что она действительно это говорит.

— Ты предлагаешь мне родить ребенка? От Верона?!

— Я понимаю, как это звучит... Но пойми, Дарина, от этого зависит судьба мира.

Многих девушек матери торопят родить им внуков. Но, пожалуй, только моя объясняет это спасением планеты!

— В любом случае, мы поговорим об этом позже. И с ним. Сейчас нужно привести его в порядок. Черного волка тянет к Лунной волчице так сильно, что он не побоялся обокрасть укротителей и пойти за ней в другой мир. Если кто и сможет успокоить его и заставит отдать Верону верховенство — то только ты.

Вот тебе и новости, вот тебе и план. Мало того, что я должна помочь ему примириться с внутренним волком, когда сама еще не сумела сделать это для себя, так потом еще и...

Заводить ребенка?!

Мы с мамой двинулись обратно. Молча. Так что была возможность хорошенько все обдумать. Я была обескуражена, растеряна, наверное, даже немного шокирована... И ужасно смущена.

Слава Богу, мы двигались почти в полной темноте, и мама не могла увидеть испуг в моих глазах и румянец на щеках...

— По-моему, ты сошла с ума. Разве ты не понимаешь, к чему все это приведет? Вы потеряли пленницу, вы засветились перед укротителями и вместо того, чтобы собирать воинов — сюсюкаетесь с этим... С этим гадом! — присутствие Рэйна было совсем не по душе. К тому же он не делал ничего, кроме как упрекал и раздражал меня. А хотелось посидеть немного в тишине и собраться с мыслями.

Впереди были важные дела.

— Не особо-то они ценили нашу пленницу, раз сразу застрелили ее! — к счастью, Рикс пришла в мою комнату почти сразу после Рэйна. Не удивлюсь, что она видела, как молодой альфа направляется сюда, и отправилась на помощь.

Вот уж не ожидала, что вздорная волчица станет моей защитницей.

— Конечно! — Рэйн хлестнул по бокам руками, — с самого начала было ясно, что это западня!

— Что ж, они перехитрили сами себя, — буркнула я устало.

— Как бы ты не повторила их ошибку...

— А что ты предлагаешь, Рэйн?! — я вспыхнула, вскочила с лежанки, на которой сидела, и грозно посмотрела прямо в глаза, — если тебе так не нравятся мои решения, предлагай свои! В противном случае...

— Что в противном случае?

— В противном случае, это просто пустые слова обиженного щеночка!

Он дернулся и застыл, словно оглушенный. Его лицо побагровело, в глазах запрыгали искорки гнева, а мне пришел в голову вопрос, почему я вообще повелась на него в свое время.

— Если ты успела забыть, — проскрежетал он, — это я придумал собрать стаи и напасть на тренировочный центр.

— Вот именно, Рэйн. Это ты придумал. Так почему же ты критикуешь меня за то, в какой ситуации мы оказались? — я ощутила, как внутри закипает ярость, и даже волчья шерсть кое-где начала пробиваться сквозь кожу.

Но я сдержала себя и свой гнев. Сейчас нужно сохранить самообладание, сконцентрироваться на других вещах.

Очевидно, что наши с Рэйном мнения давно разошлись. И, вероятнее всего, совсем скоро разойдутся и наши дороги. Нет никакого смысла продолжать эти споры и взаимные упреки.

— У тебя был свой план, свой взгляд на вещи, Рэйн. У меня не было ни того, ни другого, поэтому я разделила твои. Но сейчас... Все изменилось. Я иначе смотрю на положение дел. В текущей ситуации. И в целом. Если ты хочешь дальше действовать по-своему — прошу. Это твоя жизнь и твое дело. Может, даже сможешь найти других утаенных, которые согласятся стать частью твоей освободительной армии. Но я в ее ряды не вступлю.

Я ожидала, что он снова обидится, разозлится, закатит истерику...

Но ничего подобного не последовало.

Лицо Рэйна оставалось хмурым и напряженным, однако вместе с тем альфе как будто стало чуточку легче.

— Пожалуй, я так и поступлю, Дарина, — прошептал он, впрочем, с тяжестью.

Кажется, на этом было все. По крайней мере, я не чувствовала, что должна сказать ему что-то еще. И Рэйн тоже не начинал новый спор.

Возможно... Когда-нибудь в будущем мы снова пересечемся. Очевидно, что жизни нас обоих будут связаны с противостоянием укротителям.

Однако пока... Наши пути расходятся.

Я кивнула ему, не в силах найти подходящие слова, и вышла из комнаты.

Меня ждал Верон.

Двое суток старшие матери и жрицы храма колдовали над ним, но привести его в себя не удавалось. Он застрял в странном пограничном состоянии. Его тело сводило судорогой, будто он вот-вот должен был обратиться... Однако черный волк себя не показывал.

Мама предполагала, что причиной тому стало наше с ним воссоединение. Когда лунная волчица рядом, ее темному спутнику нет причин забирать контроль над телом ничего не подозревающего укротителя.

Это казалось правдоподобным. В конце концов, пока я была с Вероном, черный волк не встречался мне на пути. Разве что во снах.

И раз именно сны связывали нас, даже когда волк спал, то сейчас через них мы могли бы достучаться до Верона.

Старшие матери предложили погрузить меня в транс, как это делала Бринела в тренировочном центре. Но не для воссоединения с внутренней волчицей, а для встречи с черным волком. Только он мог привести меня к Верону.

В зале, где все это время его держали, было душно, темно, а от запаха горящих трав кружилась голова. И как только все эти волчицы-старушки сами не попадали здесь в транс и не задохнулись во сне?

Рикс проводила меня до самой двери и пожелала удачи.

— Надеюсь, это нам что-то принесет, — проговорила она напоследок, — я совсем не хочу воевать в армии Рэйна.

Я улыбнулась и пообещала:

— Это многое нам принесет, — я не верила в собственные слова.

Но очень хотела верить.

Мама встретила меня в зале теплой улыбкой и чуть встревоженным взглядом. Остальные старшие матери ограничились лишь последним.

— Мы не знаем, как глубоко тебе придется зайти... — проговорила мама, подводя меня к лежанке, на которой, полуголый и сейчас болезненно притихший покоился Верон.

От одного только взгляда на него стало не по себе. Он точно в порядке?..

Меня усадили возле него, попросили взять за руку. Она была такая холодная, тяжелая.

Мурашки пробежали от затылка к копчику.

— Ты знаешь, что делать, — я услышала голос Бринелы и, подняв глаза, сразу распознала среди малознакомых волчиц ее, Грагшу и маму.

Первые две до сих пор не вызывали особого доверия, а мама... Доверие к ней только-только вернулось.

И все равно я была рада видеть их. Многое стояло на кону, а сил разбираться самостоятельно уже не было.

— Закрой глаза и следуй за нашим голосом, — прохрипела Грагша.

Я послушно выполнила указание.

То ли дело в травах, то ли в том, что над входом в пограничное состояние работало сразу несколько опытных волчиц, то ли во всем вместе, но я и не заметила, как провалилась в тяжелый темный сон.

Сначала вокруг словно бы не было ничего. Только удушающая тьма. Сердце бешено колотилось. Я вертела головой, пытаюсь зацепить взглядом хоть что-нибудь, даже мелкое и незначительное, но ничего не выходило.

Еще чуть-чуть и схлопочу мощный приступ клаустрофобии...

Вдруг я ощутила движение. Не зрением, не слухом, а чем-то... Чем-то внутри меня.

Стоило осознать это движение, ощутить чье-то присутствие, иллюзорный мир вокруг прояснился. Я увидела отвесную скалу, выжженный лес под ней, а на самом краю — обелиск.

Руны на священном камне, к которому однажды привел меня Верон, сияли, но казались нечеткими, какими-то изменчивыми.

Приглядевшись, поняла: они действительно меняются. Незнакомые инопланетные символы на короткое мгновение преобразуются в кириллицу, а потом — обратно.

Я успела разобрать только одно слово, но самое часто повторяющееся на камне: «Боль», — как вдруг услышала душераздирающий рык.

Затылком ощутила, как на меня кто-то смотрит. И не нужно было оборачиваться, чтобы понять: в этом взоре нет ничего, кроме звериной ярости.

Обернувшись, застыла испуганно, напряженно.

Огромный черный оборотень перегородил мне дорогу в лес. Он был больше, казалось, даже исполина-Рукса во втором облики, его когти нетерпеливо терзали землю, он лязгал клыками по воздуху, жажда вцепиться ими в мою шею.

Это не черный волк, но... Я узнала этого зверя. Он приснился мне в первую ночь после перемещения в этот мир. Он чудился мне в тених, его красные злые глаза следили за мной по ночам.

— Беги, Дарина! — раздалось справа, и я увидела возле себя черного волка.

Он ощерился, оскалился и приготовился броситься на ужасного монстра. Меня охватило чувство дежавю. Точно так же все было и в том сне!

Появился черный волк и спас меня! В груди похолодело от осознания: он говорил голосом Верона. И сейчас, и тогда.

— Уходи от него! — донеслось уже слева.

Я увидела по другую свою сторону лунную волчицу, только вот... Почему-то ее слова звучали голосом мамы.

— Он опасен! — черный заговорил басом Рэйна.

— Он убьет тебя! — белая подтвердила, как если бы это была Рикс.

И они оба начали кричать, все громче и громче, голосами людей и обортней, которых я встречала. «Чудовище!», «Гад!», «Убийца!». Как камни, в сторону монстра летели оскорбления, и от каждого нового он вздрагивал так, будто действительно получал ими удар.

Он затрясся, заскулил, припал к земле...

И тут я почувствовала неладное. Мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то знакомое, мне показалось, что он неопасен, что мы причиняем ему куда больше боли, чем он может причинить нам.

Ведь не зря... Не зря на обелиске я увидела именно слово «Боль».

— Хватит! Оставьте его! — крикнула я, и двое, черный и белая, в ту же секунду

замолкли и... Словно бы вовсе исчезли.

Но я не успела перевести дух. Монстр, которого я пожалела, чудовище, на чью защиту я встала, резко дернулся вперед, почувствовав вновь свое превосходство.

Я и глазом моргнуть не успела, как это мощное кровожадное создание влетело в меня со всей дури, впечатало спиной в обелиск с такой силой, что по древнему камню прошли трещины и, размахнувшись, вонзилось когтями в мой живот.

Ужасная, ни с чем не сравнимая боль заставила зажмуриться и завизжать. В глазах побелело, в ушах зазвенело. Мой крик отозвался эхом, будто бы раздвоился, но сквозь боль я вдруг поняла: вместе со мной кричит кто-то еще.

Младенец на руках бледной потерянной женщины. Она глядела сердито, но беспомощно на человека в форме верховного укротителя, а тот громко, грозно что-то ей выговаривал.

— Мне не нужен этот ублюдок, у меня жена, у меня положение! Я убил Великого волка, в конце концов! — боль стихла на мгновение, будто специально, чтобы я услышала его слова, — я же сказал тебе избавиться от него!

Чем больше он говорил, тем четче становилось его лицо. Сердце вздрогнуло, когда я поняла: это тот человек, который приказал Верону застрелить меня.

Когти монстра вонзились еще глубже, специально причиняя большую боль. Я зажмурилась, слезы подступили к глазам...

И тут в памяти вспыхнула новая картинка. Плачущий мальчик. Сквозь его кожу на секунду проросла шерсть, но тут же исчезла, когда маленькие руки сжались в кулачки.

— Не прощу, никогда не прощу, — задыхаясь от плача, прошептал мальчик.

— Хватит, сын, — я снова услышала голос того мужчины. Увидела его перед собой. Хмурого, в форме укротителя. Я вспомнила, что эта сцена привиделась мне, когда я вернулась в стаю Рэйна, только за укротителя я тогда приняла Верона.

— Зачем ты забрал ее? Зачем? Я ведь тебе не нужен! — вскричал мальчик с недетской яростью в голосе.

— Она преступница. Все, кто помогают этим тварям, кто хоть как-то с ними связываются — должны понести наказание, — ответил мужчина холодно.

— Я тебе не прощу... Я... Я тебе покажу еще! — вскрикнул мальчик и, подскочив к укротителю, попытался ударить его, но тот был ловчее и сильнее.

Он перехватил налету слабую детскую ручку, заломил ее ему за спину, и, даже когда тот заверещал от боли, не отпустил, а с издевкой проговорил:

— Какой же ты слабак. Ни грамма моей крови.

Он оттолкнул мальчишку, и тот повалился на землю. Я тоже почувствовала давление в позвоночнике: монстр еще сильнее прижал меня к обелиску.

Но я уже почти не чувствовала боль. Свою боль. Одно за другим передо мной вспыхивали сцены, чужие воспоминания, чужие потрясения.

Чем дальше они заходили, тем яснее становилось: все это, истории, которые я видела во снах и в трансе, сюжеты, которые сейчас разворачивались передо мной впервые... Это Верон. Это его жизнь. Это тайны его израненного сердца.

И я уже видела часть из них. Черный волк мне их показывал.

Ненавистный бастард горделивого тирана. Несчастный ребенок, лишившейся матери и навсегда замаранный ее «предательством». Он не знал настоящей дружбы, искренней любви, тепла и поддержки. Он шел напролом, поднимался по социальной лестнице, чтобы... Отомстить? Доказать всем и отцу, в частности, чего стоит?

Зверь отпрянул от меня, я ощутила, как из свежей раны хлынула обжигающе горячая кровь.

Раздался звук выстрела, в памяти вспыхнуло уже мое воспоминание. Тот момент, когда Верон застрелил меня. Тот момент, когда он разбил мне сердце.

— Надо же, ты даже не упирался, — человек, который приказал ему меня убить, бывший верховный укротитель, и отец Верона ухмыльнулся, глядя на мое обмякшее тело, — хотя можно было бы стрелять и точнее. Ну да ладно. Шавки быстро истекают кровью.

Верон мрачно опустил лицо.

— Теперь будь хорошим мальчиком, отдай водителю ружье.

Верон кивнул, протянул оружие хмурому спутнику своего отца, однако... Когда тот схватился за рукоять, не отпустил, а резко потянул на себя, увлекая водителя за собой. Что-то сверкнуло в его руке, и вонзилось в шею водителю.

Ноги у того мгновенно подкосились, он упал наземь.

Снотворное. Верон всегда таскал с собой снотворное!

Триумфальная улыбка недолго украшала его лицо. Бывший верховный укротитель, хоть уже перешагнул порог старости, не растерял пока силу и ловкость.

Удар в лицо, прямо в нос не заставил себя ждать. Верон будто бы и не планировал сопротивляться. Он повалился на спину, схватился за нос, тщетно сдерживая ладонью кровь.

— Ты всегда был идиотом. Идиотом и слабаком, — бросил ему отец.

— Знаешь, — кровь хлестала по его лицу, но по голосу я чувствовала: он улыбается своей коронной хитрой улыбкой, — не буду спорить. Я слабак. А вот она... Она очень сильная. Особенно когда волчица.

— Что? — его отец недоуменно нахмурился.

— Я просто хочу сказать... — когда он произнес это, я ощутила, как тело наполняется энергией, как по венам струится электричество, как запускается превращение, — хорошо, что мы начали вживлять капсулы с транс-веществом в их ошейники. Все эти шприцы — сущее проклятие!

По телу прошла мелкая дрожь. Когда он поцеловал меня... Он трогал мой ошейник, я почувствовала легкий укол, но не поняла, что это. Я даже нашла ранку на шее позже, уже в лагере волков.

Он знал, что я переживу выстрел, потому что буду в звериной форме.

В груди заныло. Все это время я проклинала его, а он... Сделал все, чтобы мне помочь. Даже пошел против отца, лишь бы дать мне время обратиться и сбежать!

Осознание пронзило меня, словно молния. Я вздрогнула, будто бы просыпаясь от кошмара, но не вышла из транса.

Вместо этого я снова очутилась у обелиска. Рана на животе пропала, чудовище больше не пыталось меня убить. Оно исчезло, а замес него передо мной сидел Верон.

Потерянный, разбитый. Он держал в руках странное устройство, и, приглядевшись, я с

удивлением обнаружила: это тот самый прибор, с помощью которого черный волк перенес меня в этот мир.

— Так странно, — Верон заговорил внезапно, но очень тихо, медленно, в совершенно несвойственной ему манере, — я не помнил ничего. Я... Краем уха услышал об этой штуке. Технологии на тот случай, если мы вконец разрушим этот мир и отправимся в следующий. Я... Украл его? — он поднял на меня взгляд. Ярко-голубые глаза бегали туда-сюда, будто искали, за что зацепиться, — и... Проклятье, я не помню куда я его дел после этого. Дарина... Я... Я подвел тебя. Я во всем виноват. Это я всегда во всем виноват! Я просто чудовище, которое лишило тебя нормальной жизни!

— Нет! — мой голос оказался неожиданно хриплым и жалостливым. Но... Сейчас у меня и вправду глаза были на мокром месте, — ты не чудовище, Верон. Тебе просто очень, о-о-очень не повезло.

— Не повезло быть сыном тирана? Не повезло потерять мать в детстве? Не повезло быть супер-особенным оборотнем и даже не догадываться об этом?

— Не повезло встретиться со мной. Я из тех заноз, которые заседают так глубоко, что не вытащишь. И остается только смириться, — попыталась перевести все в шутку. Так ведь работают его мозги, да?

Кажется, удалось его чуточку тронуть. Он легко улыбнулся, но уже через секунду снова впал в тяжелую задумчивость. Его взгляд начал мутнеть, я почувствовала, что теряю его, а он — себя, и прибегнула к тяжелой артиллерии:

— Верон, ты... — тяжело слотнула. Признания никогда не давались мне легко, — ты нужен мне. Я...

— Боже, Дарина! — несмотря на то, что он перебил меня, да еще и в такой важный момент, в груди отдалось теплом. Я услышала знакомые саркастичные нотки в голосе, увидела огоньки в глазах, — ты ведь не собираешься признаваться мне в любви? Хотя бы для начала сводила меня куда-нибудь! Что за времена пошли, никто уж не помнит, как нужно ухаживать за молодым красивым мужчиной!

Я широко улыбнулась. И это Верон еще не слышал безумную идею мамы про то, что он должен заделать ей внука!

Хотя я знала, чувствовала: он еще не в порядке, как бы нормально (в своем особом виде нормальности) он сейчас не выглядел. И вряд ли скоро придет в себя. Но сейчас, в этот момент, он стал собой. Не черным волком. Не чудовищем, которое испытывает одну лишь боль. А Вероном. Невыносимым и полным сюрпризов.

Сейчас самое время вытаскивать его.

— Верон... Ты должен проснуться. Сделай это вместе со мной. Просто... Вернись ко мне, ладно?

Он замер на мгновение, будто бы задумался.

— Дарина... Что нас может там ждать? В моей жизни было много дерьма, и я начинаю сомневаться, что тенденция как-то изменится.

— Я не могу обещать, что все будет хорошо, — мне захотелось ответить честно, — но я обещаю, что буду рядом. Ни тебе, ни мне больше не надо проходить через эту треклятую жизнь по-одиночке. Ну и... Я угощу тебя травяным чаем. Тем особенным, который доктор прописал.

Он усмехнулся, улыбнулся искренне. Я взяла его за руки, он тут же сжал горячими ладонями мои пальцы. Голубые, окаймленные почти черным цветом глаза посмотрели на

меня нежно. Верон чуть заметно подался вперед, сердце сначала замерло, а потом забилося быстро-быстро. Я сразу поняла его намерение, губы приоткрылись сами собой, будто призывая его сделать более решительный шаг.

И он его сделал.

Обхватив меня за талию крепко, но осторожно, приблизил к себе. Его губы припали к моим, сначала осторожно, будто он боялся оттолкнуть меня... Но с каждой секундой он становился все настойчивее, обнимал меня все крепче, прижимал все ближе, целовал все горячее...

Прерывистый стон вырвался из груди, и только тогда Верон остановился. Не отпуская меня, он снова посмотрел мне в глаза, любовно и страстно, и прошептал:

— Ты не хотела бы продолжить этот наш... разговор... в более реальном месте?

Я усмехнулась и кивнула.

— Проснись вместе со мной, Верон. На счет три. Раз... Два... Три.

Небольшой город расположился у подножия рыжего каменистого холма. С его вершины он казался маленьким, почти игрушечным. Тысячи огней из окон, от фонарей, горящих фар машин напоминали светлячков.

Чудилось, что в городе и вовсе нет никого, кроме этого света, что самое время развернуться и уйти прочь... Но об этом не стоило и мечтать.

Совсем юная, едва вышедшая из подросткового возраста девушка с золотыми волосами невольно поехала. За спиной уж было столько городов, столько поселений, столько людей... Но каждый раз ей становилось не по себе. Будто она обращалась к своему дару впервые и впервые все переживала.

— Ты замерзла, чебурашка? — раздался мягкий голос.

Девушка улыбнулась. Никто, кроме ее мамы и бабушки, не знал, кто такой чебурашка, и, продолжи они обращаться к ней так — все решат, что это ее имя или прозвище.

На плечи упал тяжелый шерстяной плед, сильные, но с ней всегда нежные, руки аккуратно разладили складки на спине.

— Кто бы знал, что укротители успели развернуть колонию так далеко на севере... — буркнула мама, — хотя нет. Кое-кто знал. Но предупредить меня, чтоб я собрала вещи потеплее, а дочурка не мерзла, он, конечно же, не додумался.

— Наверное, он сделал ставку на чай, — пошутила девушка, не желая признавать, что не холод заставляет ее ежиться, а то, что ей предстоит сейчас сделать.

Повернувшись, она увидела лицо мамы, всегда чуточку напряженное, с постоянно испытующим взглядом, но сейчас смягченное легкой улыбкой.

Она любила пожурить папу, а тот не упускал возможности пожурить ее в ответ. Что поделать, у обоих были ужасные взрывные характеры, а жизнь, проведенная в вечной борьбе, делу не помогла. Но златовласая волчица всегда знала и, главное, чувствовала, что они любят друг друга. И любят ее.

— Не переживай, Майя, сегодня все должно пройти легко, — мама словно бы прочитала ее мысли, — почти все местные собираются добровольно принять дар.

— Разве у них есть выбор?

— Давай не будем снова поднимать эту тему... — мама устало вздохнула.

Майя недовольно поморщилась. С малых лет она знала, кем является, и что должна сделать. Великая волчица, которая принесет равновесие в мир.

И долгое время она искренне верила, что это правильно, это ее предназначение, другого пути просто не может быть. Она слышала много страшных историй об укротителях, об их преступлениях против волков, первоначальных хозяев планеты, о партизанской войне...

Ей не раз выпадало общаться с друзьями родителей, которые были на передовой, с Рэйном, собравшим самую большую, самую сильную стаю, нападение которой становилось страшным сном военных частей, с Рикс и Руксом, создавшими подпольную сеть по спасению плененных волков, со многими другими, кто приходил к ее бабушке и жрицам за духовным советом или к ее родителям за помощью в очередном опасном предприятии.

Все казалось очевидным, черно-белым. Укротители — плохие, волки — хорошие.

Но стоило выйти из пеленок, стать взрослой волчицей и отправиться навстречу своему

предназначению, как мировоззрение Майи дало трещины.

Оказалось, многие волки способны дать фору укротителям в подлости и жестокости.

Оказалось, среди укротителей есть обычные, ни в чем не виноватые люди.

Люди, которые принимают от нее дар не по собственной воле, не по желанию, а из страха распрощаться с жизнью.

Разве это тот мир, о котором мечтали волки? Разве те, кто стал оборотнем по принуждению, смогут породниться со звериной сущностью? Разве на такой почве вырастишь гармонию?

Майя очень в этом сомневалась.

— Я знаю, что это беспокоит тебя, — после долгого молчания снова заговорила мама, — но, поверь, ты все делаешь правильно. Мы все делаем правильно. Это не только твоя ответственность, моя милая... — она любовно провела по лицу дочери и ущипнула ее за щеку, — моя милая чебурашка.

— Ты ведь сама до конца в это не веришь...

Что-то сверкнуло в ее взгляде, но она быстро скрыла это, припустив веки. Мама молчала мгновение, потом вдруг подняла лицо, посмотрела на город под холмом.

Легкий ночной ветерок трепал ее смоляно-черные волосы.

— Конечно, я сомневаюсь. И твой отец сомневается. Не сомневаются только дураки. Но сомнение — не оправдание бездействию. Если мы не будем двигаться, если не будем пытаться что-то сделать, мир не станет послушно стоять в стороне и ждать, когда же мы на что-то решимся, — она взяла ее за обе руки и заглянула прямо в глаза, — я могу понять, что ты чувствуешь, я была в похожей ситуации. Этот мир был чужим и непонятным, вокруг постоянно что-то происходило, и все, кого я встречала, что-то от меня ждали. И мне... Мне жаль, что ты проходишь через все эти беды и сомнения. Но если не идти вперед — никогда не найдешь свой путь. И пока... Пока что ты двигаешься вперед. Да, дорога не всегда прямая и приятная, но она единственная, — мама погладила Майю по мягким золотистым волосам, улыбнулась нежно и чуточку виновато, — моя милая... Ты очень сильная. Самая сильная волчица из тех, кого я встречала. И вместе с тем ты не одна. Мы с папой всегда будем рядом и всегда поможем тебе найти свою дорогу и пройти ее.

В горле зацепало, а слезы подступили к глазам. Такие проникновенные искренние слова не могли не тронуть.

Майя всхлипнула, прижалась к маме и уткнулась носом в ее теплую грудь.

— Точнее я тебе помогу, — обняв дочь, продолжила та, — при своем таланте попадать в истории, твой отец, скорее, подбросит нам дополнительные проблемы.

Златовласая волчица громко усмехнулась и, не отстраняясь, пролепетала:

— Брось! Он ведь не так безнадежен, как ты говоришь!

— Конечно. Он вдвое безнадежнее, — она позволила дочери просмеяться, и прошептала, — но он подарил мне мою дорогую чебурашку, — Дарина поцеловала ту в макушку, — как можно не любить его после этого?

Майя кивнула и притихла. Ее мама тоже молчала.

Некоторое время они стояли так, обнявшись, не говоря ни слова. Майя впитывала в себя материнское тепло, вслушивалась в успокаивающий стук ее сердца. Она знала, что вскоре из города вернется папа с вестями. И какими бы неоднозначными они ни были, все сгладят его шутки и непробиваемый оптимизм.

Как бы ни обстояли дела, каким бы сложным ни казался мир, эти двое действительно

всегда будут рядом. Они не станут ей мешать, не смогут предотвратить ее падение, но...
Даже если она оступится — обязательно протянут руки и помогут подняться.

И все наладится.

Не сразу. Не без боя.

Но все будет хорошо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net